

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Ю. А. Обухова

**ФЕНОМЕН МОНАРХИЧЕСКИХ САМОЗВАНЦЕВ
В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ XVIII СТОЛЕТИЯ)**

Тюмень
ТИУ
2016

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
О 26

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Нижевартовский
государственный университет» В. Н. Ерохин
доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Тюменский
индустриальный университет» В. Я. Мауль

Обухова Ю. А. Феномен монархических самозванцев в контексте российской истории (по материалам XVIII столетия): научное издание / Ю. А. Обухова. – Тюмень: ТИУ, 2016. – 201 с.

ISBN 978-5-9961-1323-1

В монографии исследуются особенности монархических представлений носителей традиционного сознания в России XVIII века. Выявляются стимулирующие факторы, становившиеся детерминантами успеха российских монархических самозванцев в условиях XVIII столетия. Автором обобщаются и дополняются типологии российских самозванцев, а также уточняется значение понятий «самозванство» и «самозванчество».

Монография рассчитана на широкий круг специалистов, интересующихся историей общественного сознания и российской государственности, научных работников, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9961-1323-1

© Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
образования «Тюменский
индустриальный университет»,
2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из наиболее значимых явлений политической истории России XVIII века был феномен самозванцев, связанный с особенностями массового сознания, не затронутого влиянием Просвещения, или затронутого им в самой минимальной степени. Постановка проблемы самозванцев в контекст народной традиционной культуры на фоне общей истории страны многое дает для понимания взглядов широких слоев населения на монархическую власть, ее носителей, на взаимоотношения этой власти с обществом и человеком.

В общественно-политическом смысле интерес к поставленной проблеме определяется тем, что феномен самозванцев в той или иной форме в любом случае всегда означал наличие в государственной жизни страны серьезных системных неполадок, свидетельствующих о кризисе легитимности существующей власти и способов ее репрезентации. Эти проблемы были важны в XVIII столетии в условиях развернувшейся тогда «революции сверху» и формирования новой концепции монарха и монархии, когда появление многочисленных самозванцев становилось своеобразной народной реакцией на политику вестернизации. Вопрос о легитимности и опасность делегитимации власти сохраняют свое значение и в современной российской действительности.

Не секрет, что наметившийся еще горбачевской перестройкой процесс трансформации советских партийно-государственных институтов на демократический лад, так и не завершился по сей день, а потому политическая система Российской Федерации по-прежнему находится в переходном состоянии, а значит, нуждается в эффективных путях развития и способах своего реформирования. При этом все более заметным становится ее крен в сторону возрождения привычных для России авторитарных механизмов организации и осуществления властных полномочий. Однако сосредоточение рычагов управления в руках одного вождя, какой бы замечательной по своим дарованиям личностью он ни был, с неизбежностью реанимирует вероятность явной и скрытой борьбы ближайшего окружения за овладение волей единоличного правителя в своих зачастую корыстных интересах, как это уже не раз бывало в нашей истории, например, в условиях дворцовых переворотов второй четверти XVIII века, которые многими исследователями справедливо признаются своеобразным вершущечным аналогом народного самозванчества.

Актуальность данного исследования обусловлена также отсутствием приемлемого понимания изучаемого нами феномена в отечественном научном, культурном и политическом дискурсе, что вызывает потребность выяснения и уточнения полноты и специфики содержания понятий, используемых для обозначения соответствующих ситуаций и явлений. В противном случае, в отсутствие единого научного лексикона конструктивный диалог не представляется возможным.

Наконец, нельзя забывать о том, что загадочный феномен российских самозванцев с давних пор привлекал, привлекает и будет привлекать внимание образованной публики своей авантюрно-приключенческой стороной, мистической таинственностью, поистине магической притягательностью. Но нельзя сказать, будто бы в изучении этого вопроса уже поставлена последняя точка, а потому необходимость сегодня борьбы исторической науки за возвращение себе былых позиций, авторитета и популярности в глазах широкой общественности становится доминантой углубленного познания столь нетривиальных сюжетов нашего прошлого.

Объектом монографического исследования являются особенности монархических представлений носителей традиционного сознания в России XVIII века.

Предмет научного анализа – российские самозванцы XVIII столетия, претендовавшие на имя/статус царей или их родственников.

Хронологический диапазон темы охватывают период с 1701 по 1800 гг. Такая хронология объясняется степенью изученности феномена российских монархических самозванцев. Нижняя граница обозначает водораздел с XVII столетием, появившиеся в течение которого ложные претенденты уже привлекали значительное внимание исследователей, в том числе на уровне монографических и диссертационных работ. Верхняя граница обуславливается практически полным исчезновением феномена самозванцев как массового явления со страниц отечественной истории.

Территориальные рамки очерчены территорией Российской империи в границах, достигнутых ею к исходу XVIII столетия, но главным образом рассматриваются окраинные области государства, где чаще всего было отмечено появление монархических самозванцев.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- 1) уточнены дефиниции ключевых для исследуемой темы понятий «самозванство» и «самозванчество»;
- 2) проанализированы и дополнены типологии российских самозванцев, выявлены их новые типы;
- 3) выяснены объективные и субъективные факторы, обуславливавших успех российских монархических самозванцев XVIII века;
- 4) установлена и обоснована зависимость между «непригожими речами» и феноменом российских самозванцев XVIII столетия;
- 5) выявлены и проанализированы особенности реализации императивов народного монархизма российскими самозванцами на материалах XVIII века;
- 6) феномен российских монархических самозванцев XVIII столетия впервые рассмотрен в качестве самостоятельной исторической проблемы.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Тема российских самозванцев относится к числу проблем, историография которых одновременно насчитывает немало научных работ и авторов, но, в то же время, практически не имеет до сих пор комплексного монографического воплощения. Иначе говоря, нельзя сказать, что самозванцами не интересовались вовсе, но систематизирующих, обобщающих исследований по данной теме по сути дела не существует. Это утверждение справедливо в отношении российских самозванцев вообще, тем более оправдано оно по поводу лжемонархов и их «родственников» XVIII столетия.

Вся отечественная литература, служившая нам подспорьем при написании монографии, может быть условно разделена по хронологическому критерию: дореволюционная, советская и современная историография. Особо выделим комплекс работ, принадлежащих зарубежным ученым, специально или косвенно затрагивавших проблему ложных претендентов на монархическое имя и/или статус. Полагаем, что такой принцип структурирования лучше позволит проследить динамику изучения феномена российских монархических самозванцев, сможет показать в развитии те перемены в понимании темы, которые происходили на протяжении более чем двух веков под влиянием разного рода историографических революций и методологических трансформаций. К сожалению, не на все указанные в списке литературы книги и статьи сделаны специальные сноски в тексте монографии, что несколько не должно умалять их историографического значения для изучаемой нами исторической проблемы.

Как особенность и достоинство дореволюционной историографии надо выделить разносторонний подход ученых к данной проблематике, характеризующийся отсутствием каких-то излюбленных ими или приоритетных для них тем и направлений. Внимание в достаточно сопоставимой мере было уделено различным аспектам истории России XVIII столетия, так или иначе связанным с феноменом самозванцев.

Во-первых, уже в XIX веке появился ряд авторов (А.П. Барсуков, П.И. Бартенев, Г.В. Есипов, Е.П. Ковалевский, С.И. Лашкевич, С.В. Максимов, М.Н. Прокопович и др.), которые в сопровождении своих кратких комментариев публиковали подборки документов об отдельных самозванцах XVIII века, либо обращались к непосредственному, так же, как правило, лапидарному анализу конкретных историй некоторых из них. На тот момент любая подобного рода информация становилась откровением для читающей публики, открывая для науки новые яркие страницы российского прошлого.¹

¹ Барсуков А.П. Рассказы из русской истории XVIII века по архивным документам. СПб., 1885. С. 195–242; О Кременчугском купце Тимофее Курдилове // Оснадцатый век. Исторический сборник / изд. П.И. Бартенев. М., 1868. Кн. 1. С. 398–402; Есипов Г.В. Люди старого века: Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 1880. С. 416–444; О самозванцах, являвшихся при Екатерине II в

Во-вторых, в дореволюционной историографии было опубликовано несколько обзорных работ, в которых историки с разным успехом попытались свести столь разрозненные, неполные сведения воедино и предложить первые опыты обобщающего изучения данного феномена (Д.Л. Мордовцев, С.М. Соловьев). Правда, первый из них ограничился серией очерков под общим названием об отдельных самозванцах XVIII века – С. Малый, Ф. Богомоллов, Е. Пугачев и М. Ханин, не утруждая себя серьезными аналитическими выкладками. Что касается статьи С.М. Соловьева, то для нее характерен компаративный взгляд на проблему в сравнении не только одних российских самозванцев с другими, но и в сопоставлении их с аналогичными ложными претендентами, объявлявшимися в других странах мира. При этом в духе своей общеисторической концепции излишнее значение историк придавал казачеству, которое неоправданно считал «главным условием для появления самозванцев и успеха их». Отдельные полноценные аналитические рассуждения о самозванцах как исторической проблеме нашего прошлого можно встретить в трудах дореволюционных ученых, излагавших в целом события царствований тех или иных российских монархов XVIII столетия.²

В-третьих, значительный фактический и аналитический материал о самозванцах был представлен на страницах сочинений, посвященных пугачевскому бунту, самому Е. Пугачеву, а также его предшественникам и последователям на самозванческом поприще (А.И. Дмитриев-Мамонов, Н.Ф. Дубровин, И.И. Железнов, П.К. Щербальский, П.Л. Юдин и др.).³

В-четвертых, большое значение для понимания изучаемой темы имеют публикации и исследования дореволюционных историков (А.В. Арсеньев, В.И. Веретенников, Г.В. Есипов, П.П. Каратыгин, М.И. Семевский и др.), в которых на основе деятельности Преображенско-

Воронежской губернии [Приложения] // Ковалевский Е.П. Граф Блудов и его время (царствование императора Александра I-го // Ковалевский, Е.П. Собрание сочинений. СПб., 1871. Т. 1. С. 198–199; Лашкевич С.И. Историческое замечание о смертной казни самозванца Александра Семикова, выдававшего себя за царевича Алексея Петровича // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). 1860. Кн. 1. С. 141–146; Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1900. С. 385–386, 447–460; О извозчике 1-го гренадерского батальона (Низоваго корпуса) Евстифие Артемьеве, назвавшемся царевичем Алексеем Петровичем / Сообщ. М.Н. Прокопович // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). 1897. Кн. 1. Смесь. С. 9–14.

² Мордовцев Д.Л. Самозванцы и понизовская вольница. СПб., 1901; Соловьев С.М. Заметки о самозванцах в России // Русский архив. 1868. Вып. 2. Стб. 265–281; Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. СПб., 1885. С. 198–214.

³ Дмитриев-Мамонов А.И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири: исторический очерк по официальным документам. СПб., 1907; Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники: эпизод из истории царствования Императрицы Екатерины II. СПб., 1884. В 3-х т.; Железнов И.И. Уральцы: очерки быта уральских казаков. СПб., 1858. В 2-х ч.; Щербальский П.К. Начало и характер Пугачевщины. М., 1865; Юдин П.Л. К истории Пугачевщины // Русский архив. 1896. Кн. II. № 6. С. 5–46; 161–184.

го приказа и Тайной розыскных дел канцелярии рассматривались «непригожие речи» как специфическая форма осмысления простонародьем деятельности конкретных вельмож и властителей, а также происходивших в стране событий в целом. И хотя, как правило, в центре внимания ученых непосредственно оказывались сами эти органы политического дознания как таковые, из их работ становится заметной тесная связь «непригожих речей» с критикой существовавших в стране порядков и сидевших на троне правителей, которые осмысливались как «неправедные» и «ложные» монархи. Отсюда оставался буквально один только шаг, до установления прямой зависимости между распространением «непригожих речей» и феноменом российских самозванцев.⁴

Для нас исследования дореволюционных ученых оказались значимыми и с точки зрения накопленных ими фактических данных, и в плане тех интерпретаций феномена российских самозванцев, а также связанных с ним сюжетов, которые были предложены на страницах их сочинений. Можно утверждать, что работами дореволюционных историков был заложен достаточно прочный источниковедческий и историографический фундамент для дальнейшего изучения феномена российских самозванцев, но уже с использованием новых методологических подходов и познавательных стратегий.

В рамках советской исторической науки, основывавшейся на марксистской методологии истории, приоритетной задачей стало изучение различных страниц истории классовой борьбы российского народа против эксплуатации и эксплуататоров. В контексте тематики нашего исследования, главные усилия историков были направлены на изучение высших точек классовой борьбы закабаленных низов, и прежде всего на восстание под предводительством Е. Пугачева. Назовем только некоторые имена из внушительной когорты советских исследователей данной проблемы: А.И. Андрущенко, М.Т. Белявский, В.И. Буганов, И.М. Гвоздикова, Е.И. Индова, М.Д. Курмачева, Ю.А. Лимонов, В.В. Мавродин, Р.В. Овчинников, А.А. Преображенский, Ю.А. Тихонов и мн. др. Нет никаких сомнений, что благодаря их трудам, история этого крупнейшего народного восстания в дореволюционной России была восстановлена

⁴ Арсеньев А.В. «Непристойные речи» (Из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии, XVIII в.) // Исторический вестник. 1897. Т. LXIX. С. 59–80; 375–398; Он же. Старинные дела об оскорблении величества (Очерки из нравов XVIII века). 1701–1797 гг. // Исторический вестник. 1881. Т. 4. Март. С. 578–601; Апрель. С. 822–838; Веретенников В.И. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910; Есипов Г.В. Люди старого века ... С. 1–415; Он же. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. СПб., 1861. Т. 1; 1863. Т. 2; Он же. Тяжелая память прошлого: Рассказы из дел Тайной Канцелярии и других архивов. СПб., 1885; Каратыгин П.П. Язык мой – враг мой (Три рассказа из следственных дел Тайной канцелярии) // Исторический вестник. 1897. Т. LXIX. С. 768–787; Т. LXX. С. 200–215; Семевский М.И. Слово и дело! 1700–1725 // Семевский М.И. Очерки и рассказы из русской истории XVIII в. СПб., 1884. С. 1–339.

весьма и весьма обстоятельно. Однако проблема самозванчества Е. Пугачева всегда находилась на периферии внимания, о ней, конечно, упоминалось, приводились существенные фактические подробности, но их интерпретациям повезло значительно меньше. Как правило, все они сводились к тривиальной констатации «наивного монархизма» и использования предводителями «крестьянской войны» «царистских иллюзий» социальных низов для борьбы за их светлое будущее.⁵

В рамках советской историографии все же появилось несколько обобщающих обзоров феномена самозванцев, хотя исключительно в статейном формате. В одном из этих случаев (М.Н. Тихомиров) рассматривались практически только самозванцы XVII века, и, прежде всего, два Лжедмитрия, в другом (С.М. Троицкий) – речь шла о сквозной характеристике самозванцев XVII–XVIII столетий, где большее место, опять же, отводилось лжемонархам «бунташного века», а третья публикация (К.В. Сивков) была посвящена не всем самозванцам XVIII века, а лишь тем из них, кто появился в последней трети этого столетия, т.е. в непосредственной хронологической связи с пугачевским восстанием. Но даже в этом случае историк не стал касаться «вопроса о самозванчестве в восстании Пугачева, так как это особая большая тема монографического характера».⁶

Тем не менее, один из самых глубоких анализов феномена российских самозванцев был осуществлен также советскими учеными (А.М. Панченко, Б.А. Успенский, К.В. Чистов), причем не историками, а представителями смежных областей знания – этнографии и филологии. В отличие от имманентного марксизму акцентирования социально-экономического фактора формирования классового сознания народных масс, названные авторы взяли на вооружение культурологически ориентированные подходы к изучению прошлого. В результате им удалось пока-

⁵ Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969; Белявский М.Т. Некоторые итоги изучения идеологии участников крестьянской войны 1773–1775 гг. в России // Вестник Московского ун-та. Сер. 8: История. 1978. № 3. С. 34–46; Буганов В.И. Пугачев. М., 1987; Гвоздиков И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Уфа, 1998; Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974. С. 239–269; Курмачева М.Д. Города Урала и Поволжья в крестьянской войне 1773–1775 гг. М., 1991; Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панях В.М. Пугачев и его сподвижники. Л., 1965; Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1961. Т. 1.

⁶ Сивков К.В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 88–135; Тихомиров М.Н. Самозванщина // Наука и жизнь. 1969. № 1. С. 116–121; Троицкий С.М. Самозванцы в России в XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 134–146. К частным аспектам истории самозванцев обращались еще в ранней советской историографии (А.Н. Коган, Б.Г. Кубалов, И.П. Козловский, С.А. Пионтковский, М.Н. Покровский и др.), но в тот период задача концептуального или обобщающего осмысления проблемы историками не ставилась.

зять феномен самозванцев именно в том ключе, который более всего интересует нас в рамках данной исследовательской работы. Выделение и изучение К.В. Чистовым социально-утопических легенд о возвращающихся царях/царевичах-избавителях, трактовка Б.А. Успенским мифа о самозванце на троне сквозь призму специфической русской концепции царской власти, понимание А.М. Панченко «самозванства» в контексте стереотипов традиционного религиозного сознания на долгие годы вперед определили магистральные направления изучения темы в исторической науке. Ярким примером тому могут служить работы советских историков А.С. Мыльников и Н.Я. Эйдельмана, содержащие интересные авторские находки и рассуждения по поводу самозванцев XVIII века, но в концептуальном плане носящие эпигонский характер по отношению к названным выше исследователям. В определенном смысле наблюдения и выводы А.М. Панченко, Б.А. Успенского и К.В. Чистова не утратили своей познавательной значимости до сих пор, хотя в свете современных достижений в области методологии истории они требуют некоторых корректив.⁷

Видимо, по указанным чуть выше причинам в советской научной литературе практически не появилось работ, посвященных такому специфическому явлению общественной мысли социальных низов, как «непригожие речи». Понятно, что они должны были казаться советским историкам еще более примитивными и незрелыми формами выражения классовой идеологии народных масс, чем даже «наивный монархизм» трудящихся, воплощавшийся в появлении самозванцев. Потому едва ли не особняком на общем историографическом фоне той эпохи стоят монография Н.Б. Голиковой о политических процессах при Петре I по данным Преображенского приказа и обстоятельная статья К.В. Сивкова о подпольной политической литературе в России в последней трети XVIII века. К сожалению, с точки зрения современной науки эти исследования представляют интерес только богатым фактическим материалом, скрупулезно собранным учеными, но не его истолкованием, целиком укладывающимся в ограниченные рамки марксистской методологии истории.⁸

⁷ Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ // Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999. С. 6–260; Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 142–183; Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003; Мыльников А.С. Испытание чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991; Он же. Самозванчество в контексте Просвещенного абсолютизма (о модификации просветительской идеологии в народной культуре) // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С. 24–35; Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России: Конец XVIII – начало XIX столетия. М., 1982. С. 35–42; Он же. Лже... // Наука и жизнь. 1980. № 7. С. 112–118.

⁸ Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957; Сивков К.В. Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. 1946. Т. 19. С. 63–101.

Можно полагать, что изучение интересующей нас проблемы советской историографией оказалось достаточно плодотворным, пусть и несколько односторонним. Во-первых, была продолжена, хотя и неравномерно, разработка тех основных направлений в изучении темы, что наметились уже в дореволюционной науке. Во-вторых, произошло накопление значительного массива фактических знаний, прежде всего, за счет пугачевского восстания и некоторых иных смежных с ним сюжетов. В-третьих, применение марксистской методологии позволило увидеть изучаемые аспекты прошлого с социально-экономической стороны, которая прежде преимущественно не интересовала ученых. В-четвертых, именно в условиях советской историографической ситуации были разработаны не утратившие своей актуальности оригинальные подходы к истории России в рамках, например, семиотического и других направлений, что позволило осуществить качественно иные, чем прежде, интерпретации познаваемого феномена.

Современный этап в изучении феномена российских самозванцев в условиях произошедшей смены научных парадигм представляется нам не как отрицание, а как развитие и дополнение предшествующей историографии. Именно в постсоветский период развития исторической науки произошел наибольший прирост специальных исследований по истории самозванцев, которые, однако, не могут быть оценены одинаково положительно.

Существуют авторы, для которых, судя по публикациям, обращение к теме самозванцев стало лишь случайным эпизодом в их научной деятельности (Ю.В. Буйда, Н.А. Васецкий). Несмотря на обобщенно звучащие названия их статей, свои рассуждения они строят исключительно на примере истории Лжедмитриев времен московской Смуты. Едва ли, как нам представляется, этого достаточно для тех обобщающих выводов, к которым приходят названные историки. Зато именно им свойственны слабо аргументированные заявления публицистического свойства об «алхимии самозванства», самозванцах как «явлении русской жизни» и т.п.⁹

К сожалению, большая часть всех появляющихся современных отечественных работ о самозванцах, в том числе диссертационного и монографического характера, ориентирована на материалы XVII столетия и потому не была привлечена при выполнении нашего исследования. С точки зрения оригинальных подходов к терминологии и концептуальных оценок изучаемого феномена интерес представляют публикации Д.И. Антонова, А.С. Логиновой, В.Н. Козлякова, И.О. Тюменцева и некоторых других российских историков, чьи взгляды были учтены в процессе написания монографии.¹⁰

⁹ Буйда Ю.В. Алхимия самозванства // Страна и мир. 1992. № 1. С. 152–154; Васецкий Н.А. Самозванцы как явление русской жизни // Наука в России. 1995. № 3. С. 57–63.

¹⁰ Антонов Д.И. Смута в культуре средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М., 2009; Логинова А.С. Отражение само-

Глубокий анализ самозванцев был предпринят в последние примерно полтора десятилетия историком И.Л. Андреевым и политологом М.С. Арканниковой. Для них обоих характерен сквозной (сквозь века) взгляд на проблему и привлечение информации по лжемонархам, в том числе, и XVIII столетия, что было важным для уточнения наших трактовок изучаемого явления российского прошлого. Но если для И.Л. Андреева главным было выявить «анатомию самозванства» преимущественно с культурологических позиций, то М.С. Арканникова рассматривает «самозванчество» как проявление кризиса легитимности власти, что, с ее точки зрения, делает данный политический феномен актуальным и в наше время. При всех несомненных достоинствах работ названных авторов, серьезным изъяном можно назвать отсутствие у них постоянного внимания к столь «мистически окрашенным» и привлекательным сюжетам российской истории. Это лишает их возможности более развернуто аргументировать свои научные построения.¹¹

Еще одна особенность современной российской историографии заключается в совершенно неоправданном исключении из реестра востребованных наукой исследовательских проблем пугачевского бунта, а, следовательно, и одной из самых заметных самозванческих интриг в нашей истории. Понятно, что таким образом ученые значительно сужают свои возможности в понимании феномена самозванцев в целом. О том, насколько плодотворные результаты можно получить, применив к изучению этой, казалось бы, хорошо знакомой темы новые методологические конструкции, свидетельствуют публикации историка В.Я. Мауля, выполненные в русле междисциплинарных подходов. Они позволили рассмотреть самозванчество Е. Пугачева в совершенно нетривиальных ракурсах и таким образом обеспечить прирост знаний о пугачевском бунте, его предводителе, сподвижниках, и, в целом, о российских самозванцах. Эти познавательные «находки» современного историка были активно востребованы нами при определении собственного

званчества в русской публицистике первой трети XVII века // Россия и Запад: Проблемы истории и культуры. Нижневартовск, 2003. С. 26–34; Она же. Провинциальные «лжецаревичи» Смутного времени и отражение самозванчества в русской общественной мысли первой трети XVII века: Автореф. дис. канд. ист. наук. Тюмень, 2004; Козляков В.Н. Лжедмитрий I. М., 2009; Тюменцев И.О. Казачество и самозванцы в 1606–1612 гг. // Казачество России: прошлое и настоящее. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2006. С. 52–75; Он же. Рождение самозванчества в России в начале XVII века // Самозванцы и самозванчество в Московии. Будапешт, 2010. С. 100–130; Он же. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

¹¹ Андреев И.Л. Анатомия самозванства // Наука и жизнь. 1999. № 10. С. 110–117; Он же. Самозванство и самозванцы на Руси // Знание-сила. 1995. № 8. С. 46–56; Арканникова М.С. Самозванство как объект социально-политологического анализа // Философские науки. 2009. № 12. С. 27–44; Она же. Самозванчество как проявление кризиса легитимности власти в России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2005.

«угла зрения» на феномен российских монархических самозванцев и их «родственников» XVIII века.¹²

Этому же автору принадлежат несколько оригинальных исследований, выходящих за рамки пугачевской тематики, и обращенных непосредственно к проблеме отечественных лжемонархов. И хотя они выполнены только на примере Лжедмитрия I, предложенный в них концептуальный подход, как нам представляется, способен обеспечить познавательную эффективность при изучении других ложных претендентов, в том числе, и по материалам XVIII столетия.¹³

На протяжении долгого времени целенаправленно занимается изучением феномена самозванцев О.Г. Усенко. Он не только сумел плодотворно развить сложившиеся до него историографические тенденции, но и сам стал основателем ряда новых перспективных направлений в исследовании темы. Наиболее приоритетное среди них можно назвать клиометрией самозванчества. Историк активно использует количественные методы, базы и таблицы данных, статистический анализ, ведет скрупулезный подсчет самозванцев и осуществляет их тщательную систематизацию в контексте типологии, социологии, хронологии, географии самозванчества и т.д.¹⁴

¹² Мауль В.Я. Емельян Пугачев и его жены (к вопросу о гендерной проблематике русского бунта) // Клио. [СПб.]. 2012. № 11. С. 99–102; Он же. Имя императора Петра III в социокультурной истории русского самозванчества (опыт аксиологической рефлексии) // Тюменский исторический сборник. Вып. VIII. Тюмень, 2005. С. 75–88; Он же. Как яицкая казачка стала «великой государыней» (гендерные страницы политической истории Пугачевского бунта) // Казачья государственность: исторические, правовые и культурные аспекты. Краснодар, 2011. С. 29–36; Он же. Пир и обжорство на свадьбе самозванцев (по материалам Пугачевского бунта) // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб., 2011. С. 203–212; Он же. Пугачевская версия «игры в царя» // Историк и художник. М., 2005. Вып. 2. С. 181–194; Он же. Пугачевский бунт в зеркале народной смеховой культуры // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 11. М., 2004. С. 275–292; Он же. Самозванные цари и царевичи в социокультурной ретроспективе русского бунта (до Пугачевского восстания) // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной информации. № 40: Социокультурные аспекты изучения русского бунта. Томск, 2005. С. 5–43 и др.

¹³ Мауль В.Я. Лжедмитрий I: телесный код как культурный маркер самозванца // Мининские чтения: Сб. научн. трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Нижний Новгород, 2011. С. 19–40; Он же. Первый самозванец и «третий император»: pro et contra (к вопросу о возможности сравнительного анализа) // Мининские чтения: Сб. научн. трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. Нижний Новгород, 2012. С. 46–58; Он же. Тело Лжедмитрия I в контексте русской и западной культурных традиций // Петербургские славянские и балканские исследования. 2012. № 2 (12). С. 107–120.

¹⁴ Усенко О.Г. Изучение российского монархического самозванчества: «ловушки», проблемы, перспективы // Самозванцы и самозванчество в Московии. Будапешт, 2010. С. 9–37; Он же. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. (Опыт системно-статистического анализа) // Россия в XVIII столетии. Вып. 2. М., 2004. С. 290–353; Он же. Типология самозванцев монархического толка в России второй половины XVIII века // История России сквозь призму борьбы за власть. СПб., 2004. С. 13–16; Он же. Хронология и

Неоднократно О.Г. Усенко с успехом применял познавательные модели, разработанные А.М. Панченко, Б.А. Успенским и К.В. Чистовым, для изучения феномена самозванцев в рамках концепции «диалога культур».¹⁵

Большой заслугой исследователя следует считать проделанную им поисковую работу в государственных архивах с целью выявления новых, неизвестных науке самозванцев. Обнаруженная им обширная информация, помимо уже названного, не только позволила историку уточнить дефиниции используемых понятий и общее количество самозванцев XVII–XVIII вв., но и была реализована в цикле богатых фактическим содержанием научно-популярных очерков «Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I», опубликованных на страницах журнала «Родина», в которых историк познакомил читателей с биографиями и сюжетной канвой самозванческих интриг многих ложных искателей монархического имени и/или статуса. Среди них нас, конечно, главным образом интересовали публикации о тех самозванцах, что объявляли о своих высочайших претензиях в течение XVIII столетия.¹⁶

И это далеко не полный перечень познавательных интересов и эвристических результатов, достигнутых историком О.Г. Усенко в изучении феномена российских самозванцев. Впрочем, не со всеми его выводами и интерпретациями можно вполне согласиться, но спорные моменты в трактовке им тех, или иных нюансов проблемы, которые вызывают у нас сомнение, будут представлены в соответствующих разделах исследовательской работы.

Необходимо отметить, что по сравнению с советской историографией в современных условиях развития исторической науки проявляется большее внимание и к тем сторонам восприятия жизни российскими простоллюдинами XVIII столетия, которые были связаны с произнесением ими «непригожих речей». Об этом, в частности, говорит появление нескольких исследований монографического или хотя бы статейного характера на

география монархического самозванства в Российской империи второй половины XVIII в. // Герои и антигерои в исторической судьбе России. СПб., 2004. С. 47–50 и др.

¹⁵ Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России XVII–XVIII веков как социокультурное пограничье // Уваровские чтения – VI. Граница и пограничье в истории и культуре. Муром, 2006. С. 59–65; Он же. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1997. Ч. 3. С. 36–74; Он же. Самозванчество на Руси: норма или патология? // Родина. 1995. № 1. С. 53–57; № 2. С. 69–72.

¹⁶ Усенко О.Г. Еще царь Петр, и еще ... // Родина. 2009. № 2. С. 78–80; Он же. Иван, испугавший Анну // Родина. 2008. № 11. С. 55–57; Он же. Из Киева с любовью // Родина. 2009. № 1. С. 38–39; Он же. Как стать султаном и царем одновременно // Родина. 2007. № 5. С. 53–57; Он же. Когда бродяга вровень гренадеру ... // Родина. 2007. № 9. С. 42–45; Он же. Когда монархи маршируют // Родина. 2008. № 4. С. 45–49; Он же. Матушкины самозванцы // Родина. 2010. № 2. С. 113–116; Он же. Милый друг царевны Софьи // Родина. 2007. № 2. С. 36–37; Он же. «Назвался сам собою с пьянства...» // Родина. 2007. № 10. С. 48–50; Он же. Петровская родня из Нижнего // Родина. 2007. № 7. С. 62–67; Он же. Три царевича Алексея // Родина. 2007. № 11. С. 119–126; Он же. Царский братец из Лефортова полка // Родина. 2007. № 3. С. 52–56.

данную тему (Е.В. Анисимов, И.В. Курукин, Е.А. Никулина, П.В. Лукин, И.В. Побережников и др.). Впрочем, монография П.В. Лукина, представляющая значительный интерес в концептуальном контексте темы нашей монографии, посвящена изучению «непригожих речей» XVII столетия, и в фактическом плане мало чем может нам помочь.¹⁷

Существенное влияние на реализацию цели и задач монографического исследования оказали работы, авторы которых изучали в целом вопросы формирования образа власти и властителя, способов их политической репрезентации и механизмов воздействия на массовую ментальность. Знакомство с данными трудами позволило лучше представить пути складывания, трансформации и культурную семантику народного монархического сознания в России.¹⁸

Понятно, что феномен российских самозванцев существовал в XVIII веке не сам по себе, но был погружен в широкий исторический контекст. Поэтому в ходе исследования пришлось обратиться к монографиям и статьям, рассматривающим развитие России в условиях ускоренной модернизации, проводимой государственной властью с ориентацией на европейские образцы. Их богатое фактическое и концептуальное содержание позволило в монографии ограничиться лишь отсылкой по мере востребованности к соответствующим работам российских историков.¹⁹

¹⁷ Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999; Он же. Русская пытка: Политический сыск в России XVIII века. СПб., 2004; Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008; Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000; Побережников И.В. Непристойные речи про царей-государей // Родина. 2006. № 3. С. 26; Он же. Слухи в социальной истории: типология и функции (по материалам восточных регионов России XVIII–XIX вв.). Екатеринбург, 1995 и др.

¹⁸ Гурьянова Н.С. Монарх и общество: к вопросу о народном варианте монархизма // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 1999. С. 126–148; Долгих Е.В. Личность монарха в восприятии сановника николаевского времени (М.А. Корф) // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М., 1999. С. 134–159; Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 205–337; Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: Концепции первого монарха // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 457–478; Трефилов Е.Н. Представления о царской власти участников народных бунтов петровского времени: Дис. соиск. ... канд. ист. наук. М., 2010; Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998 и др.

¹⁹ См., напр.: Анисимов Е.В. Афродита у власти: Царствование Елизаветы Петровны. М., 2010; Он же. Россия в середине XVIII в.: Борьба за наследие Петра. М., 1986; Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002; Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008. Каменский А.Б. Реформы и их жертвы // Реформы и реформаторы. М., 2007. С. 587–665; Он же. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999; Пав-

Что касается научных изысканий зарубежных ученых, то они также не выглядят однородными по своей направленности, содержанию и качеству. Среди тех, что посвящены непосредственно российским лжемонархам, весомым историографическим подспорьем для нас стали несколько работ английского историка М. Перри. Ею были высказаны и обоснованы интересные предположения о социально-политической и психологической сущности феномена российских самозванцев, в том числе опознание их с помощью «царских» знаков, предложена любопытная типология, рассмотрена событийная канва различных самозванческих интриг и т.д. К сожалению, большая часть наработок М. Перри и собранный ею фактический материал не могли быть нами использованы в достаточной мере, т.к. хронологически ограничиваются XVII столетием. К тому же вызывает возражение тезис автора о «самозванчестве» как типично казацкой затее, хотя, возможно, он имеет некоторые основания применительно к «бунташному веку».²⁰

То же самое во многом можно сказать о публикациях французского историка К. Ингерфлома и венгерского исследователя Д. Свака, хотя между ними, конечно, есть и существенные различия. Так, первый из них на основе разинского восстания предлагает содержательное историко-культурологическое истолкование феномена самозванцев с точки зрения форм политической репрезентации власти и народной реакции на них. С этой целью, в частности, он не раз обращается к «непригожим речам» как форме выражения народного мнения о власти и властителях. Некоторые из его выводов вполне работоспособны и на материалах XVIII столетия. Второй историк, адресуясь к историографическому наследию темы, на примере самозванцев Смутного времени в рациональном ключе не очень убедительно пытается показать политическую подоплеку «самозванчества» и полагает, что этот яркий феномен российской истории не что иное, как мошенничество и обман, «польско-казацкая микстура».²¹

ленко Н.И. Страсти у трона: история дворцовых переворотов. М., 1996; Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999 и др.

²⁰ Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995; Perrie M. Pretenders in the Name of the Tsar: Cossack «Tsareviches» in Seventeenth Century Russia // Von Moskau nach St. Petersburg: Das russische Reich im 17 Jahrhundert. Wiesbaden, 2000. P. 243–256; Перри М. Самозванцы XVII века и вопрос о легитимности правящего царя // Самозванцы и самозванчество в Московии. Будапешт, 2010. С. 66–88; Перри М. Символика «царских знаков» российских самозванцев XVII–XIX веков // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. М., 2009. С. 123–125.

²¹ Ингерфлом К. Между мифом и логосом: действие 1. Рождение политической репрезентации власти в России // Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. М., 2003. Кн. 2. С. 65–96; Ингерфлом К. Политическая история России: этнологическое измерение // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М., 1995.

Определенную информацию о взглядах зарубежных исследователей на российских лжемонархов, и, прежде всего, на Е. Пугачева, можно почерпнуть у американского историка Дж. Александера и французского историка П. Паскаля, перу которых принадлежат специальные труды по истории пугачевского бунта. Однако в значительной части они представляют собой компиляцию из работ дореволюционных и советских ученых и опираются на давно известные опубликованные источники. Тем не менее, некоторые оценки, интерпретации и выводы авторов достаточно интересны и были востребованы нами в процессе написания монографии.²²

Необходимо также назвать комплексные исследования по российской истории и культуре в целом, о мифах и церемониях русской монархии и т.д., которые дополнили наши представления о взглядах зарубежных ученых на модернизационные процессы в России XVIII столетия и их отражение в сознании современников. Другие их работы позволили увидеть изучаемый феномен российских самозванцев в компаративном ракурсе, т.е. на фоне аналогичных явлений и процессов в Западной Европе.²³

Привлеченный корпус отечественных и иностранных сочинений вполне репрезентативен с точки зрения знакомства с опытом решения названной научной проблемы. Он оказал существенную историографическую и методологическую поддержку при раскрытии цели и задач монографического исследования. Однако обобщающих научных трудов по данной теме по сути дела не было написано. Это утверждение справедливо касательно российских самозванцев вообще, тем более оправдано оно по отношению к лжемонархам и их «родственникам» XVIII века. Столь явный пробел призвана отчасти восполнить настоящая работа.

Источниковой базой исследования является комплекс архивных и опубликованных источников разной типо-видовой принадлежности. Главным образом, это судебно-следственные материалы по делам российских

С. 141–150; Ингерфлом К. Самозванство и коллективные представления о власти в русской истории (XVII–XX вв.) // Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма. М., 1991. С. 99–100; Свак Д. Несколько методологических и историографических замечаний о «самозванчестве» // Самозванцы и самозванчество в Московии. Будапешт, 2010. С. 38–65.

²² Александер Дж. Т. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. Уфа, 2011; Александер Дж. Т. Российская власть и восстание под предводительством Емельяна Пугачева. Уфа, 2012; Паскаль П. Пугачевский бунт. Уфа, 2010.

²³ Биллингтон Дж. Икона и топор: опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001; Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998; История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996; Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2002; Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002; Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002.

самозванцев, над участниками пугачевского бунта, авторами непристойных высказываний в адрес высочайших особ, их родственников или вельмож различной степени знатности. Среди них можно выделить такие разновидности документов, как доносы, протоколы допросов, манифесты, указы тех или иных самозванцев (как правило, Е. Пугачева и пугачевцев), подметные письма и многие другие.

При выполнении работы были привлечены *неопубликованные документы*, хранящиеся в четырех фондах двух центральных архивов нашей страны. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) изучены материалы из Фонда 6 «Уголовные дела по государственным преступлениям» (Д. 405, 421, 506, 512). В них находятся важные для нашей темы документы о самозванце Ф. Каменщикове, действовавшем в Оренбургской губернии в роли «фурьера» императора Петра III, показания секретаря пугачевской военной коллегии М. Горшкова и переписка различных лиц с пугачевским атаманом В. Торновым. Большое значение имели показания, «отобранные генерал-майором Павлом Потемкиным, от Емельяна Пугачева, первой жены его Софьи Дмитриевой, второй жены Устины Петровой и первоначальных сообщников самозванца», а также материалы генерального следствия по пугачевскому бунту, которое производилось в Москве Тайной экспедицией Сената.¹

Также в РГАДА были исследованы документы из Фонда 7 «Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция» (Д. 988, 1401, 1408, 2047, 2070), в котором отложились сведения о следственных процессах по делам о «непригожих речах», производившихся специальными органами политического дознания в течение XVIII столетия, а также «Списки и ведомости о лицах, осужденных в Тайной экспедиции». Кроме того, были просмотрены и проанализированы материалы из Фонда 371 «Преображенский и Семеновский приказы» (Д. 30, 491, 788), содержащие информацию о секретных делах, связанных с говорением «непригожих речей» в период с 1689 по 1729 гг.^{II}

¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 405: О казаке Федоре Каменщикове, производившем возмущение в Оренбургской губернии и уверявшем, что Петр III жив. Л. 1–49; Д. 421: Показание о Пугачеве секретаря пугачевской военной коллегии Максима Горшкова и переписка его и других лиц с пугачевским атаманом Василием Торновым. Л. 1–14; Д. 506: Показания, отобранные генерал-майором Павлом Потемкиным, от Емельяна Пугачева, первой жены его Софьи Дмитриевой, второй жены Устины Петровой и первоначальных сообщников самозванца. Л. 106–116, 117–136, 379–384, 387–387 об., 390–391 об., 441–446 об.; Д. 512: Дело о пугачевском «бунте», производившем в тайной экспедиции в Москве под ведением князя Михаила Никитича Волконского. Л. 256–257.

^{II} РГАДА. Ф. 7. Оп. 1: «Дела Преображенского приказа и Тайной канцелярии». 1712–1762. Д. 998: О капитане-поручике Григорье Темиряеве, рассказывавшем об отношениях Петра Первого, императриц Екатерины I, Анны и Елизаветы к камергеру Монсу, Бирону, Шубину и Разумовскому. Л. 1–174; Д. 1401: О экипаж-мейстере Александре Ляпунове, осужденном за непристойные разговоры касательно императрицы Елизаветы, и о жене его Марье Ляпуновой, обвиненной в связи с канцеляристом Тайной канце-

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в Фонде 112 Особого Присутствия Правительствующего Сената отложились в четырех делах (473, 474, 476, 477) представляющие интерес документы (жандармские постановления, протоколы допросов фигурантов дела и обысков у них, Устав Тайного общества, подложный манифест Александра II, обвинительные заключения, текст приговора Киевской палаты Уголовного и Гражданского суда и мн. др.) по так называемому Чигиринскому заговору 1876–1878 гг., когда группа революционеров-народников в некоторых уездах Украины попыталась организовать крестьянский бунт, не без успеха используя в своих целях мистификацию от имени царя. Эти материалы представляют интерес для компаративного изучения некоторых аспектов феномена самозванцев.^{III}

Среди *опубликованных источников* основное место занимают документы по истории самозванческой интриги Е. Пугачева. Это можно объяснить тем вниманием, какое прежде всего в советской науке уделялось истории восстания под его предводительством. Фундаментальные сборники документов и отдельные публикации включают преимущественно материалы следствия над самим Е. Пугачевым, в незначительной степени, а зачастую фрагментарно – над его сподвижниками, плюс документацию, вышедшую из лагеря Пугачева/Петра III в виде переписки, манифестов, указов, распоряжений и т.п.^{IV}

лярии Степаном Шешковским. Л. 1–153; Д. 1408: О лицах, осужденных за бранные выражения или непристойные упоминания об Императрице Елизавете. Ч. 11; Д. 2070: Дело об извете священника Семена Васильева на сына своего пономаря Козьму Васильева в дерзких речах о кончине Петра III. Л. 1–12; Оп. 2: «Дела Тайной экспедиции». 1762–1817. Д. 2047: Списки и ведомости о лицах, осужденных в Тайной экспедиции. Ч. 1. Л. 168 об.; Ф. 371 «Преображенский и Семеновский приказы». Оп. 1. Ч. 1: Секретные дела Преображенского приказа. 1689–1729. Д. 30. Л. 1–12; Д. 491. Л. 1–13; Д. 788. Л. 1–100.

^{III} ГАРФ. Ф. 112 (Особое Присутствие Правительствующего Сената). Оп. 1. Д. 473. Л. 95–96; Д. 474. Л. 150–151 об., 195–195 об., 261–264, 309–311; Д. 476. Л. 243–244 об., 547–552, 580–583, 584–585 об., 586–590 об.; Д. 477. Л. 1–62, 69–107.

^{IV} Документы о следствии над Е.И. Пугачевым в Яицком городке // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 124–138; № 4. С. 111–126; Документы о следствии над Е.И. Пугачевым в Симбирске // Вопросы истории. 1966. № 5. С. 107–121; Документы о следствии над Е.И. Пугачевым в Москве // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 92–109; Документы о судебном процессе по делу Е.И. Пугачева в Москве // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 137–149; Протокол показаний сотника яицких казаков-повстанцев Т.Г. Мясникова на допросе в Оренбургской секретной комиссии 9 мая 1774 года // Вопросы истории. 1980. № 4. С. 97–103; Пугачевщина. Т. 1: Из архива Пугачева (манифесты, указы и переписка). М.; Л., 1926; Пугачевщина. Т. 2: Из следственных материалов и официальной переписки. М.; Л., 1929; Пугачевщина. Т. 3: Из архива Пугачева. М.; Л., 1931; Емельян Пугачев на следствии. Сб. док-тов и материалов. М., 1997; Сподвижники Пугачева свидетельствуют // Вопросы истории, № 8. 1973. С. 101–113; Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг. М., 1975 и др.

Кроме того, необходимо отметить те редкие случаи публикаций следственных документов (доношений, подметных писем и т.п.) о других самозванцах XVIII столетия или о фактах произнесения простолоудинами «непригожих речей», которые были осуществлены, как правило, еще дореволюционными историками. В советское время по понятным причинам интереса к ним практически не наблюдалось, тем выше их значимость для нашего исследования, поскольку они существенно расширяют востребованный фактический материал по изучаемой проблематике.^V

Источниковая основа исследования также формировалась благодаря документам правительственного и повстанческого лагерей, запечатлевшим процесс развития самозванчества Е. Пугачева и его отражение в различных регионах страны с преобладающим нерусским населением.^{VI}

Кроме того, анализировалась делопроизводственная документация государственных органов и учреждений в центре и на местах, с целью выяснить реакцию власть предержащих на появление самозванцев, принятие управленческими структурами важных решений по борьбе с ними и их сторонниками, меры по предотвращению повторения таких случаев, пресечению распространения слухов о них и т.д.^{VII}

При написании монографии использовались эпистолярные и мемуарные источники (письма, воспоминания, дневники и записки современников), написанные представителями враждебного самозванцам общественного круга. Имеющиеся в них свидетельства в большей степени показыва-

^V Доношение дьячка Василия Федорова на отставного капрала и Волоколамского помещика, Василия Кобылина, в брани царского величества, государя Петра I-го // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). 1860. Кн. 2. Смесь. С. 21–25; Мнимый сын Голштинского принца (Из дел тайной экспедиции) // Памятники новой русской истории: Сборник исторических статей и материалов. Т. 3. СПб., 1873. С. 315–322; О извошке 1-го гренадерскаго баталиона ... С. 9–14; О Кременчугском купце Тимофее Курдилове ... С. 398–402; Подметное письмо государю императору Петру Первому // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). 1860. Кн. 2. Смесь. С. 27–30; Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны 1741–1761 гг. // Русская старина. 1875. Т. 12. С. 523–539 и др.

^{VI} Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773–1775 гг. Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1961; Крестьянская война под водительством Е.И. Пугачева в Марийском крае. Док-ты и материалы. Йошкар-Ола, 1989; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. Сб. док-тов и материалов. Ижевск, 1974 и др.

^{VII} Архив Государственного совета. Т. 1: Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796 гг.). СПб., 1869; В правительствующий сенат от Оренбургской губернской канцелярии рапорт // Памятники новой русской истории: Сборник исторических статей и материалов. Т. 3. СПб., 1873. С. 385–396; Материалы для истории пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибилова // Приложение к 1-му тому Записок Императорской Академии Наук. 1862. № 4. С. 1–65; Материалы для истории пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева // Приложение к XXV-му тому Записок Императорской Академии Наук. 1862. № 4. СПб., 1875. С. 1–144; П.С. Потемкин во время Пугачевщины (Материалы для истории Пугачевского бунта) // Русская старина. 1870. Т. 2. С. 397–414 и др.

ют образ исторического события, отложившийся в сознании авторов. В изученных нами источниках отражено впечатление современников от лжемонархов, прежде всего Е. Пугачева. Поскольку эго-документы из-за крайнего субъективизма их создателей традиционно считаются сложными в источниковедческом отношении, эти трудности преодолевались с помощью перекрестного сопоставления данных из различных видов источников.^{VII}

В целом, полагаем, что комплекс привлеченных нами источников вполне репрезентативно отражает фактическую сторону изучаемого феномена. Это позволяет, применяя классические и современные источниковедческие приемы, извлекать из них искомую информацию и полноценно решать задачу рассмотрения российских монархических самозванцев XVIII столетия в качестве феномена отечественной истории.

Особое значение для нас имело разработанное еще А.С. Лаппо-Данилевским и развитое в новейшую эпоху понимание исторического источника как фрагмента культуры, к которой он принадлежит.^{IX}

^{VII} Бибиков А.И. Письма А.И. Бибикова к А.М. Лунину // Русский архив. 1866. Вып. 3. Стб. 377–388; Бибиков А.И. Письмо А.И. Бибикова к кн. М.Н. Волконскому [от 26 марта 1774 г.] // Русский архив. 1867. Вып. 4. Стб. 500–506; Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793. Т. 3. СПб., 1872; Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова. М., 1865; Манштейн К.Г. Записки о России. Ростов-на-Дону, 1998; Материалы для истории пугачевского бунта. Переписка Екатерины с графом П.И. Паниным // Приложение к III-му тому Записок Императорской Академии Наук. 1863. № 4. С. 1–37; Переписка Екатерины II-й с Московским главнокомандующим, князем М.Н. Волконским // Оснадцатый век. Исторический сборник. М., 1868. Кн. 1. С. 52–162; Письма императрицы Екатерины II к А.И. Бибикову во время пугачевского бунта (1774) // Русский архив. 1866. Вып. 3. Стб. 388–398; Письма Екатерины Второй барону Гримму // Русский архив. 1878. Кн. 3. С. 5–240; Пугачевщина (письма графа П.И. Панина к брату его Никите Ивановичу) // Русский архив. 1876. Т. II. С. 7–44 и др.

^{IX} См., напр.: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2006. С. 264–616; Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие. М., 1998. С. 19–121.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ САМОЗВАНЦЕВ

§ 1. Понятийный инструментарий исследования: «самозванство» и «самозванчество»

Человека, присваивающего чужое имя и/или статус, ради достижения каких-либо личных или общественных целей, в самом широком смысле слова обычно принято называть самозванцем. Подобное встречалось в разные времена и у многих народов, начиная с давних пор. Однако ни в какой другой стране это явление не было таким частым и не играло столь значительной роли в истории государства и общества, как в России в минувшие столетия. Некоторые отечественные авторы пытались даже протестовать против возможных намеков на якобы исключительное «невежество» русского народа. Например, веский «оправдательный» аргумент историка М.Н. Тихомирова заключался в утверждении, что «и такой "рассудочный" народ, как англичане, испытали тоже своего рода эпопею самозванчества в конце XV века, то есть на столетие раньше, чем подобный же самозванец появился в России».¹

Однако споры о «национальной» принадлежности данного феномена кажутся нам не слишком перспективными. Тем более что количественный перевес российских самозванцев на фоне заграничных аналогов сомнений не вызывает. По образному выражению историка Н.И. Костомарова, у нас самозванцев «было так много, что их не перечесть, да еще многие в свое время являвшиеся остались до сих пор неизвестными и как бы случайно из мрака архивов открываются на горизонте истории словно астероиды, беспрестанно увеличивающие каталог планет».²

Историки отмечают, что, в отличие от Западной Европы, наши источники до начала XVII в. не знают ни одного самозванца, хотя нередко складывались обстоятельства, «предрасполагавшие» к этому. Таковыми были и междукняжеская война второй четверти XV века, и схватка за престол между внуком и сыном Ивана III еще при его жизни, и в особенности конец царствования Ивана Грозного. Между тем ни в одной из этих ситуаций самозванец не появился. Вне русских пределов – это довольно редкое и спорадическое, но, так сказать, «равномерное» явление. В истории же России, как полагал академик А.М. Панченко, оно вмещается в четкие временные рамки – от начала XVII в. до крестьянской реформы 1861 г., от Лжедмитрия до Лжеконстантина.³

¹ Тихомиров М.Н. Самозванщина // Наука и жизнь. 1969. № 1. С. 116

² Костомаров Н.И. Самозванец лже-царевич Симеон // Исторический вестник. 1880. № 1. С. 25.

³ Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ // Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999. С. 28.

Однако мы в данном случае присоединимся к тем исследователям, которые не соглашаются с таким верхним хронологическим ограничением феномена, «обнаруживая» его и в несколько более позднее время.

С историсофской точки зрения, подобная «хроническая болезнь» российской истории отнюдь не случайна. Дело в том, - считал Н.А. Бердяев, что «Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей, страна мятежная и жуткая в своей стихийности, в своем народном дионисизме, не желающем знать формы». По этим причинам некоторые ученые полагают возможным называть самозванцем всякого человека, пытающегося «выйти за границы царства сложившихся форм ..., поскольку в стремлении к свободной самореализации он преступает грань общедозволенного». Похожим образом Г.Л. Тульчинский трактует понятие «самозванец» как «примат воли, космической уверенности в правоте, в праве решать за других – как им жить, в праве на переделку общественного строя исключительно по собственному разумению, на «все или ничего», на агрессию, на решение судьбы чужого правительства, на переселение целых народов, на конституционное закрепление собственного превосходства – как нации, как класса, как партии, как личности» и т.д.⁴

В свете сказанного, нет ничего удивительного, что российские самозванцы с давних пор приковывают к себе внимание представителей разных областей социо-гуманитарного знания, в том числе историков. Сравнительно недавно один из лучших отечественных специалистов по самозванцам И.О. Тюменцев в принципе справедливо заметил, что «после Лжедмитрия I самозванчество превратилось в явление русской народной жизни, которое не изжито до сегодняшнего дня. Именно поэтому данный феномен неизменно вызывает пристальный интерес у многих исследователей».⁵

Однако анализ написанного о российских самозванцах показывает, что среди историков отсутствует сколько-нибудь заметное взаимопонимание по вопросу, какой понятийный инструментарий даст возможность наиболее эффективно изучать столь яркий феномен нашего прошлого. Со времен князя М.М. Щербатова и по сегодняшний день учеными в качестве синонимов используются такие неравнозначные термины, как «самозванство», «самозванчество» и «самозванщина», хотя последний из них встречается намного реже двух остальных. Недавно в литературе появился совершенно немыслимый и,

⁴ Бердяев Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. М., 2007. С. 31; Буйда Ю. Власть всея Руси // Октябрь. 2005. № 4. С. 142; Буйда Ю. Алхимия самозванства // Страна и мир. 1992. № 1. С. 152; Тульчинский Г.Л. Испытание именем, или Свобода и самозванство. СПб., 1994. С. 20, 23, 42, 51.

⁵ Тюменцев И.О. Рождение самозванчества в России в начале XVII века // Самозванцы и самозванчество в Московии. Будапешт., 2010. С. 100.

на наш взгляд, неудачный термин «самозванничество»*. С их помощью идентичным образом обозначаются, с одной стороны, мысли и действия самих самозванцев, но, с другой стороны, и поведенческие реакции людей, которым они объявляли о своем высоком происхождении, а также и то, и другое вместе взятое. Причем, не всегда уделяется специальное внимание их «расшифровке», видимо, ученые полагают, что речь идет о чем-то само собой разумеющемся. Из текстов можно составить впечатление о необычайно расширительной и универсальной трактовке используемых ими понятий. Отсутствие терминологической четкости само по себе вызывает недоумение. К тому же заметим, что оно было характерно уже для дореволюционной науки, и, пережив не одну историографическую революцию, благополучно дожило до наших дней. Лишь изредка историки усматривают семантически значимые оттенки в их употреблениях в зависимости от сюжетных особенностей действий самозванцев и их сторонников. Необходимо, наконец, разобраться в этой путанице понятий, сущностей и их дефиниций, ибо только в этом случае они могут стать результативным средством познавательного процесса, позволят получить адекватные картины прошлого. Для понимания тонкостей используемой учеными терминологии нам придется нередко обращаться к литературе, посвященной самозванцам XVII столетия, ибо соответствующих исследований по XVIII веку явно недостаточно, чтобы составить целостное представление.

Одни авторы понятиями как «самозванство», так и «самозванчество» обозначают только поведение самого самозванца, незаконное присвоение им чужого имени и/или звания. Обычно имеется в виду, что все это делается исключительно из корыстных соображений с целью сознательного обмана потенциальных сторонников. Именно такой смысл, как правило, предполагается составителями различных справочников, энциклопедий и словарей, а также некоторыми учеными-историками. Например, в трактовке автора «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, самозванец – это индивид, «принявший чужое имя или звание, утаившийся под видом иного человека, выдающий себя за кого-либо иного».⁶

Историк И.В. Побережников в принципе соглашается с такой формулировкой, но именует «присваивание себе царского звания» уже по-иному – «самозванчество» (здесь и далее выделено мной. – Ю.О.).⁷

Аналогичным образом, отмечая «живучесть феномена *самозванчества*», А.С. Логинова относит к нему и те случаи, когда «заявления самозванцев не нашли отклика», и их можно объяснить всего лишь «личными амбициями одного-двух человек». Предполагается, что необоснованного притязания каким-либо человеком на высочайшее имя и/или статус для историка уже

* Антонов Д.И. Смута в культуре средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века / Д.И. Антонов. – М. : Изд-во РГГУ, 2009. С. 100.

⁶ Самозванец // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 133.

⁷ Побережников И.В. Непристойные речи про царей-государей // Родина. 2006. № 3. С. 26.

вполне достаточно, чтобы квалифицировать эти действия именно как «самозванчество». Вполне, казалось бы, определенная авторская позиция. Однако, обращение к другим работам того же исследователя показывает, что в действительности А.С. Логиновой абсолютно все равно, как квалифицировать изучаемый ею исторический феномен: она не видит совершенно никакой разницы между востребованными терминами, обращаясь с ними весьма произвольно по своему усмотрению. Цитирую фрагменты одного и того же ее текста: «О *самозванщине* в целом, и в том числе о провинциальной, рассказывается в «Казанском сказании» первых лет царствования Михаила Федоровича». Таким образом, А.С. Логинова, не подготовив к этому читателя, использует новый для себя термин «самозванщина», непонятно что обозначающий в ее интерпретации. А далее безо всяких необходимых комментариев и разъяснений пишет уже иначе: «*Самозванчество* традиционно воспринимается автором («Казанского сказания». – Ю.О.) как возмездие за грехи».⁸

По этим и многим другим примерам видим, что принятие на себя чужого имени и/или статуса в исторической справочной и научной литературе безоговорочно, на альтернативной основе может называться как самозванством, так и самозванчеством, а изредка и самозванщиной. К сожалению, подобное неразборчивое использование специфической терминологии весьма нередко.

В историографии есть случаи вкладывание в содержание понятий «самозванство» и «самозванчество» и других дефиниций. Ряд ученых также искренне полагают, что это синонимы, и без разницы, с помощью какого из них обозначать, но уже не индивидуальные действия самозванцев, а более или менее массовые народные выступления в их поддержку.

В этой связи обратим внимание на соответствующее высказывание историка А.Г. Брикнера, который еще в XIX веке полагал, что «*самозванство* оказывается результатом общего брожения, несносного положения массы народа, коллективным преступлением черни».⁹

Как ни странно, но уже на почве «классовой борьбы», свою видимую «солидарность» в этом вопросе с дореволюционным ученым выражали и советские историки. Выясняя характер и значение, так называемых, «крестьянских войн» в России, они считали, что в ходе них шла острая борьба «за власть, хотя и в старой, привычной форме, ориентированной на монархический характер правления». По мнению историка В.В. Мавродина, этим «и объясняется широкое распространение *самозванства*».¹⁰

⁸ Логинова А.С. Провинциальные «лжецаревичи» Смутного времени и отражение самозванчества в русской общественной мысли первой трети XVII века: Автореф. дис. канд. ист. наук. Тюмень, 2004. С. 17; Логинова А.С. Отражение самозванчества в русской публицистике первой трети XVII века // Россия и Запад: Проблемы истории и культуры. Нижневартовск, 2003. С. 29.

⁹ Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. СПб., 1885. С. 206.

¹⁰ Мавродин В.В. По поводу характера и исторического значения крестьянских войн в России // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 40.

Такое же значение «самозванству» присваивает и современный нам историк Н.А. Васецкий. Описывая народные выступления в поддержку Лжедмитриев, он отмечает, что «без *самозванства* смутного времени наша история была бы, не скажу совершенно иной, но гораздо чище, ближе к национальному менталитету».¹¹

Еще один известный исследователь В.Н. Козляков, анализируя историю первого самозванца, задается характерным вопросом о театрализованных формах интриги названного Дмитрия: «Видели ли этот вымышленный подтекст другие современники, столкнувшиеся с *самозванством*?» На последующих страницах историк продолжает настаивать на правильности именно такого истолкования термина. Он отмечает, что с появлением Е. Пугачева «и страшным повторением *самозванства* в русской истории Екатерина II, да и другие современники уже больше не смогли бы выдерживать учтивый и по-светски занимательный тон в беседе о Лжедмитрии».¹²

Таким образом, по мнению В.Н. Козлякова, многотысячную поддержку двух «наиболее успешных» самозванцев в российской истории различными категориями населения, прежде всего, из числа социальных низов следует классифицировать как самозванство.

Есть в научной литературе иные обозначения тех же самых исторических событий Смутного времени. Так, английская исследовательница М. Перри объясняет массовую поддержку первых Лжедмитриев с позиций религиозно-монархических представлений простолюдинов и считает, что «именно поэтому, может быть, *самозванчество* стало таким значительным явлением во время династических кризисов в России в начале XVII века». Но историк И.О. Тюменцев описывает взгляды английского ученого уже с помощью понятия «самозванство»: «М. Перри, - пишет он, - усомнилась в том, что *самозванство* явилось формой антифеодального протеста русского народа». Впрочем, в отношении позиции иностранных авторов может иметь место проблема адекватности перевода специфической терминологии с английского, французского, немецкого и т.п. на русский язык и наоборот. Сама английская исследовательница в одной из последних работ также отметила данное затруднение: «Как лучше передавать значение древнерусских терминов на иностранном языке вопрос очень сложный, и на него, конечно, нет однозначного ответа». В этой связи обратим внимание на Glossary of Russian terms, помещенный в фундаментальной монографии М. Перри о самозванцах, где она поясняет, что *samozvanchestvo* (*samozvanstvo*) – это синонимы, к тому же они тождественны понятиям *pretence, imposture, pretender phenomenon*.¹³

¹¹ Васецкий Н.А. Самозванцы как явление русской жизни // Наука в России. 1995. № 3. С. 58.

¹² Козляков В.Н. Лжедмитрий I. М., 2009. С. 6, 20 и др.

¹³ Перри М. Самозванцы XVII века и вопрос о легитимности правящего царя // Самозванцы и самозванчество в Московии. Будапешт, 2010. С. 79. См.: Тюменцев И.О. Казачество и самозванцы в 1606–1612 гг. // Казачество России: прошлое и настоящее.

В тоже время И.О. Тюменцев, характеризуя взгляды на Смуту историка Р.Г. Скрынникова, использует уже термин «самозванчество». По мнению исследователя, ленинградский ученый «пришел к выводу, что у истоков самозванческой интриги (Лжедмитрия II. – Ю.О.) стояли русские повстанцы, и питательной почвой *самозванчества* явилось недовольство широких слоев русского народа существующим государственным порядком». При этом делаются ссылки на монографию о И. Болотникове. Однако это не более чем интерпретация комментатора, ибо на указанных страницах сам Р.Г. Скрынников ни разу не употребил слово «самозванчество», а только – «самозванец» и «самозванческая интрига».¹⁴

По этим косвенным данным следует понимать, что для И.О. Тюменцева самым приемлемым понятием для описания выступлений ложных претендентов на корону и их поддержки широкими общественными кругами является термин «самозванчество». Такое предположение подтверждается анализом работ самого историка.

Другой известный ученый А.С. Мыльников также предпочитал называть соответствующий исторический феномен «самозванчеством». Он был уверен, что «народное *самозванчество*» – это «не только индивидуальный, но и коллективный феномен».¹⁵

В отличие от предшествующих трактовок, видим, что в данном контексте «самозванство» и «самозванчество» оказываются наполненными иными содержательными дефинициями, связанными не столько с действиями самих самозванцев, сколько с активным поведением их сторонников. Но никаких семантических нюансов в каждом из этих понятий ученые не замечают, а потому не усматривают между ними никакой принципиальной разницы.

Примеры абсолютного неразличения терминологической специфики демонстрируют те историки, которые считают, что «самозванство», «самозванчество» и даже «самозванщина» – это полностью тождественные понятия, обозначающие весь комплекс событий, так или иначе связанных с историей самозванцев в любых их комбинациях и проявлениях.

Из подобных соображений исходит, например, современный историк Е.В. Анисимов в своей фундаментальной монографии о политическом сыске и русском обществе XVIII века. В его формулировке это звучит так: «Тяжким государственным преступлением было *самозванство*

Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2006. С. 52; Перри М. Проблемы публикации источников по истории России в переводе на английский язык: по поводу книги Роберта Смита о закреплении русского крестьянства // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии. М., 2012. С. 429; Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995. P. XV.

¹⁴ Тюменцев И.О. Казачество и самозванцы в 1606–1612 гг. ... С. 52. См.: Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л. 1987. С. 190–196.

¹⁵ Мыльников А.С. Самозванчество в контексте просвещенного абсолютизма (О модификации просветительской идеологии в народной культуре) // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С. 34.

(«*самозванчество*», или «именование себя непринадлежащим именем», или «вклепавший на себя имя»)).¹⁶

Еще дальше по пути окончательного отождествления всех рассматриваемых нами понятий пошел советский историк М.Н. Тихомиров. Назвав свою интересную статью о Лжедмитриях начала XVII века «*Самозванщина*», он далее на первой же странице текста безо всяких различий употребляет для обозначения поведенческих реакций их самих и их сторонников термины и «*самозванство*» и «*самозванчество*».¹⁷

Вспомним, что А.С. Логинова также на равных «задействовала» в своем понятийном аппарате все три термина, а историк Р.Г. Скрынников, отмечая, что «роль самозванца оказалась Молчанову не по плечу», предложил совершенно неожиданную фразеологию для обозначения «весьма своеобразного исторического явления» – «самозванщина без самозванца».¹⁸

Представляется все же, что нет достаточных оснований для того, чтобы любому из этих терминов придавать суммативные интегральные значения, или исключать наиболее востребованные среди них из понятийного арсенала науки, ибо это лишает исследователя возможности разглядеть тонкие нюансы и оттенки в яркой и многогранной истории российских самозванцев.

Необходимость принципиально дифференцировать и упорядочить столь запутанную терминологию была осознана только на современном этапе развития отечественной историографии. Отказавшись от приоритета «единственно верной» марксистско-ленинской методологии истории, историческая наука оказалась в сложной ситуации методологического плюрализма, требовавшего от историков более умелого обращения с научными понятиями и их дефинициями. Стало очевидным, что каждая познавательная парадигма несет в себе высокую гносеологическую нагрузку, задает определенный исследовательский дискурс и раскрывается как особая понятийная реальность. Хорошо известно, что наиболее простым и очевидным способом реализации неявного теоретического знания в конкретном историческом исследовании является использование того или иного понятийного инструментария. Неслучайно, что ведущая задача методологии истории заключается именно в обосновании основных понятий исторической науки, ибо степень зрелости науки заключается в степени зрелости ее понятийного аппарата. Наибольший вклад в его упорядочивание при изучении истории российских самозванцев внес историк О.Г. Усенко.

Не вызывает возражений мнение ученого, предлагающего понимать под *самозванством* «мысли, чувства и действия конкретного человека, решившего выдавать себя за носителя другого, нового имени и/или

¹⁶ Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 42.

¹⁷ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 116.

¹⁸ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 68.

статуса, особенности его самовосприятия, внутренние факторы его поведения и самооценки. Самозванство, - пишет О.Г. Усенко, - начинается тогда, когда у человека появляется идея о смене привычного статуса, а кончается в момент его публичного саморазоблачения - признания, что действительным (настоящим) его статусом является прежний, "покинутый" им». Иное дело, дальнейшие рассуждения исследователя, с которыми едва ли можно согласиться. Когда «индивиду, выступающему в новом качестве, удастся привлечь на свою сторону хотя бы одного человека», возникает, по мнению историка, такой социально-психологический феномен, как **«самозванщина»**. «Соответственно, - полагает исследователь, - этот феномен прекращает свое существование в тот момент, когда от самозванца публично отрекается последний сподвижник». Согласно утверждению О.Г. Усенко, «диалектическое единство двух указанных выше феноменов» рождает **«самозванчество»**. Любопытна и резюмирующая часть рассуждений историка, которая также выглядит далеко не бесспорной. Он уверяет, что «не может быть самозванщины без самозванства, однако самозванство без самозванщины вполне возможно». Однако к этому вопросу мы вернемся позже.¹⁹

Не без влияния научных построений О.Г. Усенко с проблемой «сущностей» и «дефиниций» попыталась разобраться исследовательница М.С. Арканникова. Она обоснованно заметила, что «многие из существующих смысловых значений политических самопритязаний противоречат друг другу», поэтому «вопрос о дефиниции "политического самозванства" может стать самостоятельной научной проблемой». Совершенно справедливо она отрицает необходимость явно лишнего, на ее взгляд, термина «самозванщина», который только усложняет, а не упрощает понимание ситуации. Основным же принципом «смыслового разграничения» двух оставшихся понятий – «самозванства» и «самозванчества» – считает «наличие факта социальной поддержки: **"самозванство"** определяется сугубо личными помыслами и рассматривается как социальное действие, **"самозванчество"** же рассматривается как социальное взаимодействие». Следовательно, полагает исследовательница, «самозванчество» «включает два компонента, которые условно соответствуют стадиям: 1) самого "самозванства" и 2) "мобилизации" тех социальных групп, которые будут вовлечены в реализацию политических действий самозванца». Поэтому ей «представляется целесообразным рассматривать самозванство как подструктуру или "эмбриональную" форму самозванчества».²⁰

¹⁹ Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. (опыт системно-статистического анализа) // Россия в XVIII столетии. Вып. 2. М., 2004. С. 302. Напомним, что Р.Г. Скрынников «самозванщину без самозванца» считал возможной.

²⁰ Арканникова М.С. Самозванство как объект социально-политологического анализа // Философские науки. 2009. № 12. С. 32–33; Арканникова М.С. Самозванчество как проявление кризиса легитимности власти в России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2005. С. 13.

Такое понимание изучаемых дефиниций в принципе с небольшими корректировками солидарно и с нашим видением проблемы. Имеется в виду, что самозванство нам представляется не столько социальным, сколько индивидуальным действием, хотя в некоторых случаях и не исключавшим социальный элемент, по крайней мере, направленность на него. Кроме того, учитывая цель и задачи нашего исследования, кажется не совсем корректным ограничивать самозванство только сознательным стремлением «принять имя и (или) титул верховного правителя». Насколько позволяют судить источники, самозванец мог претендовать и на другие имена и/или статусы монархического типа. Однако, опираясь в целом на достаточно грамотную интерпретацию, сама же М.С. Арканникова не всегда последовательно придерживается этого правила в своих исследованиях. Рассуждая об одном и том же явлении, она в разных научных трудах, но в одном историческом контексте употребляет оба эти термина как взаимозаменяющие.

На наш взгляд, в решении вопроса о тех или иных понятиях при изучении феномена российских самозванцев необходимо избегать терминологической неразберихи и четко разграничивать «самозванство» и «самозванчество» в качестве терминов, обозначающих, хотя и родственные, но не тождественные явления российского прошлого.

С этой точки зрения, правильными нам представляются следующие трактовки: *самозванство* – это необоснованные притязания кого-либо на чужое имя и/или статус, а *самозванчество* – это появление у самозванца сторонников, т.е. тех, кто признал за ним право на это имя и/или статус. По сути дела, употребление в научных исследованиях термина «самозванство» уже само по себе будет указывать на провал самозванческого начинания, означать, что ложного претендента никто не поддержал, в то время как использование понятия «самозванчество» – это констатация хотя бы минимального первоначального успеха самозванца среди окружающих.

Причем в центре нашего внимания будут находиться только те самозванцы, которые выдвигали претензии на имя и/или статус монарха или членов его семьи. В первом случае мы будем иметь дело с системой представлений конкретного индивида, осмелившегося принять на себя монархическое имя и/или звание, а во втором – с социальной психологией, коллективной ментальностью той или иной группы, решившей поддержать высочайшие притязания такого самозванца. Полагаем, что простые и ясные дефиниции понятий, используемые для изучения истории российских самозванцев, помогут наилучшим образом истолковать столь неординарный феномен нашего прошлого.

Согласно наиболее полным подсчетам историка О.Г. Усенко, в России на протяжении XVIII века известно 118 самозванцев – соответственно 58 человек в первой половине столетия (до 1762 г.) и 60 человек – в период с 1762 по 1800 гг. Впрочем, это далеко не окончательные циф-

ры, и количество самозванцев монархического толка требует дальнейшей корректировки.²¹

Во второй половине века, - пишет исследователь, - «наибольшей популярностью пользовалось имя Петра III – его "похитили" 23 чел. Остальные показатели таковы: имя Петра Великого "похищалось" 1 раз, Петра II – 2 раза, Екатерины II – 1 раз (предположительно), Павла Петровича (тогда еще наследника) – 3 раза, цесаревича Александра Павловича – 2 раза, цесаревны Елены Павловны – 1 раз. Однажды было "похищено" также имя Ивана Грозного».²²

Для первых же десятилетий одним из самых распространенных у самозванцев было имя царевича Алексея Петровича, несчастного сына Петра Великого (семь присвоений); известны, как минимум, четыре мнимых Петра Петровича, но от разных отцов – Петра I и Петра II соответственно. Имя самого Петра II Алексеевича присваивалось пять раз и т.д. Иной раз самозванцы, словно бы нарочито, именовались весьма экзотичным и экстравагантным образом, например, «побочным сыном царицы Евдокии Федоровны», «племянником императора Петра I», «богоизбранным женихом императрицы Екатерины II», «первым императором», «царским сыном», «государем», «двоюродной сестрой императора Петра III» и т.п.

Данное обстоятельство, хотя не может не вызывать удивления, тем не менее, вполне понятно и объяснимо с точки зрения традиционной логики. По мнению историка И.Л. Андреева, «принятое самозванцем имя реально существовавшего государя – палка о двух концах. Оно, конечно, усиливало позиции самозванца, особенно если это было популярное имя ... Однако реальное имя создавало и свои трудности. Надо было постоянно "идентифицироваться" с его носителем. Сделать это было достаточно трудно ... Однако был и иной путь утвердить себя в народном сознании. Искатели удачи на русский образец сплошь и рядом принимали имена царевичей, реально никогда не существовавших ... Выдумка облегчала жизнь самозванцу. Им следовало лишь доказывать свою принадлежность к царственному роду, а не тождество с конкретным лицом».²³

²¹ В приложении к монографии приводится уточненный нами перечень российских самозванцев монархического толка XVIII века, составленный на основе различных доступных данных. Всего получилось 115 человек. В список не были включены те из них, кто проявился главным образом как самозванцы религиозного типа. Российскими монархическими самозванцами нами признаются ложные претенденты, являвшиеся подданными Российской империи и имевшие соответствующую национальность, или иностранные подданные, но претендовавшие на имя и/или статус российской монархической фамилии.

²² Усенко О.Г. Новые данные о монархическом самозванчестве в России второй половины XVIII века // Мининские чтения 2004. Нижний Новгород, 2005. С. 90. Эти данные также требуют корректировки. По нашим подсчетам, например, имя Петра I во второй половине столетия «присваивалось», как минимум 3 раза. См. приложение под №№ 44, 51, 91, возможно № 45.

²³ Андреев И.Л. Анатомия самозванства // Наука и жизнь. 1999. № 10. С. 116.

Впрочем, выводы историка в основном сформулированы на примерах самозванцев, прежде всего, начала XVII века, действительно принимавших мифические имена не существовавших царевичей «Петра Федоровича», «Ивана-Августа», «Федора Федоровича» и т.д. Для XVIII столетия подобное – редкость, а потому для самозванцев этого времени больше были характерны вымышленные статусные, но не придуманные именные претензии. Как правило, именами чаще всего они назывались реальных прототипов. Еще один показательный статистический факт: примерно на 30 лет мужского правления в России XVIII века приходится около 20 самозванцев, в то время как за приблизительно 70 лет женского царствования – около 95 (см. приложение к монографии).

Итак, *монархическое самозванство* – это необоснованные притязания кого-либо на имя и/или статус того или иного монарха, а также членов его семьи. Типичным и наиболее распространенным в XVIII веке примером подобного самозванства может служить история неизвестного нам по имени гренадера «глуховского гарнизонного полка», который «за неоднократное ложное сказыванье слова и дела наказан был шпицрутенами, но не унимался. Однажды произнес перед солдатами, "с криком", такие слова: "мир, народ Божий, слушай! я – царевич"». Поскольку никакого отклика на столь пламенный призыв не последовало, его притязания так и остались лишь «в эмбриональном» состоянии. «Самозванца наказали кнутом и, с вырыванием ноздрей, сослали в Оренбург, в вечную работу».²⁴

Довольно заурядно выглядит и случившееся в 1708 г. проявление гулящего человека Ивана Михайлова, задержанного уездным чиновником Владимиром Максимовым, который в сопроводительном письме воеводе сообщал: «И в том селе будучи он Бежецкого Верха с подьячим с Минею Тяжелым, поймали прохожево гулящего человека Ивана Михайлова. И сказался он салдатом и назывался блаженнейшей памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю ... братом, а великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю ... дядею. А те де слова он, гулящей человек Иван, говорил при ... подьячем при Мине Тяжелом, да при приставе Василье Кликунове, да вотчины Знаменского монастыря села Хабоцкого при соцком Тимофее прозвище Сука, да при старосте при Юрье Антипине деревни Броду». В тот же день самозванца под караулом отправили в Москву.²⁵

Вполне также отвечает критериям исключительно только самозванства казус солдата Гренадерского полка в Астрахани Евстифея Артемьева, который в церкви на исповеди «сказывался царевичем Алексеем Петровичем». По доносу попа Матвея Харитоновя он был разыскан и на допросе, упорствуя, сначала настаивал на своем: «Алексеем его зовут, Петров сын,

²⁴ Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны 1741–1761 гг. // Русская старина. 1875. Т. 12. С. 532.

²⁵ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 491.

прозвания нет». Будучи приведен в застенок, он в конце концов «на виске в расспросе сказал: царевичем Алексеем Петровичем назвался сам собою с пьянства, а не по чьему научению; и чего ради назвался, того и сам не знает». Соответственно, и в данном случае самозванец не приобрел себе адептов, а, значит, за рамки самозванства его история также не вышла.²⁶

Еще один «царевич Алексей» объявился в 1725 году. Им стал уроженец сибирского городка Погорельного сын пономаря Александр Семиков. Взятый в солдаты, он был «записан во второй гренадерский полк, квартировавшийся в Почепе, где затеял называться именем Царевича, в каковом своем намерении в расспросах и розысках винился». Однако, из протокола допроса известно: «Важнейших соумышленников его не оказалось», т.е. и здесь самозванство не переросло в самозванчество.²⁷

Подобных, так сказать, типовых примеров на протяжении XVIII в. встречалось достаточно большое количество, когда в ответ на высочайшее возглашение кто-то из присутствовавших людей выражал свое недоверие и доносил воеводе или другому чиновнику. После чего следовали арест самозванца, пытки, признания и, как правило, жестокая расправа. В этой связи назовем имена таких ложных претендентов монархического толка, как Иов Попов, Алексей Радионов, Федор Иванов, Николай Колченко, Тимофей Курдилов и многих других.

История XVIII столетия неоднократно показывает, что самозванство могло возникнуть не по инициативе самого самозванца, а в результате чьего-либо намеренного подговора, когда человека сначала убеждали выдать себя за высочайшую особу, но после согласия он мог не получить поддержки даже со стороны подговорщиков. К таким случаям можно отнести, например, историю с бывшим крестьянским сыном, а затем солдатом Иваном Андреевым, которому о «высоком происхождении» еще в 1747 г. поведал его родитель: «Когда же он взрос до пятнадцати или шестнадцати лет, что ... мог уже своею работою себя прокормить, то показанный Андрей Зиновьев (отец. – Ю.О.) стал его высылать из своего дома, выговаривая, яко бы он, Иван, не его сын, и указывая притом на свою жену (которая тогда от него лежала избита), говорил, что "должен ты плакаться Богу на нее, ты де сын Голштинскаго принца, и она, тебя оттуда взяв, отнесла на твое место своего роднаго сына"; в чем, сняв со стены образ, он ему, Ивану, клялся ... Жене же своей говорил: "Вот что ты, шельмовка, наделала, что вместо кровнаго нашего сына принесла другого!" На что жена тогда ему отвечала: "Наш де сын хотя недолго, однако будет

²⁶ О извощике 1-го гренадерскаго баталиона (Низоваго корпуса) Евстифие Артемьеве, назвавшемся царевичем Алексеем Петровичем // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). 1897. Кн. 1. Смесь. С. 9–12.

²⁷ Лашкевич С.И. Историческое замечание о смертной казни самозванца Александра Семикова, выдававшего себя за царевича Алексея Петровича // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). 1860. Кн. 1. Отдел I. С. 143

царствовать"». «Голштинский принц» – это реальное историческое лицо, в 1747 г. – уже объявленный наследником российского престола, а в будущем ставший на короткий срок правителем России. «А потому он Иван и думает, что это был самый тот их сын, о котором она говорила, – бывший император Петр Третий, и считает, что он не настоящий принца Голштинского сын, а подлинно онаго крестьянина». Услышанное оказало необычайно сильное воздействие на неокрепшую юношескую психику, и он до конца жизни уверовал в то, «что он сын Голштинского принца для того: пускай бы по суду что ни сделали, хотя бы отрубили ему и голову, то все бы лучше, нежели ему по своей природе жить в такой бедности». Уже давно став взрослым (в 1775 г.), он несколько раз безуспешно пытался объявить о себе: «хотя и говорил он человекам десяти не знакомым ему людям, не в одно время, но порознь попадающимся на рынке, чтобы написали ему к государыне такое дельцо; но ни один человек за то не взялся, и уходили от него прочь». Поскольку индивидуальное самозванство в данном случае так и не переросло в массовое самозванчество, И. Андреев ограничил свои притязания достаточно «скромными» желаниями: «когда бы его отпустили на волю, то он бы пошел в Голштинию искать своих сродников; буде же и их никого бы не нашел, то бы остался по крайней мере в своем отечестве; может быть, кто-нибудь сделал бы с ним какую милость».²⁸

Возможно, еще более ярким примером для иллюстрации сказанного выше о подговорах на самозванство может быть казус с «сыном английского короля», произошедший в царствование Екатерины II. Вот что об этом свидетельствуют источники: во время разговора двух отставных офицеров «о покойной государыне Елизавете Петровне» «Батюшков ... стал вглядываться в меня и сказал: - Да и ты, Ипполит, не императрицы ли Елизаветы Петровны сын? Я сказал, что это вздор. Но Батюшков, несколько времени спустя, опять повторил то же самое. Да каким же образом это было? спросил я. – А вот я тебе скажу каким образом, я это знаю: мне сказывала покойная бабка моя Анна Пребышевская, и она это дело знала, что когда здесь был в России Английский посол, то в его свите был под именем кавалера посольства сам король Английский, и в ту бытность прижил тебя с покойною государынею Елизаветою Петровною, а Александру-то Васильевичу отдан ты на воспитание. Я, приняв это за самую истину и желая уверить самого Батюшкова, что это правда, - каялся на допросе Опочинин - сказал ему, что, действительно, нашел в кабинете у своего отца письмо от государыни Елизаветы Петровны о том, что я рожден именно от нея и отдаюсь ему на воспитание, при чем-де в залог и перстень брильянтовый в 15 тысяч рублей приложен был. Да и нянька-де моя сказывала мне, что я полугода принесен и отдан на воспитание».

²⁸ Мнимый сын Голштинского принца (Из дел тайной экспедиции) // Памятники новой русской истории: Сборник исторических статей и материалов. Т. 3. СПб., 1873. С. 315, 316, 318, 320.

Видим, что и в данной истории навязанная посторонним человеком мысль о высоком происхождении стала неотступно преследовать сознание самозванца и, в конце концов, восприниматься как своя собственная: «Затем Батюшков рассказал как было на самом деле: - Опочинин, по свойству со мною, будучи в доме моем недели с три в гостях, осенью 1768 года, в разговоре со мною, между прочим, сказывал, что он сын короля Английского. А как я спросил, почему бы он мог это знать, - Опочинин сказал: а вот-де почему это знаю. Мамка моя в одно время сказала мне, что я не Александра Васильевича Опочинина сын, а знатнаго потентанта, а именно короля и рожден от покойной государыни Елизаветы Петровны».²⁹

Особенностью самозванства Ипполита Опочинина является так же то обстоятельство, что в качестве «сына» английского короля и российской императрицы он мог восприниматься как обладавший притязаниями сразу на оба монарших престола.

Имея в виду таких ложных претендентов, как Ипполит Опочинин и Василий Бунин (сам себя ни разу не назвал «Петром III», это делала его сподвижница М. Тюменева. – *Ю.О.*), историк О.Г. Усенко полагает, что «нет ни одного случая подговора на самозванство, т.е. ситуации, когда один человек просит, или заставляет другого откровенно дурачить окружающих, а сам лишь делает вид, что верит новоиспеченному "монарху"», «сознательная подготовка человека "в самозванцы" как вариант хитроумной аферы была просто невозможной».³⁰

Рассмотренные выше примеры не позволяют согласиться с мнением авторитетного исследователя. Подговор был вполне возможен, хотя, действительно, едва ли можно говорить о намерении инициаторов «дурачить» окружающих и саму предполагаемую «монархическую особу». Подобные действия совершались всерьез, в том смысле, что зачинщики сами верили в эту вымышленную реальность, искренность собственной веры и позволяла им быть столь убедительными.

Кстати говоря, последняя история характерна еще одним любопытным вариантом самозваного провозглашения, виновником которого, по-видимому, был И. Батюшков. Рассуждая со своими конфидентами о возможных сторонниках заговора против Екатерины II, он коснулся личности президента Военной коллегии: «Вот-де и Захара Григорьевича (Чернышева. – *Ю.О.*) по этому делу примешали, за что и отставку ему дали, но после видно выправился и его приняли в службу по прежнему. Да полно, говорил Батюшков, даром что выправился, а он все-таки в нашей партии будет и от нас не отстанет, потому собственно, что он не Григорья Петровича сын, а Петра Великаго».³¹

²⁹ Барсуков А.П. Рассказы из русской истории XVIII века по архивным документам. СПб., 1885. С. 198–199, 204.

³⁰ Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России ... С. 332, 333.

³¹ Барсуков А.П. Указ. соч. С. 216.

Скорее всего, сам З.Г. Чернышев понятия не имел о такой своей «родословной», да и об уверениях И. Батюшкова едва ли знал. Хотя, учитывая обстоятельства эпохи, полной воспоминаниями и мечтами о дворцовых переворотах, утверждать это наверняка не рискуем. Вероятно, в данном случае мы фактически сталкиваемся с ситуацией, когда самозванца как такового не было, он возник только вербально в устах постороннего человека, но, все же, предполагалось его реальное существование, о чем и сообщалось собеседникам, которые гипотетически должны были отныне воспринимать его именно в такой мифической ипостаси. Впрочем, об их реакции на информацию о З.Г. Чернышеве – «сыне Петра Великого» нам неизвестно. Может ли это означать рождение еще одного случая самозванства, сложно судить, но не отметить данный необычный казус никак нельзя.

В целом полагаем, что проанализированные в работе проявления самозванцев, не сумевших или не захотевших приобрести сторонников, вполне репрезентативны для подтверждения вывода о справедливости и результативности нашей трактовки понятия «самозванство».

Что касается самозванчества, т.е. тех случаев, когда объявившиеся самозванцы получали массовую или хотя бы единичную поддержку, обратимся к подсчетам историка О.Г. Усенко для периода с 1762 по 1800 гг.: «Судя по всему, - пишет он, - наличием сторонников могли похвастать лишь 43% самозванцев (26 человек). Львиная их доля (19 человек, или 32% всех самозванцев) сумели обзавестись не более чем 20 соратниками, и лишь у двоих – Селиванова и Пугачева – счет идет на тысячи и десятки тысяч людей. Вот полная раскладка данных по этому параметру: 1–2 сподвижников обрели 7 самозванцев, от 3 до 10 человек – 8, от 11 до 20 человек – 4, от 21 до 50 человек – 1, от 51 до 100 человек – 1, от 201 до 300 человек – 1, от 301 до 500 человек – 1, от 501 до 1000 человек – 1, от 1000 до 10 000 человек – 1, свыше 10 000 человек – 1. В среднем получается, что на каждого из этой естественной выборки приходится по 1205 сторонников. Но если исключить Селиванова и Пугачева, то на долю оставшихся лжемонархов придется приблизительно по 55 человек».³²

Относительно первой половины XVIII столетия данные намного более фрагментарны. Можно лишь с уверенностью констатировать, что в абсолютном большинстве монархических притязаний имело место обычное самозванство. Удалось насчитать лишь около 10 случаев самозванчества. Речь идет о таких самозванцах, получивших признание со стороны окружающих, как Андрей Холщевников, Тимофей Труженик, Ларион Стародубцев, Иван Миницкий, Андрей Обудин, Яков Татаринов, Артамон Чевычелов, Михаил Рандачич и Иван Дириков.

Рассмотрим конкретные примеры самозванчества, имея в виду, как уже отмечалось, наличие у самозванцев сторонников, тех, кто признал за

³² Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России ... С. 321.

ними право на объявленное высокое имя и/или статус. Из воспоминаний иностранного современника известно о произошедшей в царствование Анны Ивановны истории, которую можно признать самой типичной для российского самозванчества XVIII века. В ноябре 1739 года, - пишет автор мемуаров, - была «на Украине совершена страшная казнь. Сын местного крестьянина стал выдавать себя за сына Петра I, царевича (Алексея. – Ю.О.), умершего в 1718 году. Под этим именем пришел он в одно пограничное село, где объявил о себе трем солдатам, стоявшим на карауле у сигнальных маяков. Солдаты и поселяне оказали ему почести – местный священник велел звонить в колокола и отслужил в его честь литургию; наконец, все население столпилось на улице, и дело приняло бы, пожалуй, серьезный оборот, если бы не узнал о том казацкий сотник, который немедленно сообщил о случае находившемуся поблизости генералу Румянцеву. Лжецаревича и его немногочисленных приверженцев без труда арестовали и увезли в Петербург, где их судили в Тайной канцелярии». Из дальнейшего рассказа мы узнаем о печальном для участников событий эпилоге затеянной интриги: мнимый царевич «живым посажен на кол, священник и три солдата казнены различной смертью». Другим сторонникам самозванца «императрица объявила прощение, однако село их было уничтожено, а крестьяне переведены в другие места».³³

В отличие от проанализированных ранее примеров самозванства, в данном случае у Лжеалексея появилась поддержка в лице солдат, священника и жителей села, в котором он объявил о себе. Следовательно, делаем мы вывод, возглашение анонимного крестьянина переросло в самозванчество.

Нет сомнений, что наиболее ярким и масштабным самозванчеством XVIII века является обраставшая многочисленными легендами история Пугачева/Петра III. Предполагают, что на мысль назваться императорским именем его навели слова одного беглого солдата, увидевшего в нем «подобие покойного государя Петра Третьяго». Под их влиянием Е. Пугачев, «обрадуясь сему случаю, утвердился принять на себя высокое название».³⁴

Попав осенью 1772 г. на Яик, где едва отгремели раскаты казачьего бунта, Е. Пугачев мог понять, что судьба дарит ему уникальный шанс: «В сие-то время я разсудил наименовать себя бывшим государем Петром Третьим в чаянии том, что яицкия казаки по обольщению моему скоряй чем в другом месте меня признают и помогут мне в моем намерении действительно».³⁵

³³ Манштейн К.Г. Записки о России. Ростов-на-Дону, 1998. С. 199–200. Возможно, речь идет о незаконном сыне мелкого польского шляхтича И. Миницком, история которого очень похожа на описанную в мемуарах немецкого современника. См. Троицкий С.М. Самозванцы в России в XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 142.

³⁴ Протокол допроса Е.И. Пугачева в следственной комиссии в Симбирске, – записи вопросов пунктов следователей и ответов подследственного 2–6 октября 1774 г. // Емельян Пугачев на следствии. Сб. док-тов и материалов. М., 1997. С. 109.

³⁵ Протокол показаний Е.И. Пугачева на допросе в Яицкой секретной комиссии 16 сентября 1774 г. // Емельян Пугачев на следствии. Сб. док-тов и материалов. М., 1997. С. 71.

В принципе, его расчеты оказались безошибочными, хотя казаки сначала потребовали доказательств царского происхождения, и только после их предъявления «Оные казаки, Шигаев, Караваев, Зарубин, Мясников ... сказали: «Ну, мы теперь верим и за государя тебя признаем».³⁶

Будущий пугачевский атаман-сотник Тимофей Мясников дополнил картину рядом живописных черт. Он, например, отметил, как при встрече «они поклонились самозванцу низко, а самозванец приветствовал их сими словами: здравствуйте, войско Яицкое, доселева отцы ваши и деды в Москву и Петербург к монархам ездили, а ныне монарх сам к вам приехал».³⁷

В данном случае поддержанные сторонниками претензии названного Петра Федоровича привели к возникновению мощного народного бунта во главе с «третьим императором», однако, как мы уже видели и увидим еще, так было далеко не всегда.

Из более ранних и менее масштабных примеров самозванчества можно привести незатейливую историю рейтарского сына угличанина Андрея Крекшина, который проявился еще в самом начале столетия, в 1712 году, среди крестьян Нижегородской губернии. Как показали на допросе приютившие его хозяева, он «будучи пьяной в разные времена при нем Анисиме и при сыне Федоре сказывался он боярским сыном ... имени не называл ... а в иные времена он назывался великим государем благородным царевичем и великим князем Алексеем Петровичем». Однако, «ево слова вправду они не ставили для того что он пьянствовал, и за государя царевича не вменяли»; или так: «В разные времена сказывался боярским человеком Андреем зовут Иванов сын Страхов. А по пьянству как бывал пьян назывался великим государем царевичем и великим князем Алексеем Петровичем ... а однажды он сказал для того что взял ево хмель, то эти слова он Федор и отец ево Анисим слышали». Похожим образом об этом вспоминал и сам А. Крекшин: «И во время де у того Анисима житья своего, будучи во пьянстве, в два пойма, сидя с ним, Анисимом, да с сыном ево ... Федором в бане и пьючи пиво, он, Андрей, великим государем и царевичем и великим князем Алексеем Петровичем назывался ... Толко де они, Анисим и Федор, тех ево слов в ыстинну не ставили и вместо государя царевича не вменяли».³⁸

Впоследствии выяснились подробности жизненных злоключений самозванца. Из показаний стало известно, как «отец прогнал его из дома за страсть к вину и игре в зернь. Он поселился у дяди, но и дядя скоро выгнал его за пьянство. Тогда у него возникла мысль о самозванстве, и он стал выдавать себя за царевича, чтобы крестьяне "з двора ево от себя не сослали

³⁶ Протокол показаний Е.И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 4–14 ноября 1774 г. // Емельян Пугачев на следствии. Сб. док-тов и материалов. М., 1997. С. 161–162.

³⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 121.

³⁸ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 788. Л. 23 об.–24, 25–25 об.

и поили и кормили"». Эта выдумка в принципе оказалась успешной, и А. Крекшин прожил «царевичем» более трех лет. Следовательно, задуманная авантюра изначально была ориентирована на признание его мифического статуса другими людьми, и поскольку добиться этого удалось, мы, в действительности, имеем дело не с самозванством, а с самозванчеством. По мнению историка Н.Б. Голиковой, в этом деле «отчетливо проявились крестьянские настроения, позволившие авантюристу в течение ряда лет жить за счет крестьян».³⁹

Контраст между авантюрной затейкой А. Крекшина и пугачевской эпопеей, конечно, разительный. Один из них – народный заступник, второй – обычный приживальщик, любитель паразитировать за чужой счет. И между количеством признавших их возгласения сторонников дистанция непреодолимой величины. Но и то, и другое – самозванчество, различающееся тем не менее своими масштабами и особенностями сюжетной канвы. Наиболее частым в XVIII веке было, конечно, самозванчество близкое к казусу А. Крекшина, а не Е. Пугачева. В этой связи можно назвать имена Тимофея Труженика, Лариона Стародубцева, Гаврилы Кремнева, Максима Ханина и многих других. Мерить их всех одинаковым «лекалом» также, разумеется, не приходится, что, впрочем, не исключает возможности конструирования на основе их историй обобщающих характеристик российского самозванчества.

Кроме того, большой интерес вызывают те случаи самозванчества, когда дело обходилось без физического наличия конкретного самозванца. Иначе говоря, не было никакого самозванства, но самозванчество, тем не менее, возникало, причем на всем протяжении его существования, в том числе и в XVIII веке. Попробуем на основе анализа источников и исторической литературы рассмотреть феномен «самозванчества без самозванства», и таким образом опровергнуть убеждение историка О.Г. Усенко о невозможности подобных ситуаций в принципе.

Один из ранних примеров дает разинский бунт 1667–1771 гг., предводитель которого посылал «в розные города и места по черте свою братью воров с воровскими прелестными письмами, и писал в воровских письмах, будто сын великого государя нашего благоверный государь наш царевич и великий князь Алексей Алексеевич ... ныне жив». Он находится в повстанческой войске и «данской казак Стенька де Разин с товарищи всяких чинов людей приводит крест целовать блаженные памяти сыну твоему, а нашему великому государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю».⁴⁰

³⁹ Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I: По материалам Преображенского приказа. М., 1957. С. 177–179.

⁴⁰ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док-тов. М., 1962. Т. 3. С. 86; Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док-тов. М., 1959. Т. 2. Ч. 2. С. 168.

Неизвестный иностранный автор также утверждал, что Лжеалексей находился на одном из судов разинской флотилии. Он сообщал, что в Смоленске «повешен был человек, который говорил, будто умирает за то, что видел у Стеньки царского сына, тогда как на самом деле видел он лжецаревича».⁴¹

Правительству быстро стало ясно, что избранная С. Разиным тактика распространения слухов о присоединении царевича к восставшим, оказалась чрезвычайно действенной и вызвала поддержку со стороны бунтовщиков. Возникло столь памятное и внушавшее царским властям тревогу еще со времен Смуты самозванчество. Поэтому официальные документы отчаянно призывали не верить «лживым речам» мятежников, царь даже предлагал простолюдинам выбрать надежных делегатов и прислать их в Москву, где они могли бы своими глазами увидеть могилу царевича.⁴²

Историки Е.В. Чистякова и В.М. Соловьев давно уже отметили специфический характер этой истории: «Разин не воспользовался обычной формой самозванчества», - писали они, и пытались понять, почему он окружил «это лицедейство тайной». Имеется в виду, что самого «царевича» по сути никто так и не видел. Однако ученые тут же сводят на нет всю необычность данного эпизода, тривиально объясняя его «наивным монархизмом» социальных низов.⁴³

Разумеется, что здесь мы еще не сталкиваемся с загадочным феноменом «самозванчества без самозванства» в чистом виде. По некоторым не очень ясным свидетельствам, какой-то лжецаревич в разинском войске присутствовал. Но его пребывание на струге, обшитом красным бархатом, было окружено глубочайшей тайной, и мало кто из бунтовщиков мог похвастаться тем, что сумел лицезреть «Алексея Алексеевича» собственной персоной воочию. Следовательно, на продолжение повстанческой борьбы их толкало не физическое наличие предполагаемого царевича, а только активные пересуды и агитация в его пользу.

О возможности возникновения самозванчества в ответ лишь на молву об «истинном» царе, т.е. в отсутствие самого самозванца, свидетельствуют также события 1763 г. В то время в Оренбургской губернии распространились «слухи о том, что Петр III жив и скрывается у яицких казаков». Они вызвали живой отклик у местного населения, хотя самозванец «во плоти» так и не появился. В деревне Чесноковке около Уфы, которая получит широкую известность чуть позже, со времен Пугачевщины, «поп и дьячок служили даже благодарственный молебен о чудесном спасении императора от смерти».⁴⁴

⁴¹ Сообщение касательно подробностей мятежа недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 111.

⁴² Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док-тов. М., 1957. Т. 2. Ч. 1. Документы № 83, 171, 277, 327.

⁴³ Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 54–55.

⁴⁴ См.: Сивков К.В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 96.

Еще более яркой иллюстрацией сказанному может служить история казака Федора Каменщикова (Слудникова) по прозвищу Алтынный Глаз, произошедшая в Шадринском уезде Исетской провинции в 1765 г. Ф. Каменщиков выдавал себя за сенатского курьера Михаила Ресцова и уверял о Петре III, «что де он бывший император в живе и неоднократно де в Троицкую крепость обще с действительным статским советником и бывшим в Оренбургской губернии губернатором Волковым приезжали для разведывания о народных обидах в ночные времена».⁴⁵

Самозванство здесь, конечно, налицо, а Ф. Каменщиков – несомненный самозванец, заявляет о себе как о «секретном посланце», «фуриере», отправленном «по именному высочайшему указу для расследования обид и притеснений, делаемых крестьянам прикащиками Демидова».⁴⁶

Самозванчество же родилось в тот момент, когда к нему «потянулись крестьяне, возмущавшиеся несправедливостью законов, тяжестью повинностей». В присутствии приписных крестьян, мирских старост, сотских, писарей он производил розыски по крестьянским жалобам и обидам. Но это было вельможное, а не монархическое самозванчество, даже следствие «так и не смогло найти подтверждения тому, что Каменщиков якобы был приверженцем самозваного Петра III».⁴⁷

В этой на шумевшей истории физически отсутствовал и сам лжемонарх как таковой. Он был представлен только виртуально – в объявлениях, народных слухах и разговорах других людей, поверивших в его существование и потому выступивших с акциями протеста против злоупотреблений местной администрации.

Не менее красноречивый пример относится к более позднему времени – к концу 70-х годов XIX века. Он связан с, так называемым, Чигиринским заговором, организованным на Украине членами революционного «Южного общества» в эпоху «хождения в народ». Заговорщики, мистифицируя население царским именем, ставили цель поднять мощное народное восстание. В «Уставе крестьянского общества Тайная дружина Высочайше утвержденном Его императорским Величеством Государем Императором Александром Николаевичем» от лица царя сообщалось: «Мы единолично не в силах помочь вашему горю, и что только вы сами можете свергнуть с себя дворянское иго и освободиться от тяжелых угнетений и непосильных поборов, если единодушно с оружием в руках возстанете против ненавистных вам врагов и завладеете всею землею». Далее содержался «царский»

⁴⁵ В правительствующий сенат от Оренбургской губернской канцелярии рапорт // Памятники новой русской истории: Сборник исторических статей и материалов. Т. 3. СПб., 1873. С. 389. См. также: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 405. Л. 1–49.

⁴⁶ Юдин П. К истории Пугачевщины // Русский архив. 1896. Кн. II. № 6. С. 8.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 405. Л. 42–43 об. См. также: Побережников И.В. Зауральский самозванец // Вопросы истории. 1986. № 11. С. 183.

призыв соединяться в «Тайные Дружины», «с тем, чтобы подготовиться к возманию против дворян, чиновников и всех высших сословий».⁴⁸

Имелся в данной истории и вельможный самозванец – руководитель «Южного общества» Яков Стефанович, принявший звание «царского комиссара» под именем Дмитра Найды. Реализуя свои «полномочия», он обращался с посланиями к крестьянам Адамовской волости Чигиринского уезда. Самозванец уверял потенциальных сторонников, что государь будет «дуже рад, як наберется у вас Атаманства», и требовал от них – «тильки не милуйте зминщиков, а предавайте их смерти, так велит сам Государь в свои Тайни Грамоти».⁴⁹

Успех самозванческой интриги, превзошедший самые смелые ожидания, еще раз показал, что иногда общественным низам для выступления в поддержку «истинного» государя его физическое наличие было совсем не обязательно. Известно, что к середине 1877 года «Тайная дружина» насчитывала уже около 2000 человек, во главе ее стоял атаман – отставной унтер-офицер Е. Олейник, который подчинялся «назначенному царем» комиссару Д. Найде. Восстание планировалось на 1 октября, но заговор был раскрыт. К следствию оказалось привлечено около 1000 крестьян, которым были вынесены различные приговоры.⁵⁰

И хотя использование царистских настроений крестьянства было осуждено в революционной среде как чуждое народнической программе, Чигиринский заговор еще раз убедительно засвидетельствовал принципиальную возможность монархического «самозванчества без самозванства».

Таким образом, представляется, что проведенный анализ конкретных примеров из истории российских самозванцев XVIII века, несомненно, доказывает правомерность и результативность предложенных нами научных дефиниций понятиям «самозванство» и «самозванчество». С их помощью мы получаем результативный способ для дифференциации многочисленных российских самозванцев на две четкие группы: тогда, когда они получали хотя бы немногочисленную поддержку от окружающих («самозванчество»), или были лишены ее вовсе («самозванство»). Однако подобная градация не всегда позволяет увидеть содержательные различия между ними с исторической точки зрения, ибо даже внутри каждой из этих групп, как было показано, обнаруживается широкая гамма специфических оттенков. Для их выявления и анализа необходимо обратиться к решению вопроса о существенных характеристиках и типологии самозванцев.

В центре исследования в основном окажутся те случаи проявления самозванцев, когда им все же удавалось снискать себе расположение хотя бы у нескольких сторонников. Кроме того, нас будут интересовать исключительно самозванцы, «заимствовавшие» имена и/или статус монархов и

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 112 (ОППС). Оп. 1. Д. 477 (2). Л. 71 об.–73.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 112 (ОППС). Оп. 1. Д. 474. Т. 2. Л. 195 об.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 112 (ОППС). Оп. 1. Д. 477 (2). Л. 69–107.

их родственников. Полагаем, что монархическое самозванчество – это специфическое явление политической и культурной истории России XVIII столетия, отличающееся от религиозных, вельможных и иных самозванческих притязаний.

§ 2. Социальная сущность и типология российских самозванцев: традиции и перспективы изучения

Уже отмечалось, что наличие необычайно большого количества самозванцев в российской истории давно обратило на себя взоры отечественных и зарубежных историков. Тем более удивительно, что востребованный общественным сознанием прошлого феномен все еще не имеет в исторической науке соответствующего монографического отображения. Изучение самозванных царей/царевичей и их «родственников» никогда специально не ставилось в качестве самостоятельной историографической задачи. По существу, до сих пор не написаны и сколько-нибудь фундаментальные биографии конкретных самозванцев. Определенными исключениями, с оговорками, можно считать только личности Лжедмитрия I и Пугачева/Петра III.⁵¹

В то же время нельзя сказать, что самозванцам совершенно не уделялось внимания. К сегодняшнему дню накоплен немалый фактический материал, имеются многочисленные работы по данной теме, написанные, прежде всего, по материалам XVII столетия, но практически отсутствует их комплексное обобщение и осмысление. Во многом в силу названных причин в науке сохраняется стереотипное предубеждение, будто бы российские самозванцы были простыми марионетками в политической игре различных социальных кругов. Предполагается, что сподвижники лжемонархов практически всегда хорошо понимали – перед ними не подлинный царь, а всего лишь мошенник и авантюрист. Допускается, что иной раз и сами представители народных масс (особенно, казаки) могли выдвигать из своей среды лжецарей ради достижения собственных корыстных целей и устремлений.

Едва ли можно согласиться с категоричностью подобных взглядов и оценок, тем более что широкий спектр представленных российской историей самозванцев не позволяет всех их без различия причислять к откровенным обманщикам. Такая, на наш взгляд, не слишком продуктивная историографическая традиция берет начало еще в трудах дореволюционных ученых. Например, историк А.Г. Брикнер недвусмысленно писал: «Не

⁵¹ См. об этом: Мауль В.Я. Первый самозванец и «третий император»: pro et contra (к вопросу о возможности сравнительного анализа) // Мининские чтения: Сб. научн. трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. Нижний Новгород, 2012. С. 47.

должно думать, чтобы приверженцы мнимых царевичей, царей и императоров верили в подлинность претендентов».⁵²

Не исключал элементов обмана со стороны самозванцев и историк С.М. Соловьев, который, тем не менее, подошел к анализу проблемы более диалектично. Он полагал, что «некоторые из них сознательно принимали на себя роль обманщиков», хотя все же допускал, что другие самозванцы могли быть «подставлены так, что сами были убеждены в своем высоком происхождении».⁵³

В любом случае, тенденция усматривать в самозванцах и их «подговорщиках» сознательных интриганов, искавших личной выгоды, «стара как мир». Эти представления вполне разделялись и многими советскими исследователями. Так, историк С.М. Троицкий без тени сомнения заявлял, что «самозванцы являлись просто политическими авантюристами, преследовавшими узкокорыстные цели, либо были ставленниками определенных кругов господствующих классов России, а порой и соседних стран». Обращаясь к событиям, так называемой, «крестьянской войны» 1773–1775 гг., ученый, правда, признавал, что «почва для появления "Петра III"/Е.И. Пугачева» была уже «вполне подготовлена» развитием ситуации в стране. Но даже в этом случае он считал, будто «ближайшие сподвижники повстанческого императора прекрасно знали, что Пугачев не "Петр III", а донской казак, и вместе с ним совершенно сознательно использовали идею самозванства, чтобы поднять народ на борьбу с крепостным гнетом».⁵⁴

Надо заметить, что основаниями для последних утверждений историка были немногочисленные признания со стороны некоторых яицких казаков, первыми поддержавших «надежу-государя». Необходимо эти сведения тщательно проанализировать. Например, казачий сотник Тимофей Мясников, якобы, говорил об этом следующее: «И так для сих то самых причин вздумали мы назвать сего Пугачева покойным государем Петром Федоровичем, дабы он нам возстановил все наши прежние обряды, какие до сего были, а бояр которья больше всего в сем деле умничают и нас разоряют всех истребить, надеясь на то, что сие наше предприятие будет подкреплено и сила наша умножится от черного народа, которая также вся от господ притеснена и в конец разорена».⁵⁵

Будущий вельможный самозванец «граф Чернышев» – яицкий казак Иван Зарубин привел еще более впечатляющие сведения о том, как «пришел к Караваеву и стал ему говорить, чтоб он сказал правду, что,

⁵² Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 204.

⁵³ Соловьев С.М. Заметки о самозванцах в России // Русский архив. 1868. Вып. 2. Стб. 272.

⁵⁴ Троицкий С.М. Указ. соч. С. 134, 143. См. также: Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 263.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 421. Л. 2–2 об.

дескать, это за человек, которого они за государя почитают». Не выдержав настойчивых уговоров, Караваев решился открыть секрет и «стал говорить, что ето де не государь, а донской казак, и вместо государя за нас заступит, нам де все равно, лишь быть в добре, и он Зарубин услыша положив потом, что так тому и быть, ибо всему войсковому народу то было надобно». Далее пугачевский сподвижник сообщал о разговоре с самим самозванцем: «Вить де нас, батюшка, не сколько теперь, только двоечка; мне де вить Короваев росказал о тебе все точно, какой ты человек» ... Выслушав сие, злодей ответствовал: "Ну, кали так, то смотри же, держи втайне: я де подлинно донской козак Емельян Иванов. Не потаил де я о себе и сказывал Короваеву и Шыгаеву, такъже Пьянову"». ⁵⁶

Известно, что в дальнейшем упомянутые казаки активно пропагандировали пугачевскую версию о его царском происхождении, и, казалось бы, все это подтверждает мнение историков о сознательном использовании сакрального имиджа в корыстных целях, хотя и в интересах всего казачества. В действительности, все не так просто. Тексты показаний самого Т. Мясникова, в том числе до сих пор не опубликованные и хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, показывают, что он сразу же и безоговорочно поверил в царское происхождение Е. Пугачева и почти до самого конца не испытывал в нем никаких сомнений. Приведенные же выше слова являются только косвенным воспроизведением его разговоров через вторые руки.

Получается, что в пользу идеи о «сознательном использовании самозванчества» свидетельствуют рассуждения, в общем-то, одного лишь И. Зарубина. Но они были даны на допросе под сильным давлением со стороны екатерининских следователей. Возникает вопрос о том, насколько им можно доверять, учитывая, что показания о подговоре казаков и самозванца давались задним числом, постфактум, когда человек уже знал, что «ошибся», и мысленно, не без «подсказки» умных дознавателей, пытался править прошлое. Так что версию о «намеренном использовании» яицкими казаками популярной идеи «царя-батюшки» следует признать недостаточно аргументированной.

В рамках советской историографии «классового протеста» удалось с идейно-теоретических позиций обосновать причины многочисленности самозванцев и их нередкой массовой поддержки. Оказывается, по мнению ученых, все дело заключалось в «наивном монархизме» народа, который ярко отразил «беспомощность политического сознания крестьянства, неспособность его сформулировать программу нового политического устройства, выходящего за рамки традиционного политического строя». ⁵⁷

⁵⁶ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 328 об.; Пугачевщина. Т. 2: Из следственных материалов и официальной переписки. М.; Л., 1929. С. 130–133.

⁵⁷ Смирнов И.И. Крестьянские войны и их место в истории России // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 33.

Еще более решительно высказался историк М.Т. Белявский, подчеркнувший, что справедливая ненависть угнетенных классов к помещикам-крепостникам, воеводам, судьям и другим представителям царской администрации «сочеталась с темнотой и забитостью крестьянства, с его верой в "хорошего царя"». ⁵⁸

В том же духе историк В.И. Буганов писал о «наивных» и «незрелых» рассуждениях трудящихся, об их «политической наивности и крайней отсталости», а также о «политической слепоте» «русских людей» и т.д. ⁵⁹

Аналогичных взглядов придерживались и другие советские историки. Иной раз, пытаясь аргументировать свое понимание проблемы, они в качества доказательства собственной правоты цитировали, например, слова бывшего уральского бунтовщика Марушки, любившего «рассказывать о бунте Пугачова, о котором так толковал: "Не пытали мы, кто был Пугачов, и знать того не хотели. Бунтовали же потому, что хотели победить, а тогда заняли бы место тех, которые нас утесняли. Мы были бы господами, а вера свободною. Проиграли мы, что ж делать? Их счастье, наше несчастье. Выиграй мы, имели бы своего царя, произошли бы всякие ранги, заняли всякия должности. Господа теперь были бы в таком же угнетении, в каком и нас держали"». ⁶⁰

Доминантами «классового» подхода к истории российских самозванцев были познавательные возможности науки, ограниченные жесткими догмами и стереотипами исторического материализма. По сути дела, это было не способом научной «разгадки тайны» самозванцев, а своего рода «бегством» от нее. Согласно верному суждению современного историка И.Л. Андреева, «самым распространенным в недавнем прошлом объяснением феномена самозванства было определение: "наивный монархизм масс"». «Универсальность этого тезиса просто подкупает. Наивный монархизм, как отмычка, пригодная ко всем замкам». Поэтому, «дальше декларации дело обычно не шло, поскольку определение "наивный" как бы снимало саму проблему» Однако, - пишет ученый, - легко разглядеть в этом объяснении ущербность. Оно ничего не объясняет! Наивный – значит простодушный, почти детский – здесь и размышлять не над чем». ⁶¹

Понятно, что попытки смотреть в прошлое с высоты политико-идеологических пристрастий времен «строительства коммунизма» не могли привести к сущностно новым позитивным результатам. Получалось, что в данном вопросе советские ученые, игнорируя принцип историзма, пытались

⁵⁸ Белявский М.Т. Некоторые итоги изучения идеологии участников крестьянской войны 1773–1775 гг. в России // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1978. № 3. С. 37.

⁵⁹ Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976. С. 88.

⁶⁰ Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1900. С. 377.

⁶¹ Андреев И.Л. Анатомия самозванства ... С. 112; Андреев И.Л. Самозванство и самозванцы на Руси // Знание-сила. 1995. № 8. С. 48–49.

моделировать сознание людей прошлого по шаблонам современного им самим научного прагматизма и формальной логики. Марксистской историографией прочно была усвоена атеистическая аксиома о том, что религия «есть опиум народа»⁶², а потому исследователями практически не учитывались особенности религиозной «картины мира» человека традиционной эпохи.

Типичным примером могут служить рассуждения советского историка К.В. Сивкова, который словно бы «предлагал» участникам «классовой борьбы» XVIII столетия рецепт «опознавания» самозванцев в системе рационалистических координат, привычных для самого ученого. В качестве критериев для идентификации он «рекомендовал» простолюдинам прошлого оценить внешнее сходство, возраст претендента и бывшего императора, биографические данные, общее впечатление, производимое претендентом (голос, манера говорить, держать себя) и собственное представление об императоре как носителе верховной власти в государстве.⁶³

Возможно, рационально мыслящий человек поступил бы именно так, после чего, заметив несоответствия, назвал бы самозванца самозванцем. В масштабе же мышления изучаемого времени все было не столь просто и очевидно – «совершенно различные (на наш взгляд) предметы» рассматривались «как разные ипостаси одного». «При таком подходе люди с одинаковыми именами в определенных ситуациях могли восприниматься как одно и то же лицо». И соответствовать претендент должен был не столько реальному прототипу, сколько его мифологизированному образу.⁶⁴

Однако позиция советских историков была хотя бы понятной и последовательной в познавательных рамках «единственно верной» методологии. Дальше априорных утверждений, что самозванчество – это отражение «наивного монархизма» и «царистских иллюзий», всего лишь оболочка «классовой антифеодальной борьбы» трудящихся за свое освобождение от оков крепостничества, дело не пошло и не могло пойти. Рассматривая выступления в поддержку самозванцев как некий атавизм в целом передовой идеологии угнетенных классов, советские историки и не должны были уделять им серьезного внимания. Сложилась довольно странная ситуация историографической недоговоренности и незавершенности. Разобраться толком с идеологическим, социально-политическим, а тем более историко-культурным содержанием феномена самозванцев так и не сумели, однако от дальнейшего его изучения отказались.

Удивительно и необъяснимо, но в современной историографии подобный взгляд все еще имеет своих сторонников. Например, венгерский

⁶² Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 415. См. также: Ленин В.И. Социализм и религия // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1968. Т. 12. С. 143.

⁶³ Сивков К.В. Указ. соч. С. 108.

⁶⁴ Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1997. Ч. 3. С. 62.

историк Д. Свак полагает, что, «будучи первоначально неприкрытым мошенничеством, самозванчество и позже неизменно пользовалось средствами сознательного обмана. Таким образом, - пишет он, - можно, конечно, искать за обманом более возвышенное идеологическое содержание, но эта характерная черта все же останется доминирующей». Поэтому, - приходит к выводу исследователь, - самозванцу «достаточно было декларировать, что он спасся и является легитимным царем», чтобы тут же получить поддержку со стороны рядового населения. Используя для иллюстрации своих представлений события московской Смуты начала XVII столетия, Д. Свак полагает, что пример «двенадцати казацких лжецаревичей, а особенно Петра, хорошо показывает, что казаки воспользовались возможностями, заложенными в самозванчестве, но ни на минуту не верили в его сакральное содержание. Очень вероятно, что и Болотников скорее только позволил Молчанову обмануть себя, но по-настоящему не верил тому, что Молчанов – царь Дмитрий».⁶⁵

На первый, предложенный выше пример, сравнительно недавно был дан достойный ответ. Историк О.Г. Усенко обратил внимание на недостаточную аргументированность мнения, будто «казаки поддерживали (хотя бы поначалу) всех самозванцев, которые обращались к ним, и что нередко лжемонархи прямо-таки "создавались" казачеством, т.е. ими становились казаки, выбранные товарищами для хитроумной политической игры». Проведя обстоятельное исследование, историк пришел к выводу, что «казаки далеко не всегда и не везде оказывали поддержку лицам, публично претендовавшим на статус монарха или члена его семьи, что, поддерживав самозванца, казаки не обязательно шли до конца, что между отдельными группами казачества, вовлеченного в самозванческую интригу, бывали противоречия ... Поэтому весьма сомнительно, что для казаков было нормой выбирать "государей" из своей среды».⁶⁶

Необоснованным выглядит и второй пример, приведенный венгерским ученым. Напротив, все поведение Ивана Болотникова во главе повстанческого войска свидетельствует о его неподдельной вере в того, чьим воеводой он являлся. Особенно показательны в этом смысле его переговоры с москвичами во время осады древней столицы болотниковцами осенью 1606 г. Из них видно, насколько искренним он был, пытаясь убедить осажденных жителей в истинности названного претендента. Будь иначе, восставшие могли сходу занять Москву, т.к. оборонять ее в тот момент просто-напросто было не кем. Но И. Болотников, действительно веря в «чудесное спасение» царя Дмитрия, хотел действовать легитимными, а не насильственными средствами. Более того, даже сами москвичи

⁶⁵ Свак Д. Несколько методологических и историографических замечаний о «самозванчестве» // Самозванцы и самозванчество в Московии. Будапешт, 2010. С. 53, 54, 56.

⁶⁶ Усенко О.Г. Казаки и самозванцы в период Смуты // Мининские чтения: Сб. научн. трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. Нижний Новгород, 2012. С. 65, 73.

заявляли, что «если тот Димитрий, который прежде был в Москве, жив и находится у него в лагере или где-либо в ином месте, то пусть Болотников покажет его и призовет к себе его, чтобы они увидели его собственными глазами. Если это произойдет, они перед Димитрием смилятся, будут умолять о прощении и милости и сдадутся ему без сопротивления».⁶⁷

Получается, что и в данном случае тезис о сознательном «сговоре» «корыстных мошенников» не подтверждается конкретными фактами, а является лишь умозрительной ученой конструкцией.

Английская исследовательница М. Перри также предполагает, что самозванческие интриги были обманом, но взаимовыгодным. Не только лжемонархи пытались таким образом заручиться поддержкой народа, но и социальные низы использовали самозванцев в своих собственных интересах. Как отмечает М. Перри, для простолюдинов «наличие самозванца было удобной отговоркой с целью обезопасить себя: в случае неудачи, мятежники могли минимизировать степень своей вины и серьезности наказания, утверждая, что они искренне верили в подлинность царевича и действовали только из лояльности к трону; когда же они поняли свою "ошибку", то осудили его как самозванца».⁶⁸

Недостаточность такого одностороннего подхода к проблеме издавна ощущалась многими учеными. Становилось очевидным, что используемые в науке устаревшие познавательные конструкции не дают адекватного представления об изучаемом явлении. Поэтому серьезные сомнения по поводу упрощенной трактовки столь яркого исторического феномена уже не раз высказывались современными учеными. Квинтэссенцией их представлений может служить обоснованное суждение историка О.Г. Усенко, категорично заявляющего, что «царистские представления народа не могли быть объектом сознательного манипулирования», что «далеко не всякий, кто стремился помочь народу, кто играл роль "справедливого" (и только) царя, мог получить массовую поддержку».⁶⁹

Именно в контексте новых гносеологических приоритетов могла быть высказана глубокая мысль, опровергающая устоявшееся клише, «будто народ поддерживал самозванцев главным образом потому, что те обещали ему освобождение от крепостного гнета, сытую жизнь и повышение социального статуса. При этом допускается возможность того, что трудящиеся (по крайней мере, их часть) могли идти за самозванцами, не веря в их царское происхождение, а просто используя их в своих целях. Подразумевается, что "толпе" все равно, кто взойдет с ее помощью на

⁶⁷ Буссов К. Московская хроника // Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. М., 1989. С. 327.

⁶⁸ Perrie M. Pretenders in the Name of the Tsar: Cossack «Tsareviches» in Seventeenth Century Russia // Von Moskau nach St. Petersburg: Das russische Reich im 17 Jahrhundert. Wiesbaden, 2000. P. 256.

⁶⁹ Усенко О.Г. Самозванчество на Руси: норма или патология? // Родина. 1995. № 1. С. 56.

престол, - главное, чтобы новый царь был "мужицким", "хорошим", чтобы он защищал интересы народа». Однако, - приходит к верному выводу исследователь, - «анализ российского самозванчества» показывает, что «даже ближайшее окружение самозваного претендента на царский трон должно было пребывать в уверенности, что служит "подлинному" государю».⁷⁰

Солидарен с такой трактовкой и историк В.Я. Мауль, который также считает, что самозванцам для обретения массовой поддержки необходимы были более убедительные, чем просто словесные уверения, аргументы, соответствующие канонам монархического мышления носителей традиционной «картины мира». «В противном случае, - по его мнению, - у самозваного претендента могли возникнуть затруднения с "вербовкой" вероятных почитателей».⁷¹

Заметим, что в новых условиях развития исторической науки стало возможным изменить сам ракурс рассмотрения проблемы самозванцев, сместить акценты с идеологического и политического изучения, доминировавшего в предшествующей историографии, на культурологически ориентированное «прочтение» прошлого, характерное для ряда исследователей нашего времени. В последние десятилетия была осознана и по-новому переосмыслена совершенно справедливая мысль об имманентной связи феномена российских самозванцев с царистской психологией народных масс в целом. Историки пришли к выводу, что восприятие власти и ее носителей является одним из важнейших и древних культурных архетипов. Иначе говоря, с их точки зрения, представления о природе власти, о вождях и монархах отражают общий склад культуры в ее прошлом и настоящем, а также и умонастроения людей данной конкретной эпохи. Это значит, что понять жизнь общества можно лишь через систему значений и смыслов, которыми руководствуются в своих действиях люди, принадлежащие к этой культурной традиции. Следовательно, поведение человека всегда обусловлено социальными стереотипами, которые формируются в зависимости от установок, существующих в обществе.⁷²

В результате в сегодняшней историографии, акцентирующей методологический синтез и междисциплинарный подход, проблема самозванцев в российской истории может плодотворно рассматриваться сквозь призму таких ключевых констант традиционной культуры, как ментальная «картина мира», «мифологическое отождествление», «суггестия», «идентификация» и «самоидентификация», «коды культуры», «сакральность», «харизма», «богоизбранность» и т.д.

⁷⁰ Там же, с. 54; Он же. Об отношении народных масс к царю Алексею Михайловичу // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 86.

⁷¹ Мауль В.Я. Первый самозванец и «третий император» ... С. 50.

⁷² Долгих Е.В. Личность монарха в восприятии сановника николаевского времени (М.А. Корф) // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М., 1999. С. 134; Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков. М., 1998. С. 189.

Как отмечает историк И.Л. Андреев, ложным претендентам, «для того, чтобы надеть новую личину, нужно было преодолеть не только страх внешний, рожденный кнутом и плахой, но и страх внутренний. Отсюда еще одна черта, отличавшая большинство самозванцев. Они были способны на поступок. Притом сколько незаурядности, смелости и даже талантливости! Чего стоит одна только способность Пугачева убеждать! Несколько раз арестованный, он умел так говорить со своими конвоирами, что те отставляли ружья и помогали ему бежать». Ученый выделяет основные «черты-стереотипы средневекового народного сознания», которые «становились условием возникновения» самозванчества. Прежде всего, он обращает внимание на «те из них, которые были связаны с восприятием государя».⁷³

Нет сомнений, что в массовом сознании далекого прошлого любые времена смут и общественных потрясений оценивались, как правило, негативно, воспринимаясь в качестве божьего наказания. Одной из наиболее распространенных реакций на подобные бедствия «был архетип "перевернутого мира", когда властная традиция рассматривалась как враждебная ... и могла интерпретироваться в качестве источника греха, ответственность за который приходится нести всему обществу. Следствием такой реакции было стремление выйти из-под контроля государства, обособиться от насаждаемой им неправды, учредить свой островок Правды в море общего зла или в стороне от него».⁷⁴

Поскольку сознание человека традиционной эпохи было дуалистичным, мир предстал в нем как борьба противоположных начал, которые, взаимодействуя, дополняли друг друга в рамках амбивалентной системы взглядов. Они всякий раз неизбежно принимали форму культурных антиномий, когда тезис рождал антитезис, духовный гимн – пародию, бог – антихриста⁷⁵, а идея царской власти – самозванца. И все они органично соединялись в «картине мира» рядового простолюдина.

В такой ситуации феномен российских самозванцев можно рассматривать как перевернутое отражение реальной действительности изучаемого времени, вызывавшей, хотя по разным поводам и в силу разных причин, серьезные нарекания со стороны социальных низов. Массовое недовольство, чаще всего проявляясь в критике отдельных конкретных случаев и лиц, формулировалось и в виде общего убеждения в том, что «в России правды не стало». Осознание очевидного для простецов обстоятельства, что «на Москве государя нет», облекалось в архетипические формы монархической утопии и неизбежно создавало питательную почву для появления «истинных» царей – самозванцев. Однако отнюдь не каждый из них полу-

⁷³ Андреев И.Л. Анатомия самозванства ... С. 110–112.

⁷⁴ Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., 2002. С. 410–411.

⁷⁵ Даркевич В.П. Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. М., 1988. С. 188.

чал массовую поддержку: «наряду с такими самозванцами, как Лжедмитрий I и Е. Пугачев, увлекавшими за собой тысячи людей, в России были и другие, которые в лучшем случае могли похвастаться несколькими десятками сторонников».⁷⁶

Вопрос о причинах подобной «избирательности» социальных низов можно считать одним из наиболее важных, дискуссионных, но и познавательно перспективных в науке. Чтобы разобраться в нем, первым делом необходимо четко систематизировать и в тоже время дифференцировать многочисленных ложных претендентов, которые вовсе не являлись людьми, так сказать, одного «пошиба». Среди них, конечно, «были не более чем марионетки, этакая "очеловеченная" идея "доброго царя", который идет "выводить" бояр-изменников. Однако были вожди истинные, верховодившие по уму и по своей воле».⁷⁷

Вполне обоснованные соображения на этот счет уже не раз были высказаны историками, предлагавшими различные типологии российских самозванцев. Можно, в частности, обратить внимание на любопытные соображения, принадлежащие перу историка И.Л. Андреева: «Пестрое проявление индивидуальностей, - пишет он, - привело к возникновению самозванческих типов. Самозванец-бунтарь; самозванец-авантюрист, искаатель личных выгод; самозванец-марионетка, орудие политического заговора. Но был еще один тип – самозванец-пропагандист, принужденный за отсутствием иных средств полагаться на бойкость ума и остроту своего пера. Таковым был московский приказной Тимошка Акундинов, бежавший в середине 40-х годов XVII века за пределы Московского государства. Выдавая себя, то за сына, то за внука Василия Шуйского, он поочередно предлагал свои услуги турецкому султану, папе римскому, европейским правителям и слал-слал свои грамотки на родину в надежде смутить умы и поднять свои акции».⁷⁸

К сожалению, этим отрывком ограничивается вся опубликованная на сегодняшний день информация, которая отражает, видимо, потенциально интересную позицию И.Л. Андреева относительно данных сюжетов. Среди предложенных им типов без каких-либо комментариев остается только один – самозванец-бунтарь, но и три других поясняются лишь короткими штрихами. Поэтому можно согласиться с мнением историка В.Я. Мауля, отметившего, что «поскольку данная типология не получает дальнейшего развития» в работах исследователя, «остаются не совсем понятными сущностные признаки каждого из типов, вызывает сомнение строгость их разграничительного толкования», а главное – применимость данной типологической модели к живой истории самозванческих интриг в России XVII–XVIII вв.»⁷⁹

⁷⁶ Усенко О.Г. Самозванчество на Руси ... С. 54.

⁷⁷ Андреев И.Л. Самозванство и самозванцы ... С. 48.

⁷⁸ Он же. Анатомия самозванства ... С. 111.

⁷⁹ Мауль В.Я. Русский бунт в социокультурном измерении. Саарбрюккен, 2012. С. 26.

В чем-то близкую к предыдущей классификацию предлагает современная исследовательница М.С. Арканникова. Опираясь на труды предшественников, и творчески их интерпретируя, она считает целесообразным при изучении феномена самозванцев выделять три типа: 1) самозванец-защитник – это «заступник народа от произвола чиновников, изменивших "законному государю"; он руководствуется "деятельностью для другого". Мотив его самозванства – различные мирские "несправедливости": его действие направлено на установление традиционного социального порядка; его целью является привлечение внимания властей к решению конкретных социальных проблем и попытка вмешательства в процесс принятия политических решений. Как правило, этот тип самозванцев имел массовую социальную поддержку»; 2) самозванец-мошенник – «тот, кто преследует личную, в том числе материальную выгоду; это "деятельность для себя". Примеры подобного типа самозванства, в основном, редко получали поддержку (а тем более массовую) и далее реализации индивидуальных замыслов не заходили и, таким образом, в движение самозванчества не перерастали»; 3) самозванец-марионетка – «это самозванец, выступающий в данной роли по чужой воле заинтересованных политических сил. Такой тип самозванства был менее всего распространен и соотносится едва ли не с единственным Лжедмитрием I». «На практике, - пишет автор, - эти типы могли сочетаться и взаимно дополнять друг друга, реализуясь в одном человеке. В период монархии более "востребованным" и распространенным в народной среде являлся тип самозванца-защитника, именно он получал наибольшую социальную поддержку в XVII–XVIII вв.», что было обусловлено надеждами, возлагаемыми на него народными массами.⁸⁰

К сожалению, как и у И.Л. Андреева, авторские рассуждения на данную тему оказываются излишне лапидарными и не дают полноценного представления о степени оригинальности и плодотворности взглядов исследовательницы. Хотя, несмотря на некоторые неточности (например, почему к «марионеткам» не отнесен Лжедмитрий II? – Ю.О.), определенную упорядоченность в изучение феномена самозванцев они, конечно же, вносят.

Широко известной, но мало реализованной в науке является типология, предложенная академиком А.М. Панченко. Он вычленил две разновидности самозванцев: нарушителя канонов (например, Лжедмитрий I и Т. Акундинов) и народного, точнее крестьянского «царя-батюшки» (Е. Пугачев). Так, о первом самозванце ученый писал, что тот «вел себя как реформатор, а со старозаветной московской точки зрения как вероотступник, еретик, чернокнижник и колдун». Впрочем, за исключением двух предложенных самим исследователем фигур, едва ли среди российских лжецарей можно найти других кандидатов на образ самозванца-«нарушителя». Да и сами монархические каноны, как известно, на протя-

⁸⁰ Арканникова М.С. Самозванчество как проявление кризиса ... С. 18.

жении XVII–XVIII столетий претерпевали заметные изменения. Второй же тип ученый почему-то считал самым распространенным в России, хотя никаких аргументированных обоснований и примеров в пользу такого мнения не привел. Сценарий поведения «царя-батюшки», с точки зрения А.М. Панченко, определялся наряду с легендой о «возвращающемся избавителе» исконно русской концепцией «истинного царя».⁸¹

Достаточно плодотворной выглядит классификация историка Н.Я. Эйдельмана, который, имея в виду происхождение ложных претендентов и способы их действия, разделял «верхних» и «нижних» самозванцев. По мнению ученого, «основной тип российского самозванца – это человек из народа, выступающий в интересах "низов" от их имени ... Иногда самозванец сотрясает всю империю, весь господствующий уклад: таков "главный Петр III" – Емельян Пугачев; порою за лжецарем идут крестьяне всего нескольких уездов, чаще же смельчака хватают и нещадно карают, прежде чем он успевает привлечь заметное число сторонников. Однако, независимо от успеха или провала удалого молодца, он, как правило, представляет, так сказать, "нижнее" самозванчество, народное». Иной тип ложных претендентов, названных Н.Я. Эйдельманом, – это «верхние» самозванцы. Они считаются таковыми, потому что не обращены к народу. Народ для авантюристов такой закваски – «подлое сословие», однако подобные самозванцы и не были популярны. О них чаще всего никто и не знал, т.к. появлялись они «не в крестьянской среде, а наверху, в дворянской, правительственной сфере. Самовластие, резко усилившееся после Петра I, откровенно порабошавшее, но притом употреблявшее просвещенные термины о духе времени, народном благе, настоящих законах, – эта ситуация порождала своих самозванцев. Несоответствие названия реальности, игра в "фантомы" – вот основа для верхнего самозванчества». Таков, например, был «князь Нарышкин в Забайкалье в 1770-х годах», который «действуя "по-царски", без всякого права раздает чины, объявляет рекрутские наборы и самозванствует, покуда его не заманят в Иркутск и не свяжут. Еще выше – самозваная царица (не из народа – из просвещенных), "дочь Елисаветы", княжна Тараканова. Впрочем, кто объяснит, чем она хуже своей противницы Екатерины II? Ведь в XVIII столетии самозванчество на троне едва ли не формула».⁸²

Внешне привлекательная типология Н.Я. Эйдельмана на поверку оказывается не достаточно конструктивной, а выделенные им типы – слишком расплывчатыми и обобщенными. Не случайно, к «верхним» самозванцам у него относятся столь различные типажи, как, например,

⁸¹ Панченко А.М. Указ. соч. С. 22–24, 25. См. также: Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 142–183.

⁸² Эйдельман Н.Я. Лже... // Наука и жизнь. 1980. № 7. С. 112–114; Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России: Конец XVIII – начало XIX столетия. М., 1982. С. 35–42.

«князь Нарышкин» (вельможный самозванец) и «княжна Тараканова» (монархический тип самозванца). Если же говорить, о «верхних» самозванцах монархического плана, тогда, помимо интригующей фигуры «княжны», сюда с оговорками можно еще отнести «сына английского короля» И. Опочинина и, пожалуй, не более того. Заманчивой, правда, выглядит подсказанная историком возможность зачислить в эти ряды еще и «самозванцев на троне», тогда их реестр окажется немногим более представительным. Кстати сказать, в данном смысле можно было бы выделить еще два типа – единицы удачливых самозванцев, тех, кто сумел победить в борьбе за власть и признание окружающих, и оставшееся абсолютное большинство, неудачливых, т.е. проигравших свою отчаянную борьбу. В любом случае понятно, что при обозначенных автором условиях только «нижнее» самозванство могло быть массовым, а «верхнее» – единичным.

Невысокая сословная принадлежность основной части самозванцев подтверждается и статистическими данными. Из 147 известных историком О.Г. Усенко претендентов, действовавших «в Российском государстве в период с 1601 г. по 1800 г. включительно», к "верхам" общества принадлежали, вероятно, двадцать два человека (15%), тринадцать лжемонархов можно причислить к "средним слоям" общества, а сто одиннадцать человек (76%) вышли из "низов".⁸³

Считать подобные результаты чем-то неожиданным не приходится. В научной литературе данному обстоятельству было дано вполне аргументированное объяснение: выходцы из социальных низов просто-напросто лучше других чувствовали психологию масс и потому более четко выстраивали свое поведение в соответствии с ожиданиями простонародья. Они не просто могли внушить, но еще определенно знали, как внушить и что внушать.⁸⁴

Исследовательница М. Перри на примере российских самозванцев XVII века предлагает принципиально иначе взглянуть на проблему их типологии. Она выделяет между-династический и внутри-династический типы лжемонархов. По ее мнению, легитимность правящих царей XVII в. оспаривали только между-династические самозванцы (лже-цари и лже-царевичи из другого рода), которые сами стремились к престолу. С другой стороны, внутри-династические самозванцы Смутного времени – царевич Петр Федорович и прочие мелкие самозванцы – поддерживали своего родственника, царя Дмитрия, а сами не стремились к престолу. Потом, новые внутри-династические самозванцы (на этот раз внутри династии Романовых, уже ставшей легитимной с момента вступления на престол Алексея Михайловича) – не стремились свергнуть с престола своего отца, царя Алексея Михайловича, но намеревались помочь ему против злых

⁸³ Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России XVII–XVIII веков как социокультурное пограничье // Уваровские чтения – VI: Граница и пограничье в истории и культуре. Муром, 2006. С. 59.

⁸⁴ Андреев И.Л. Анатомия самозванства ... С. 114.

изменников бояр. Поэтому для обоих типов самозванцев XVII в. вопрос о легитимности правящего царя решался сравнительно просто. Для междинастических самозванцев, истинный государь – свергнутый царь или отстраненный царевич – являлся прирожденным; неистинные же правящие цари – изменниками и узурпаторами, покушавшимися на жизнь настоящего наследника. Для внутри-династических самозванцев, однако, правящий царь являлся легитимным, как прирожденный государь, и самозванцы стремились оказать ему помощь против изменников-бояр. В обоих случаях, царское происхождение (прирожденность) являлось главным критерием монархической легитимности. Для простого народа, прирожденность являлась более ясным и конкретным понятием, чем богоизбранность, и именно поэтому самозванчество стало таким значительным явлением во время династических кризисов в России в начале XVII века.⁸⁵

Позиция английского историка выглядит достаточно нетривиальной и внешне привлекательной, но при этом не учитывающей, однако, многочисленные разновидности самозванцев, появившиеся в следующем – XVIII – столетии. Поэтому принять эту классификационную схему в качестве универсальной также не представляется возможным.

Наиболее разработанную и обоснованную типологию предложил историк О.Г. Усенко, различавший светских и религиозных самозванцев. Однако лжепророки, лжехристы, мессии и т.п., хотя и представляют несомненный интерес, требуют специальных исследовательских рефлексий, а потому не рассматриваются в нашей работе.

Светские претенденты разделяются историком на «вельможных (сановных)» и «монархических (царственных, царистских)» самозванцев. Причем, как отметил ученый, «самозванство может быть "именным" и "статусным". Под последним понимается не санкционированное официальной властью занятие индивидом новой для него социальной позиции, которое, однако, не сопровождается его отказом от своей истинной биографии и привычного для всех прозвания. "Именное" же самозванство такой отказ подразумевает. Оно несколько смахивает на принятие человеком псевдонима, поскольку и там и здесь происходит перемена имени. Однако разница в том, что обозначение себя псевдонимом само по себе не связано с переходом на новый и заранее определенный уровень притязаний, на новую социальную позицию. Между тем подобный переход обязательно имеет место тогда, когда человек берет имя реального лица (здравствующего или покойного)».⁸⁶

Отметим сразу, что под такое определение «статусного» самозванства вполне подпадают, например, действия бывшей Ангальт-Цербстской принцессы Софьи-Августы-Фредерики в июне 1762 года. В результате

⁸⁵ Перри М. Самозванцы XVII в. и вопрос ... С. 78–79.

⁸⁶ Усенко О.Г. Кто такой «самозванец»? // Вестник славянских культур. 2002. № 5-6. С. 48.

появления у нее сторонников они переросли в самозванчество и привели к возведению великой княгини на российский престол под именем Екатерины II. Вспомним, что об этом же феномене «самозванцев на троне» писали историки Н.Я. Эйдельман, Б.А. Успенский и некоторые другие.

Классифицируя собственно лжемонархов, О.Г. Усенко предложил следующие их типы: «авантюристы», «реформаторы», «блаженные». Под «авантюристами» он подразумевает «индивидов, которые приняли на себя новое имя или новый статус только ради личной выгоды, которые даже не прикрывали свою корысть обещаниями популярных мер и привлекательными для народа лозунгами, а также добивались своих целей путем дополнительных (по отношению к факту самозванства) нарушений правовых и моральных норм, принятых в той среде, где они вращались». «Реформатор», – по его мнению, – это человек, который пытается сочетать личные интересы с интересами своих соратников и сторонников. К этой же группе историк относит и лиц, которые хотя и не обещали провести социальные преобразования, но оказались замешанными в движениях социального протеста «светского» характера. Остальную часть лжемонархов, по мнению О.Г. Усенко, составляют «блаженные», которые полагали, что после «проявления» их ждет «законное» место на троне или рядом с ним. Если для «авантюриста» и «реформатора» самозванство – лишь средство достижения поставленных целей, то для «блаженного» оно и есть цель, оно самодостаточно. Такой самозванец желает лишь одного – «объявить» о себе. При этом создается впечатление, что в отличие от «реформаторов» и «авантюристов» среди них преобладают люди с расстроенной психикой. Дополняя свою классификацию лжемонархов, исследователь считает возможным выделить среди них еще так называемых «народолюбцев», которые, впервые «разглашая» о себе, обращались к простолюдинам, к «народу», т.е. стремились найти сторонников среди непривилегированного и полупривилегированного населения.⁸⁷

Анализируя предложения О.Г. Усенко, необходимо отметить их плодотворность и познавательную значимость, с ними в целом можно согласиться, хотя определенные допущения в его рассуждениях, конечно, имеются. Например, не очень убедительно определен тип «самозванца-авантюриста». В трактовке историка он получился просто беспринципным и корыстным проходимцем, сильно напоминающим тип «самозванца-мошенника» по версии М.С. Арканниковой. Нам ближе иное понимание «авантюриста» – это «человек, который ставит перед собой цели, превышающие те средства, которыми он располагает для их достижения. Без доли авантюризма нельзя достичь успеха в политике. Просто того авантюриста, который добился успеха, мы обычно называем выдающимся политиком».⁸⁸

⁸⁷ Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России ... С. 306, 308.

⁸⁸ Кобрин В.Б. Смутное время – утраченные возможности // История Отечества: люди, идеи, решения (Очерки истории России IX – начала XX в.). М., 1991. С. 175.

Иными словами, авантюрист – это неутомимый искатель приключений, пробивающий себе дорогу к славе и богатству путем собственной предприимчивости и риска, а не только темными делами и сомнительными средствами. В таком смысле авантюристами были вообще все те самозванцы, которые, объявляя о себе, рассчитывали на признание со стороны окружающих, но в типологии О.Г. Усенко оказались причисленными к «реформаторам» или к «блаженным». В любом случае отметим, что его классификационная модель еще не получила адекватной историографической реакции.

Интересно, что в западной историографии, в меньшей степени ориентированной на изучение своих самозванцев, также обращалось внимание на их типологию. Причем, при компаративном подходе к проблеме можно обнаружить уже знакомые нам типажи. Так, историк Р.-К. Швингес на европейских средневековых материалах выделил «три разных типа самозванцев: во Фландрии действовал проходимец и ловкий мошенник; лже-Фридрих на Нижнем Рейне был фанатиком, презревшим смерть на костре; в Бранденбурге же мы видим, вероятно, просто пешку в игре политических сил». Но симптоматично и важно, пишет историк, «что все трое провоцировали своими действиями единообразное коллективное поведение окружающих. Хронисты ... могли только удивляться тому массовому помешательству, которое возникало при появлении самозванцев».⁸⁹

С подобной позитивной реакцией простолудинов («массовым помешательством») мы нередко сталкиваемся и в истории российских самозванцев. Перефразируя слова известного философа, предположим, что самозванец был также необходим народной культуре, как юродивый – для «Русской Церкви», а «Иван-дурак – для русской сказки».⁹⁰

Систематизируя рассмотренные выше мнения, можно констатировать, что изучаемый нами феномен обнаружил многоцветную палитру «верхних» и «нижних» самозванцев, «авантюристов», «пропагандистов», «бунтарей», «марионеток», «реформаторов», «блаженных» и многих других типажей. Эти различия имеют ключевое значение с точки зрения психологии конкретных самозванцев. Однако во всех случаях объявления лжецарей доверие или недоверие к ним обуславливались культурными доминантами традиционного общества. По мнению историка В.Я. Мауля, являясь «наиболее яркой проекцией народной монархической утопии, самозванчество аккумулировало в себе целый комплекс архаических стереотипов, ориентаций и установок, характерных для доиндустриальных цивилизаций».⁹¹

⁸⁹ История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 88.

⁹⁰ Федотов Г.П. Святые Древней Руси. Ростов-на-Дону, 1999. С. 257.

⁹¹ Мауль В.Я. Лжедмитрий I: телесный код как культурный маркер самозванца // Мининские чтения: Сб. научн. трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Нижний Новгород, 2011. С. 20.

Однако для распространения в России XVIII столетия феномена самозванцев необходим был внешний импульс, в качестве которого выступил переходный период в истории страны, сопровождавшийся социальной ломкой и разрывом традиционных связей. Набравшая в эти десятилетия стремительные темпы модернизация вела к культурному расколу общества на элитарную и народную культуры, носители которой стали говорить на разных языках – буквально и метафорически. Поэтому им уже было не понять друг друга. Для дворянской элиты архаизация культурных запросов – жупел, точно так же, как для народа – модернизация. Как справедливо отмечалось в литературе, со времени петровских реформ «русское общество составляло единство лишь номинально, поскольку было населением одного государства. Но две части этого общества, разделенные все расширяющейся культурной пропастью, существовали как бы в разном историческом времени, в разных временных измерениях. Для одной время остановилось, замерло, и средневековье продолжилось еще на многие десятилетия ... для другой – началось Новое время, отсчет которого велся по европейским часам. Живя в разных измерениях, исповедуя разные ценности, представители этих двух частей русского общества говорили на разных языках и все хуже понимали друг друга, отдаляясь друг от друга все дальше».⁹²

В этих условиях наиболее восприимчивыми к распаду старого порядка оказывались именно социальные низы. Изменение общественного устройства приводило к перемене привычных мест и функций различных категорий населения. Соединение внутренних и внешних факторов создавало те условия, которые были необходимы для возникновения феномена оспаривания, вылившегося в появление самозванцев. Подобное противопоставление со временем только усиливалось. Кризис традиционной идентичности обнаруживал себя в культурном расколе XVIII века, когда порядки, создаваемые в ходе модернизации, воспринимались социальными низами, как утверждение перевернутого мира, как торжество кромешных сил. Нарочитая карнавальность, шутовской балаган мира господ XVIII столетия, наряду с последовательным разрушением традиционной гармонии должны были восприниматься социальными низами как победа изнаночного мира. Этот мир агрессивно и кощунственно проявлял себя в антиповедении. Поэтому противостояние высокой культуры российской элиты

⁹² Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 302. См. также: Мауль В.Я. Русский бунт как защитный механизм традиционной культуры в переходный период // Фундаментальные проблемы культурологии. Т. 6: Культурное наследие: от прошлого – к будущему. М.; СПб., 2009. С. 192–202; Мауль В.Я. Русский бунт как форма культурной идентификации переходной эпохи // Вестник Томского государственного университета. 2005. Вып. 289. С. 144–157; Мауль В.Я. Сакрализованное пространство традиционной культуры в переходный период как месторазвитие русского бунта // Уваровские чтения-VI: Граница и пограничье в истории и культуре. Муром, 2006. С. 52–58.

и низовой культуры русских простецов с особой остротой выразилось в форме культурно-символических оппозиций. Народное осуждение порядков и организации верховной власти – характерная черта XVIII века. Соответственно, встав на защиту традиции, простолюдины пытались всем своим действиям придать противоположную смысловую окраску. Проблема заключалась еще и в том, что обычно «традиционный и инновационный процессы происходят не изолированно, но проникают друг в друга. Инновация способна разрушать целостность и внутреннюю адекватность того или иного стереотипа, скрещивать его с другими стереотипами (либо не традиционными, либо не относящимися к данной традиции, данной устойчивой системе смысла). Традиционные формы могут утрачивать самоидентичность, утрачивать прежнее смысловое соотношение с другими традиционными формами. Поэтому в той культуре, в которой инновации играют ведущую роль, происходит не только накопление, но и утрата, забвение прежнего содержания».⁹³

Кроме того, немаловажными нам видятся и другие обстоятельства. Во-первых, надо четко отделять самозванство от самозванчества. Понятно, что не каждое самозванство было способно перерасти в самозванчество, и даже оказывалось возможным самозванчество без самозванца. Во-вторых, изучение феномена российских самозванцев не может успешно осуществляться только в плоскости собственно исторического знания, но и с иных социо-гуманитарных позиций, с обязательным использованием возможностей смежных гуманитарных и социальных наук. Более перспективным выглядит обращение к проблеме с использованием герменевтического инструментария для адекватного исследования природы феномена самозванцев и раскрытия исторических механизмов, обуславливавших данное явление.

Таким образом, чтобы разобраться в истоках и специфике данного явления необходимо применять комплексный подход ко всему многообразию исторических обстоятельств, обусловивших возникновение и длительное существование феномена российских самозванцев. Причем, что очень важно, разгадку следует искать не в конкретных действиях правителей XVIII века, а в осмыслении их рядовым населением и потенциальными претендентами на искомое высокое имя и/или звание. Иначе говоря, «надо учитывать, что объективная реальность прошлого все чаще выступает как совокупность множества субъективных смыслов его участников, понимание которых с необходимостью ведет в мир бессознательных символов, полуразгаданных знаков и подразумеваемых значений».⁹⁴

⁹³ Аверьянов В.В. Традиция как преемственность и служение // Человек. 2000. № 2. С. 43. См. также: Мауль В.Я. Пугачевский бунт в зеркале народной смеховой культуры // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 11. М., 2004. С. 277–281.

⁹⁴ Мауль В.Я. Лжедмитрий I ... С. 20.

§ 3. Детерминанты успеха российских монархических самозванцев: выявление и анализ стимулирующих факторов

Итак, для появления того или иного самозванца требовались весомые предпосылки, уже подготовленные массовым недовольством. Необходимо выявить, а в дальнейшем апробировать на конкретно-исторических материалах отечественного прошлого, те специфические факторы, которые сопутствовали или препятствовали успеху самозванческих начинаний. Почему на «объявления» одних ложных претендентов простолюдины тут же с готовностью охотно отзывались, а на высказанные претензии других – не реагировали вовсе, или даже способствовали их разоблачению?

Многогранная и насыщенная разнообразными событиями история российских самозванцев с достаточной прозрачностью намекает на ответ: для того чтобы население признало их «истинными» царями необходимы были особые стимулирующие факторы, которые могли быть двоякого рода – объективными и субъективными. Рассмотрим их в порядке очередности.

В литературе неоднократно отмечалось, что облаченный, как правило, в монархическую оболочку социальный протест народных масс в эпоху феодализма во многом становился продуктом суровых обстоятельств их жизни, несносного экономического закабаления, неуклонного роста податных и прочих повинностей, последовательного усиления крепостничества и т.д.⁹⁵

Недооценивать значение этих объективных причин формирования поведенческих стратегий населения, конечно же, нельзя. Они, несомненно, влияли на протестную активность человека в эпоху, когда вся его жизнь едва ли не нацело зависела от воли власть имущих, а также от враждебных сил природы. Жизненная нестабильность зачастую порождала колебания и неустойчивость психики, а те, в свою очередь, становились доминантами острых эмоциональных переживаний простолюдинами окружающей действительности и себя в ней. Этими интуитивно прочувствованными или рационально осмысленными обстоятельствами и могли воспользоваться самозванные претенденты на имя и/или статус царя, либо выдававшие себя за кого-либо из его родственников. Нередко возникавшее в столь сложных ситуациях структурное напряжение общества в результате, например, неурожая и голода, предоставляло самозванцам благоприятную возможность заявить себя в роли народного защитника и благодетеля широкой раздачей обещаний заботы о бедных и обездоленных. Когда же народу живется хорошо, у него нет причин для проявления недовольства, и не имеется поводов с доверием относиться к достаточно сомнительным личностям, выдвигавшим кощунственные претензии сакрального характера.

⁹⁵ См., напр.: Очерки истории СССР. Т. VIII: Период феодализма. М., 1957. С. 33–79, 89–148, 178–200, 201–232.

Однако выбор социальных низов – поддержать или нет, как правило, неизвестного им человека, вдруг сообщавшего, что он «истинный» царь, в значительной мере зависел не просто от наличия тех или иных обременительных повинностей у населения, но и от степени их тяжести. В одних случаях, они могли уже успеть довести людей до крайней точки терпения, когда приходилось искать эффективные способы реагирования на усугубляющуюся ситуацию. В других же – терпение еще не было полностью исчерпано, а потому многие готовы были по-прежнему надеяться на возможность благополучного разрешения проблемы иными, более мирными путями.

Именно в отношении таких, как последние, испанский философ Х. Ортега-и-Гассет проницательно заметил, что для обыкновенного «среднего» человека прошлого «жизнь была синонимом тяжелой судьбы как в экономическом, так и в физическом смысле», он ощущал «свое существование как давящий груз запретов, который надо нести на своих плечах, для него не было другого выбора, как приспособиться к своей ноше, устроив ее поудобнее на спине».⁹⁶

Признание непосредственного действия социально-экономических детерминант в народных выступлениях было уже свойственно ряду дореволюционных авторов. Вот, например, характерное для них суждение историка А.Г. Брикнера: «Толпа недовольных нуждалась в вожак для мятежных действий, - отмечал он. - Чем многочисленнее были угнетенные, тем легче распространялось известие о правах того или иного искателя приключений на престол. Появление самозванцев почти всегда находится в самой тесной связи с надеждою низших классов народа поправить свое положение».⁹⁷

Однако установление прямой причинно-следственной зависимости при объяснении протестных эпизодов нашей истории было особенно распространено в рамках советской историографии: «Мысль о том, что с устранением "боярского царя" и с воцарением "крестьянского" будет исправлена несправедливость общественного строя, являлась плодом наивного монархизма. Это консервативная черта мировоззрения крестьян; однако, утопическая вера в царскую помощь отнюдь не парализовала их активных действий в борьбе с крепостническим гнетом и произволом царских властей».⁹⁸

Нам представляется, однако, более убедительным, выдвинутый в современной историографии тезис о необходимости ментального, а не количественного «измерения» народных тягот – считать надо не общий их

⁹⁶ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. М., 1991. С. 82.

⁹⁷ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 204–206.

⁹⁸ Черепнин Л.В. Об изучении крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. (к теории проблемы) // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 11.

объем, а то, как они воспринимались самими простолюдинами. Необходимо отдавать отчет в том, что аксиологические маркеры «хорошо» и «плохо» при анализе положения трудящихся масс не могут быть универсальным измерителем их бедствий – они имеют не абсолютный, а относительный характер. Один и тот же в цифровом выражении размер повинностей мог неодинаково оцениваться социальными низами, и, соответственно, вызывать различные реакции. Потому в истории народного протеста не редки были случаи, когда бунтовали отнюдь не самые подневольные и закабаленные в экономическом отношении группы населения.

В контексте подобных рассуждений принципиально важной выглядит позиция историка О.Г. Усенко, подчеркнувшего, что «понятия "угнетение (гнет)" и "эксплуатация" не тождественны. Эксплуатация – чисто экономическая категория: это регулярное изъятие прибавочного продукта (частично или целиком) у непосредственных производителей. Угнетение же – понятие социально-психологическое, а именно принуждение человека к чему-либо вопреки его воле и/или ограничение свободы его жизнедеятельности, вызывающее у него какие-либо негативные эмоции. "Усиление гнета" могло происходить и при неизменности характера и уровня эксплуатации. Все дело в том, как и чем эксплуатация оправдывалась, насколько она выглядела нормальной или терпимой для тех, кто был ее объектом».⁹⁹

Иными словами, объективно существовавшим социальным, политическим и хозяйственным лишениям, чтобы превратиться в действенные катализаторы народного протеста, в субъективном своем преломлении в сознании простолюдинов требовалось быть осмысленными в качестве несправедливых и даже несправедных. В ходе этой познавательной процедуры на уровне массовой психологии актуализировались приемлемые для общественных низов способы истолкования причин этой несправедности. Причем характер и содержание такого рода объяснений должны были укладываться в привычные стандарты традиционного мышления. Неудивительно, что они нередко интерпретировались сквозь призму доминировавшего в ту эпоху народного монархизма. «Для почти полностью неграмотного, лишенного всех гражданских прав крестьянства, верившего в доброго царя, самозванец был единственной возможностью компенсировать политические, социально-экономические и религиозные притеснения. Он был тем знаменем, которое могло поднять крестьян на восстание».¹⁰⁰

С этими обстоятельствами во многом было связано распространение в разных регионах страны монархических слухов с позитивной информационной тональностью, «не было ни одного десятилетия без появления

⁹⁹ Усенко О.Г. Социальный протест в России до начала XX века: терминология и классификация // Из архива тверских историков. Вып. 6: Сборник воспоминаний и научных трудов. К 70-летию со дня рождения профессора М.М. Червяковой. Тверь, 2006. С. 62.

¹⁰⁰ Александер Дж. Т. Российская власть и восстание под предводительством Емельяна Пугачева. Уфа, 2012. С. 52.

слухов об уже состоявшемся или приближающемся "возвращении" "подлинного царя" и "спасителя" народа, который, будучи изгнанным с престола дворянами, долго "скитался" и теперь решил вернуть трон и создать справедливое царство». По мнению социальных психологов, слух – это, прежде всего, «теневого мир, своего рода черный рынок информации: ценность слуха в том, что он неофициален, сообщается своим, а значит – о чужих. Иначе говоря, слухи – это вести обо всем интересном чужом (или как бы чужом, в модусе отстранения от него) для своих. Тем самым делается первый шаг к стратификации общества в обыденном сознании: мир привычно и устойчиво поделен на своих и чужих». К тому же, «массовые слухи, и питающая их среда, ментальность – симптомы и продукты разлома стабильного общества, его перехода к иному состоянию».¹⁰¹

Нечто подобное имело место в нашем случае, когда низшие сословия, столкнувшись с насильственным проникновением в их жизнь культурных инноваций, пытались найти приемлемые формы осмысления менявшейся окружающей действительности, выработать адекватные реакции на них. Как отмечает исследовавший этот вопрос на конкретных материалах XVIII–XIX веков историк И.В. Побережников, «особое место в народной монархической концепции» занимали «милостивые царские указы», которые «нередко использовались для оправдания протеста его участниками. При этом в качестве "милостивых указов" могли выступать реальные указы, подвергнутые утонченной интерпретации; подложные указы; пожелания социальных низов, приписанные ими царской воле (подобная приписка могла осуществляться вполне искренне, настолько велика была в народе вера в царя, в его неподдельную заботу о народном благе)».¹⁰²

Но, вспомним, что в старину «политическое мышление угнетенных традиционно искало причины своих бед в злой воле отдельных лиц, не связывая эти беды с самим царем».¹⁰³

Поэтому, когда долгожданные народные чаяния высочайшей справедливости не сбывались, начинали, как правило, распространяться всякого рода социальные утопии, а также слухи о скором появлении «подлинного» государя, который с помощью народа призовет к ответу своих нерадивых слуг и покарает неблагодарных бояр-«изменников». «Слухи всегда окружали тех царственных особ, которые никогда не правили, или правили

¹⁰¹ Александер Дж. Т. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. Уфа, 2011. С. 36–37; Дубинин Б.В., Толстых А.В. Слухи как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 77.

¹⁰² Побережников И.В. Народная монархическая концепция на Урале (XVIII – первая половина XIX в.) // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С. 33. См. также: Побережников И.В. Слухи в социальной истории: типология и функции (по материалам восточных регионов России XVIII–XIX вв.). Екатеринбург, 1995.

¹⁰³ Соловьев В.М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М., 1994. С. 152.

очень недолго, или умерли молодыми. Они оставались незнакомыми, таинственными, что порождало мечты о хорошей жизни при несостоявшемся царствовании. Поэтому весь феномен самозванства относился к сфере фольклора, мифа, былины и героической поэзии, в которой всегда находила прибежище душа униженных и угнетенных».¹⁰⁴

Иначе говоря, грядущий успех самозванцев во многом «программировался» специфической информированностью населения, когда массовому сознанию приходилось «питаться» слухами, которым невозможно было не верить, а потому люди быстро и охотно выдавали желаемое за действительное. Показательно, что «единицами слуха ... являются *экстраординарные события и герои*. Личность героя (она часто отмечает и окрашивает собой и значимость события) определяется его статусом – явным или скрытым и особыми способностями (опять-таки скрытыми или явными). Существенно само противопоставление явного и скрытого, игра слуха (и его инициатора, автора, рассказчика) на этой двусмысленности».¹⁰⁵

В такой непростой ситуации в мировосприятии социальных низов реанимировались разного рода архаичные культурные установки. Весьма значимой для них становилась мифологема «золотого века» как результат идеализации былых времен традиционным сознанием. Следовательно, в большинстве случаев оно являлось не новаторской силой, а неотъемлемым фрагментом уже существовавшей системы общественных коммуникаций. Иначе говоря, протестная активность простонародья, в том числе, появление самозванцев и действия их сторонников, по сути дела, оказывались важнейшим психологическим стабилизатором традиционной социально-политической структуры.

Когда в определенном временном и пространственном локусе объективные и субъективные факторы жизни обездоленного люда взаимно дополнялись, шансы самозванца получить поддержку от жителей данной конкретной местности значительно возрастали. Причем, ни у кого из поселян, как правило, не находилось принципиальных возражений в смысле невероятности происходящего. Появление «подлинного» монарха не считалось чем-то невообразимо фантастическим и, в общем-то, мыслилось как теоретически возможное. Его сакральные претензии, конечно, вызывали специфическую реакцию в виде всеобщего удивления, но в целом они вполне вписывались в привычные стандарты традиционной культуры.

Однако от первичной поддержки до завоевания полного признания и безоговорочного доверия было необходимо, чтобы и претендент своим видом и последовательными действиями совпадал с образом «истинного» царя, каким он отложился в мифологической памяти социальных низов. В традиционной системе ценностных координат он виделся фигурой полно-

¹⁰⁴ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 385.

¹⁰⁵ Дубинин Б.В., Толстых А.В. Указ. соч. С. 78.

стью гармоничной, в которой все соответствовало столь высокому происхождению и предназначению: благородная внешность, внутренние качества, добродетельное поведение, изысканные манеры, грамотная речь, образованность, «подходящее» окружение и т.д.

К самозванцу изначально предъявлялись конкретные требования, признаки характеристики которых оценивались и семиотизировались через традиционные архаичные механизмы. Известно, что в подобных неоднозначных и проблемных ситуациях обычно использовались приемы акцентирования релевантных для опознаваемого объекта признаков с целью его идентификации на основе имевшихся в «копилке» народного опыта «типовых» образцов для сравнения. Так происходило и в тех потрясающих воображение публики случаях, когда перед ней вдруг предстал не кто иной, как кандидат на высочайшее имя и/или статус. «В народном сознании, - отмечает О.Г. Усенко, - хранился определенный набор шаблонных ситуаций и их оценок, стереотипных схем ("архетипов сознания"), которые накладывались на явления действительности и помогали в них разобраться».¹⁰⁶

Неотъемлемыми атрибутами «истинного» венценосца считались неизменное царское благочестие, его богоданность и богоизбранность, государева законность и неизбывная справедливость в различных их проекциях и планах социального выражения. Среди отличительных признаков «законного» претендента на престол были «поддержка самозванца "всемирно", а также удачливость претендента, свидетельствующая о его Богоизбранности. Массовая поддержка могла опираться на признание претендента "подлинным государем" со стороны авторитетных лиц или свидетелей, которые-де знали его еще в бытность царем». Наконец, в памяти простонародья имелся «определенный план действий, который предписывался каждому самозванцу. Суть его заключалась в вооруженной борьбе с "изменниками" и походах на Москву (в XVIII веке – сначала на Москву, а затем на Петербург). Действовать как-то иначе значило разоблачить себя. Ведь "законный" царь для того и "объявлялся" народу, чтобы с его помощью вернуть себе власть».¹⁰⁷

Обратим внимание, что с давних пор в рамках официальной идеологической доктрины российским государям предписывалась важная миссия защитника незыблемости православия. Так воспринимали функции монархов и социальные низы. Но именно в этом смысле политика конкретных владетелей престола, начиная минимум с середины XVII века, оценивалась народными массами как далеко не безупречная. Ничем, как казалось, не оправданное надругательство над верой предков в контексте традиционной ментальности многими осмысливалось как следствие непрерывной вереницы сидящих на троне неблаговерных царей. Эта идея вполне сохраняла

¹⁰⁶ Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1994. Ч. 1. С. 29.

¹⁰⁷ Он же. Самозванчество на Руси ... С. 54–55.

свою актуальность и на протяжении XVIII столетия. Как подчеркивает историк Н.С. Гурьянова, для имевших популярность в народе старообрядческих сочинений было характерно конструирование идеализированного образа царя, которому, однако, ни один правящий монарх в полной мере не соответствовал.¹⁰⁸

Иначе говоря, с точки зрения массовых представлений о власти, действительность всегда «сравнивается с идеалом и оценивается посредством стереотипов. И это сравнение, окрашенное эмоционально, порождает действия разной силы и последствий», причем сознание народа «легко обуживало сомнения в справедливости монарха, который, ежели он богоданный и законный, просто изначально не мог быть несправедливым. И если жизнь подталкивала к противоположному заключению, сталкивала идеал с действительностью, то все обыкновенно завершалось "перетолкованием" этой действительности».¹⁰⁹

В данном случае, обозначенное идеологами «древлего благочестия» и совпадавшее с умонастроениями простых трудящихся разительное противоречие между идеальным государем и реальным правителем, как правило, оказывалось преодоленным в рамках мифологемы «истинного» царя – невинного страдальца за народ и веру. Этим обстоятельством можно объяснить не только критику персонифицированных («ложных») монархов, но и появление у них многочисленных «конкурентов» – самозванцев.

В историографии получило почти повсеместное распространение мнение, что с народной точки зрения «божественное предназначение подлинного царя» проявлялось «в исключительно устойчивом представлении об особых "царских знаках" – обыкновенно это крест, орел (т.е. царский герб) или солярные знаки, – будто бы имеющих на теле царя и свидетельствующих о его избранности. Это поверье играло важную роль в мифологии самозванчества: согласно многочисленным историческим и фольклорным источникам, именно с помощью "царских знаков" самые разные самозванцы ... доказывали свое царское происхождение и свое право на царский престол, и именно наличие каких-то знаков на их теле заставляло окружающих верить им и поддерживать их».¹¹⁰

Совсем недавно эта, казалось бы, полностью оправдавшая себя в конкретных исследованиях мысль, была поставлена под сомнение некоторыми учеными. Историк П.В. Лукин на материалах XVII века отметил, что «ни в одном из просмотренных нами следственных дел упоминаний об этом нет», поэтому «признавать "царские знаки" непременно и даже

¹⁰⁸ Гурьянова Н.С. Монарх и общество: к вопросу о народном варианте монархизма // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 1999. С. 126–148.

¹⁰⁹ Андреев И.Л. Искушение властью // Бремя власти. М., 2008. С. 392, 406–407.

¹¹⁰ Успенский Б.А. Указ. соч. С. 148; Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. С. 56 и др.

сколько-нибудь частым атрибутом самозванчества нет решительно никаких оснований».¹¹¹

На примере первого самозванца с этим выводом согласился историк В.Я. Мауль, подчеркнувший, что потребность в обязательной демонстрации «царских знаков» «еще не была особенно актуальной для начала XVII века, по крайней мере, неизвестно, чтобы кто-то настоятельно требовал от Лжедмитрия их предъявления».¹¹²

Сложно сказать, насколько скепсис названных авторов оправдан применительно к самозванцам «бунташного» века, но в отношении изучаемого нами времени, как показывают источники, он совершенно не верен. Лжецари, лжецаревичи и их мнимые родственники петровской и послепетровской эпохи, вплоть до конца XVIII века с завидной регулярностью пытались демонстрировать своим «почитателям» знаки на собственном теле. Если же они вдруг «забывали» предъявить их сами, иной раз следовали вполне определенные и настойчивые напоминания от потенциальных сторонников.

Тем не менее, согласимся с прозвучавшей критикой в том отношении, что в позиции К.В. Чистова, Б.А. Успенского и их единомышленников действительно имеются уязвимые места. Если рассмотреть предложенные ими аргументы, то заметно, что свои соображения о «царских знаках» они фундируют исключительно поздними примерами. Затем автоматически переносят полученные результаты на характеристику самозванцев, появившихся многими десятилетиями раньше, потому, видимо, что такая интеллектуальная экстраполяция полностью вписывается в их концептуальные построения. Едва ли подобный исследовательский прием можно признать допустимым с методологической точки зрения.

Как уже отмечалось, одним из признаков «настоящего» царя считалось строгое соответствие его поведения массовым ожиданиям и представлениям о «подлинном» государе, который «должен был выполнять все установления православия, строго соблюдать национальные обычаи и традиции двора». От самозванца требовалось «говорить и вести себя чинно и благородно, демонстрировать чувство собственного достоинства» и т.д.¹¹³

Но дело в том, что важны были не столько демонстрируемые предполагаемым или уже имевшимся сторонникам манеры ложного претендента сами по себе, сколько их семантическое наполнение, тот культурный «текст», который с их помощью нужно было донести до окружающих. Большую роль также играло непосредственное содержание произносимых коротких слов или пространных речей, рассчитанных на то, чтобы вызвать

¹¹¹ Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 106, 107.

¹¹² Мауль В.Я. Первый самозванец и «третий император» ... С. 52.

¹¹³ Усенко О.Г. Самозванчество на Руси ... С. 55; Он же. Монархическое самозванчество в России ... С. 337.

к себе полное доверие слушателей. Причем, самозванец должен был «вести себя в принципе не так, как на самом деле вели себя монархи в XVII–XVIII столетиях, а как их поведение представлялось народом».¹¹⁴

Любопытно здесь то, что социальные низы «могли простить многое в несходстве самозванца с его "прототипом", но не прощали, когда искатель престола позволял себе нецарский с их точки зрения поступок», как это случилось, например, с Пугачевым/Петром III, женившимся на казачке: «И хотя в сказках князя, случалось, брали в жены крестьянских дочерей, народный монархизм такой поворот не принимал. Иначе говоря, Пугачев переборщил».¹¹⁵

Потому-то и приходится признать, что полноценных возможностей для импровизации у самозванцев имелось не очень много, действовать им приходилось только в дескриптивных пределах. Предписаниями традиционного сознания они в значительной степени ограничивались в способах и формах собственной самореализации, фактически навязывалась достаточно жесткая, не допускавшая двусмысленных трактовок поведенческая стратегия. Им требовалось вести себя так, как подобало «добрым» монархам, начиная, например, от издания указов и обещания милостей («я пришел дать вам волю»), и, заканчивая, допустим, бросанием денег в толпу. Кроме того, стремящиеся к успеху самозванцы должны были, восстанавливая поруганную общественную добродетель, обрушивать на изменников «царскую грозу», демонстрировать собственные «сверхъестественные способности», рассказывать о «чудесном спасении» с последующими странствиями и злоключениями.

Иначе говоря, заинтересованным кандидатам на царский трон приходилось придерживаться «правил», предусмотренных народным монархическим сознанием. Впрочем, О.Г. Усенко считает, что самозванцев не всегда поддерживали даже в тех случаях, когда они эти «директивы» старательно выполняли: «Скорее всего, - пишет он, - нет прямой зависимости между соблюдением общепринятых "правил игры" со стороны самозванца и его удачливостью. Нельзя, например, сказать, что чем больше тот или иной лжемонарх предъявлял доказательств своей "подлинности", тем дольше он оставался на свободе, и тем значительнее было число его сторонников».¹¹⁶

Анализ источников показывает, что, в принципе, такая постановка вопроса имеет право на существование. Но очевидно и другое – без соблюдения установок народного монархизма мобилизовать массы на поддержку или хотя бы рассчитывать на нее было вообще невозможно. В этом случае самозванство никогда не перерастало в самозванчество.

Таким образом, одним из ключевых детерминантов успеха самозванцев становилась их способность отвести от себя возможные подозрения в кощунственном подлоге, вызвать безусловное доверие публики, вести себя

¹¹⁴ Андреев И.Л. Анатомия самозванства ... С. 115; Он же. Искушение властью ... С. 405.

¹¹⁵ Андреев И.Л. Самозванство и самозванцы ... С. 55; Он же. Искушение властью ... С. 405.

¹¹⁶ Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России ... С. 342.

сообразно статусу, на который они претендовали, и привлекать к себе тех людей, которые должны были помочь им утвердиться и удержаться на престоле.

«"Самозванческая затейка", - как подметил историк И.Л. Андреев, - вводила в соблазн людей самых разных по темпераменту, складу характера и силы воли. Несомненно, у большинства преобладала авантюрная жилка, хотя были и такие, которые искренне уверовали в свое царственное происхождение».¹¹⁷

Очевидно, что не все самозванцы обладали одинаковыми «актерскими» способностями, не всякий из них мог с равной степенью убедительности «сыграть» избранную роль. В том числе и поэтому слова одних – немедленно воспринимались как руководство к действию и приводили в движение хотя бы несколько человек или целые группы, в то время как усилия других – нередко вызывали откровенное неприятие. «Нет сомнения в том, что массе, по причине экономических, военных и т.п. интересов, потребовался, чтобы придти к цели, Наполеон, а не Фуше, Цезарь, а не Помпей – то есть обладатель особого дара, властитель психологии масс», - так характеризовал подобные ситуации известный французский ученый С. Московичи.¹¹⁸

Названный им «особый дар» давно уже обозначается в науке специальным термином «харизма» и свидетельствует о «наделении личности свойствами, вызывающими преклонение перед ней и безоговорочную веру в ее возможности. Этот феномен характерен для малых и, особенно, для больших групп, склонных персонифицировать свои идеалы в процессе сплочения».¹¹⁹

В такой харизматической ипостаси успешные самозванцы, если они рассчитывали на поддержку, должны были демонстрировать себя своим сторонникам. Причем в категориях рационального мышления нельзя найти ответа на вопрос, почему у одних людей не обнаруживается особого дара, в то время как другие, словно бы, изначально предназначены самой судьбой для великих свершений. Если такое все же случалось, происходило своего рода удвоение харизмы, когда на личное «обаяние» названных претендентов накладывался сакральный ореол «взятого займа» высокого имени и/или статуса. Их влияние на массы объяснялось особым характером веры в незаурядные качества «истинного» царя, его необыкновенную отвагу, обладание даром пророчества, магическими способностями и т.п. В литературе подчеркивалось, что появление феномена российских самозванцев говорит о «харизматическом понимании царской власти (сакрализации монарха)». «Концепция особой харизмы царя коренным образом меняет традиционные представления: противопоставление праведного и

¹¹⁷ Андреев И.Л. Анатомия самозванства ... С. 110.

¹¹⁸ Московичи С. Век толп. М., 1996. С. 353.

¹¹⁹ Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990. С. 438.

неправедного царя превращается в противопоставление подлинного и неподлинного царя. В этом контексте "праведный" может означать не "справедливый", а "правильный", "правильность" же, в свою очередь, определяется богоизбранностью. Таким образом, не поведение, а предназначение определяет истинного царя. При этом встает проблема различения истинного царя и царя ложного, которая не поддается рациональному решению: если истинные цари получают власть от Бога, то ложные цари получают ее от дьявола».¹²⁰

Иными словами, решающее значение для возникновения соответствующих отношений между самозванцами и их почитателями играло признание за первыми из них необычайных достоинств. Поэтому харизматическим вождям-самозванцам требовалось убедить всех в своих возможностях дать «правильные» ответы на волновавшие престололюдинов вопросы. Как подчеркивал М. Вебер, «преданность харизме пророка или вождя на войне... как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне "призванным" руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него ... В двух важнейших в прошлом фигурах: с одной стороны, мага и пророка, с другой – избранного князя-военачальника, главаря банды, кондотьера – вождизм как явление встречается во все исторические эпохи и во всех регионах».¹²¹

Вполне естественно, что харизматическим даром были наделены далеко не все самозванные претенденты на царское имя и/или статус. Большинство из них «похвастаться такими способностями не могли, не дотягивали до идеала и выглядели не слишком убедительно, компрометируя себя. Не все они могли последовательно пройти до конца крестный путь, предписанный фольклорной монархической схемой. Некоторые и сами робели перед грандиозностью затеянного дела».¹²²

Наличие же харизмы, как правило, обеспечивало успех начинаниям самозванцев, не только приводило к возникновению веры в их избранность, но и продолжительной активной поддержки со стороны окружающих в борьбе за правое дело восстановления общественной гармонии. А вот ради исключительно корыстных интересов некоторые отчаянные головы могли пойти и за явными лжецарями, такими же авантюристами как они сами, не несущими на себе даже слабого отпечатка харизмы. Российской истории XVIII века известны подобные сомнительные казусы,

¹²⁰ Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 218.

¹²¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 647–648.

¹²² Мауль В.Я. Имя императора Петра III в социокультурной истории русского самозванчества (опыт аксиологической рефлексии) // Тюменский исторический сборник. Вып. VIII. Тюмень, 2005. С. 85.

которые убедительно засвидетельствовали, что сугубо меркантильный союз, во-первых, был не очень прочным и длительным, а, во-вторых, на стороне таких самозванцев оказывались обычно лишь откровенно обманутые люди или единичные персонажи из числа социальных маргиналов, не сумевших вписаться в коммуитарно-общинную систему социума. Массовой поддержки в этом случае быть не могло по определению. Потому-то самозванчество пугачевского типа – явление для XVIII столетия практически эксклюзивное. Все это позволяет нам согласиться с высказанной в литературе метафорой о том, что не всякий «может быть шаманом или вождем! Ведь почему так много призванных и так мало избранных?»¹²³

Вокруг озаренных сиянием харизмы самозванцев обычно быстро спланивалось несколько верных помощников, а вскоре появлялась и более многочисленная «свита», предназначенная чаще всего для того, чтобы подчеркнуть «блеск» заявленного высокого имени и/или статуса. В формировании такого штата «придворных», с одной стороны, были заинтересованы сами самозванцы, рассчитывавшие на убедительную силу подобного аргумента в общении с вероятными последователями. С другой стороны, этого требовали культурные стереотипы социальных низов – носителей традиционного сознания. Какой может быть царь без соответствующего окружения, составленного из титулованных вельможных сановников?

Для реализации этой архетипической установки, понятной обеим «играющим» сторонам, нередко задействовался полисемантический инструмент мифологического отождествления, акцентирующий неразрывное единство вида и сущности, знака и его функции. Поэтому, когда около самозванного царя появлялись столь же самозванные графы, князья, генералы, государственные секретари и иже с ними, такая «свита» никого не удивляла, казалась не только вполне оправданной, но даже и ожидаемой простонародьем.¹²⁴

Дело в том, что в масштабе мифологического мышления «совершенно различные (на наш взгляд) предметы» рассматриваются как разные ипостаси одного. «При таком подходе люди с одинаковыми именами в определенных ситуациях могли восприниматься как одно и то же лицо». Для мифологического сознания характерно представление о количественной ограниченности предметов и явлений в окружающем мире. С нашей точки зрения, имя собственное только обозначает объект, является его «этикеткой» или «визитной карточкой». В глазах же людей, мыслящих по законам мифологического сознания, любой словесный знак, любой эпитет может стать именем собственным.¹²⁵

¹²³ Московичи С. Указ. соч. С. 350.

¹²⁴ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 433–459.

¹²⁵ Усенко О.Г. Психология социального протеста в России ... С. 62; Усенко О.Г. Самозванчество на Руси: норма или патология? // Родина. 1995. № 2. С. 70.

Назвать такое мышление иррациональным или нелогичным не представляется возможным, т.к. «уверенность в алогичности мышления представителей древних культур возникала вследствие перенесения стандартов и стереотипов собственной культуры на понимание жизнедеятельности и мировосприятия других этносов. На самом же деле логика в их мышлении вовсе не отсутствовала, она лишь отличалась от логики дискурсивной культуры».¹²⁶

Очевидно, что составные элементы целостной монархической системы существовали не в культурном вакууме, сами по себе, а были имманентны всей «картине мира» человека традиционного общества, не по своей воле оказавшегося перед лицом системного кризиса и потому жившего в обстановке эсхатологических переживаний, в непрерывном ожидании наступления последних времен. Он нуждался в приемлемом и доступном ему объяснении происходящего, чтобы иметь возможность примириться с удушающей действительностью, разрушавшей налаженный веками повседневный быт.

Не секрет, что культурные инновации признавались и принимались традиционным сознанием только тогда, когда получали истолкование в знакомых и привычных для его носителя понятиях и категориях. Поэтому, например, мотив странничества, столь популярный в монархической мифологии, следует воспринимать в контексте идей сакральной географии, присущих религиозно окрашенной коллективной ментальности изучаемой эпохи. Тиражирование данного сюжета в массы имело далеко не последнее значение для рождения и развития самозванческих интриг, определяя легендарный маршрут странствий, о которых явленному «монарху» надлежало неоднократно рассказывать своим последователям всем в целом и каждому в частности. Сакральная география символизировала особую избранность, органически вытекавшую из деления земель на праведные и грешные, когда время и пространство «традиционной культуры оказывались четко разделенными на две части – "здесь", то есть в настоящем, и "там", то есть в потустороннем, загробном мире. "Здесь" – течение времени и конечность пространства, "там" – вечность и бесконечность. В социокультурном разделении пространства на два противостоящих лагеря, царство бога совмещало в себе царствие небесное для праведных и длящуюся "в веке сем" сакральную державу, власть Христа ... Такая держава, символом приобщения к которой служит крещение, мыслилась как "православный мир". Ему противостояли (находились за его пределами) "бусурманы", которые "наделены всеми чертами мифологической inferнальности и явно связаны с бесовской силой"».¹²⁷

¹²⁶ Бескова И.А. Проблема соотношения ментальности и культуры // Когнитивная эволюция и творчество. М., 1995. С. 127.

¹²⁷ Берман Б.И. Читатель Жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 175.

По справедливому утверждению Ю.М. Лотмана, в традиционной ментальности «всякое перемещение в географическом пространстве становится отмеченным в религиозно-нравственном отношении. Не случайно проникновение человека в ад или рай в средневековой литературе всегда мыслится как путешествие». В соответствии с этими представлениями человек рассматривал и само «географическое путешествие как перемещение по "карте" религиозно-моральных систем».¹²⁸

В такой ситуации эсхатологические переживания общественных низов актуализировали миф о возвращающемся после долгих странствий и мытарств «избавителе». Затем эта разновидность популярной социальной утопии в сознании простолюдинов неизбежно трансформировалась в нетерпеливое ожидание пришествия «истинного» царя, долженствующего и способного положить конец мирским несправедливостям и народным страданиям. Прочность монархическому архетипу придавали три взаимосвязанных элемента: сакральный взгляд на власть и ее носителя, представление о законности, рожденные стариной, наследственностью, и, наконец, восприятие царя как защитника и справедливого судьи.¹²⁹

Таким образом, объективные условия жизни, субъективно переосмысленные современниками и интерпретированные ими в привычных координатах традиционной культуры, создавали благоприятный психологический фон – потенциальную предрасположенность людей к признанию появившегося самозванца «истинным» царем. «Народ восстает против власти от отчаяния, когда жизнь становится невыносимой, - отмечает один из современных историков, - но поднимают его на борьбу либо авантюристы, либо мечтатели».¹³⁰

И все-таки «избавителя» вполне могли не поддержать даже в том случае, если он старательно придерживался принятых «правил игры». К тому же, «в народном сознании не было единого, общего для всех слоев и регионов, представления о том, как должен выглядеть и вести себя "настоящий" монарх, скрывающийся от властей, и как вести себя в ситуации, если он перед тобой "проявляется". Причем носители различных, даже противоположных, воззрений на этот счет жили бок о бок или в небольшом отдалении друг от друга – к примеру, в соседних поселениях».¹³¹

В связи с необходимостью для самозванцев преодолевать подобные трудности укажем на еще один важный стимулирующий фактор их успеха, который обуславливался особенностями социопространственных и социопсихологических характеристик тех регионов, где появлялись «истинные» самодержцы или их разнообразные «родственники». Из истории конкрет-

¹²⁸ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 240–242.

¹²⁹ Андреев И.Л. Анатомия самозванства ... С. 117.

¹³⁰ Лесин В.И. Мятая Россия. М., 2000. С. 134.

¹³¹ Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России ... С. 335.

ных эпизодов прошлого хорошо заметно, что жители одних регионов отличались высокой социальной активностью, в других же – они были заметно более пассивными. Обратим, в частности, внимание на область Войска Донского, которая давно интересует историков своей культурной непохожестью на прочие российские города и веси. Ученые сумели показать различные особенности ее рельефа в пространственно-временном плане существования. В работах дореволюционных, советских и современных исследователей были приведены подробные географические сведения о ней, границах ее территории и их подвижности, описывались русла Дона и других рек. Не раз анализировались геологический характер и минеральные богатства, состояние почв, климатические особенности региона, такие как температура воздуха, ветры, растительность и фауна войсковой территории и мн. др. Иногда даже рекомендовались меры, необходимые для предохранения здоровья населения от вредных влияний местного климата.¹³²

Все это очень ценные и необходимые научные наблюдения, но они, тем не менее, не дают ответа на ключевой для нас вопрос, почему именно здесь, на Дону, на участке всего лишь в несколько сотен квадратных километров располагался целый ряд очагов повышенной социальной напряженности. Один из них – Зимовейская станица, что признается родиной двух великих российских бунтарей С. Разина и Е. Пугачева, хотя относительно места рождения первого из них и высказаны некоторые сомнения. Поблизости от нее (в 10 км) располагалась Есауловская станица, атаманом которой долгое время считали И. Некрасова – видного руководителя булавинского восстания. Чуть поодаль находилась Верхнекурмоярская станица, где родился и вырос религиозный сектант и бунтарь Е. Кательников и мн. др.

Неслучайность столь концентрированной периферийной локализации подтверждается географическими картами крупнейших протестных движений XVII–XVIII вв. Известно, например, что восстание под предводительством И. Болотникова началось на юго-западной окраине страны, и было связано с активным участием казачества. Разинское и булавинское выступления вспыхнули прямо на территории Дона. Самозванец Е. Пугачев (родом – донской казак) поднял недовольный люд на Яике – юго-восточной казачьей окраине страны. Отчетливо видно, что все значимые народные бунты возникли в зонах сравнительно свободных от непосредственного государственного вмешательства, крепостнического произвола, хозяйственной и иной эксплуатации и т.п. А уже потом с территорий вольных казачьих городков и станиц волны негодования распространялись во все стороны дальше по стране.

Данное обстоятельство доказывает, что историческая география народных движений предоставляет нам возможность обнаружить четкую

¹³² Краснов Н.И. Военное обозрение земли Донского Войска. СПб., 1870; Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII в. Ростов-на-Дону, 1961 и др.

тенденцию в пространственной локализации протестных настроений и действий. Однако раскрыть ее социокультурную природу можно только включив в познавательные практики известное в науке понятие «ментальной географии», т.е. «воображаемого» пространства, которое разворачивалось в умах людей – это не просто «отражение территории, но именно **ментальный объект**: представления, возникающие в сознании (и соотносимые, разумеется, с территорией)».¹³³

Такой ракурс проблемы позволяет предположить, что непримиримый и мятежный дух свободолюбивого края способствовал периодическому появлению на отдаленных окраинах страны независимых, неподдающихся давлению сверху исключительных отваги и способности людей, а также возникновению в этих «зонах повышенной социальной напряженности» столь грандиозных событий, нередко сопровождавшихся участием «истинных» царей-самозванцев в восстановлении попорченной справедливости. При этом само только перечисление регионов появления самозванцев выглядит достаточно примечательным – это Воронежская, Черниговская и Нижегородская губернии, Нижнее Поволжье, область Дона, Сибирь, Приуралье, Оренбург, т.е. районы, «особенно на окраинах страны», которые не раз были местами широких народных движений.¹³⁴

По материалам за период с 1762 по 1800 гг., О.Г. Усенко выявил следующую общую картину, которая в целом согласуется с высказанным нами предположением: из 65 случаев самозванства 59 имели место в европейской части страны, 5 – в азиатской части. При этом в центре европейской части страны было 25 случаев самозванства, а на окраинах европейской части – 33. Таким образом, ученый, хотя и попытался опровергнуть прежнее «мнение о теснейшей связи монархического самозванства с казачеством», но все же подтвердил, «что данный феномен имел место ... по преимуществу на его окраинах».¹³⁵

В контексте цели и задач исследовательской работы определенным изъяном построений известного историка видится то обстоятельство, что в указанном временном промежутке он берет в расчет всех монархических самозванцев без исключения. Если же иметь в виду только тех из них, кто получил сколько-нибудь заметную поддержку, тогда периферийная локализация успешных самозванцев станет совершенно очевидным фактом. Причем эти выводы не меняются и после включения в наши аналитические построения сведений о самозванцах первой половины изучаемого столетия.

Можно констатировать как данность то обстоятельство, что ментальная география самозванства, т.е. самозванцев объявившихся, но не

¹³³ Замятина Н.Ю. Смысл положения: место в ментально-географических пространствах // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4 (5). С. 61.

¹³⁴ Чистов К.В. Указ. соч. С. 178; Сивков К.В. Указ. соч. С. 133; Александер Дж. Т. Российская власть ... С. 52.

¹³⁵ Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России ... С. 311.

имевших единомышленников, действительно, не дает возможности выявить сколько-нибудь приоритетные для них российские регионы. В XVIII столетии это явление встречалось едва ли не повсеместно, в том числе и в центральных губерниях.

Иное дело – ментальная география самозванчества, когда у самозванца появлялось хотя бы немного, а тем более множество сторонников. Тут мы имеем достаточно точную привязку к окраинным территориям, где степень свободы (воли) даже в XVIII веке была несравненно выше, нежели в центральных земледельческих уездах России, а потому население было способно быстрее и решительнее реагировать на усиление своих тягот, осмысленных как несправедливые и несправедные. К этому следует добавить особенности жизненного уклада обитателей отдаленных от центра областей, большая часть которых принадлежала к казачеству или иным служилым сословиям. Для них характерен ярко выраженный милитаризованный образ существования, позволяющий понять, почему они быстрее, чем другие слои населения, брались за оружие. Да и само оружие было у них всегда под рукой, равно как и навыки владения им.¹³⁶

В то же время представлять этих отчаянных «воинов и бунтарей» совершенно бесшабашными сорвиголовами все же недопустимо. Даже им для того, чтобы стать частью «протестующей толпы», предпочтительнее было чувствовать, что действуют они в легитимных границах, ведут борьбу на вполне законных основаниях и отстаивают правое дело. Понятно почему «истинные» цари-самозванцы, громко и убедительно заявлявшие о своем намерении наказать изменников, могли здесь быстрее, чем где-либо еще, найти искреннюю поддержку и стать знаменем мобилизации народных масс.

Совсем другие условия складывались в центральных уездах и губерниях России, где существовало крепостное право, и в сельской местности был распространен более размеренный, тягучий повседневный ритм, преобладало земледельческое сословие, в принципе не заинтересованное и не склонное к скорым экстремальным решениям и действиям. Тут шансы самозванца на полный успех или на частичную поддержку со стороны мирного, хотя и подневольного крестьянства стремительно минимизировались. И потому закабаленное население данных регионов могло рассматриваться только как резервная, зато потенциально многочисленная армия единомышленников, способная включиться в ход событий на последующих этапах развития, когда самозванец был кем-то уже признан и успел получить первоначальную помощь.

Это дает основание для взвешенного предположения о существовании прямо пропорциональной зависимости между уровнем свободы насе-

¹³⁶ См., напр.: Сень Д.В. Воображаемая география и имперский дискурс: практики Российской империи в Крыму и на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в. // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 146–160.

ления и степенью его общественной активности в борьбе за возведение на престол «истинного» государя. Получается, что через оппозицию «правлящий царь – самозванец» в условиях российской модернизации XVIII столетия кодировался и актуализировался существовавший культурный конфликт между властью и обществом, наглядно реализовывавший себя в оппозиции центра и периферии.

Необходимо рассмотреть еще один аспект данной проблемы. Каким образом самозванцы определяли и решали для себя, где именно им надлежит проявиться? Заметим, что этот, в действительности, важный вопрос практически даже не ставился в историографии. Возможный при ближайшем рассмотрении ответ представляется двоякого рода. Если ложный претендент пускал ситуацию на самотек, заявлял о себе в первом попавшемся месте, никак не учитывая ни объективные условия жизни здесь, ни психологическую восприимчивость населения к появлению «истинного» царя, то, как правило, поддержки он не получал никакой.

Когда же самозванец действовал более вдумчиво и взвешенно, то заранее просчитывал возможные шансы на успех, анализировал вероятностные перспективы, основательно примерялся, где лучше и удобнее начать разглашать о своем высоком предназначении, и где вероятность признания выше. И лишь сделав предварительные прикидки, совершал главный поступок в своей жизни, заявлял о своем высоком предназначении: «точно верьте, я – царь». При таких раскладах самозванец имел куда более высокую вероятность получить необходимое для успеха всего начинания доверие. Не брать данное обстоятельство в расчет, оставлять все на произвол судьбы было чревато полным разоблачением. Следовательно, самозванцам необходимо было учитывать особенности ментальной географии той местности, где они выступали с высоким возглашением, чтобы рассчитывать на понимание и признание со стороны ее жителей.

Кроме того, успех самозванческой авантюры в немалой степени зависел не только от позитивной предрасположенности населения той местности, где объявлялся самозванец, но и от его личностных мотивов и амбиций. Самозванцам – изначально корыстным «мошенникам» – массовое признание, видимо, было не особенно нужно. Их цель выглядела достаточно простой и прозаичной – власть погулять, да вволю покуражиться за чужой счет, в то время как «народолюбцам» и «реформаторам» без такой поддержки явно было не обойтись. Причем показательно, что сами самозванцы, обычно, не готовили почву для появления, не вели целенаправленной предварительной агитации в свою пользу, но, в тоже время, были не прочь приспособить имевшие хождение монархические легенды и слухи к собственным интересам. Исключением из данного длинного реестра самозванцев, всего лишь приноравливавшихся к сложившейся ситуации, можно считать немногих ложных кандидатов в цари, которые не только воспользовались благоприятными слухами, но и весьма активно их распространя-

ли, провоцируя массовые ожидания скорого своего появления под вождельным именем конкретного надежи-государя.

Всякий раз намерение обрести верных сторонников получало приемлемое истолкование в рамках клишированных формул традиционного сознания: «истинный» царь – это защитник социальных низов и гарант общественной стабильности. Несоответствие его действий с народными ожиданиями психологически воспринималось как правление «ложного» царя – самозванца на троне, либо как следствие «измены» со стороны окружавших его бояр и чиновников. В последнем случае венценосцы подозревались в неспособности найти управу на своих ближайших советников, и тогда актуализировалась модель по типу «добрый государь – злые слуги», требовавшая поддержки самодержца всем миром. В особые же кризисные для традиционной системы моменты срабатывал иной «рецепт», в соответствии с которым царствовавший монарх при определенных условиях причислялся к «чужим», а самозванец признавался «своим». Тогда одним фактом появления перед народом лжецари, лжецаревичи или их «родственники» превращали в самозванцев самих сидящих на троне монархов, которым, таким образом, как ставленникам черных, колдовских сил, приписывалась персональная ответственность за разрушение целостности традиционной общественной гармонии. В этом случае оживали продиктованные культурными кодами традиционализма типические монархические утопии, провоцировавшие движения «от имени царя» и/или в поддержку «истинного» претендента.¹³⁷

Можно предположить, что выявленные нами стимулирующие факторы дают возможность понять природу происхождения и детерминанты успеха этого замысловатого феномена отечественного прошлого. Однако в любом случае «победы» и «поражения» различных монархических самозванцев, неоднократно появлявшихся в пределах России на протяжении XVIII столетия, требуют эмпирического обоснования на основе соответствующих примеров и источников.

Выводы по I главе:

В ходе исследования были уточнены дефиниции ключевых для изучаемой проблемы терминов («самозванство» и «самозванчество»); в компаративном ключе рассмотрены и проанализированы различные типологии российских самозванцев (разработанные российскими и зарубежными учеными), определены их достоинства и недостатки, а также внесены важные уточнения и дополнения в существующие классификации.

Установлено, что больший шанс на успех самозванческой интриги имели те лжемонархи, которые обладали неординарными лидерскими качествами, появлялись на окраинных территориях России (где степень сво-

¹³⁷ Андреев И.Л. Анатомия самозванства ... С. 117.

боды (воли) была выше) и вели себя соответственно основным доминантам культурной традиции.

Подводя итоги первой главы исследования, необходимо отметить, что катализирующим фактором для распространения феномена самозванцев в XVIII веке выступила ускоренная модернизация страны, которая повлекла за собой ломку ментальных констант национальной культуры, что неизбежно приводило к социальному протесту народных масс и создавало благоприятные условия для появления многочисленных ложных претендентов. Можно констатировать, что феномен российских самозванцев неразрывно связан с народным монархизмом простолюдинов, который являлся моделью характерного для своей эпохи восприятия и осмысления действительности, существовавшей в виде культурно-психологической матрицы носителей традиционного сознания.

ГЛАВА II. ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФЕНОМЕНА РОССИЙСКИХ МОНАРХИЧЕСКИХ САМОЗВАНЦЕВ

§ 1. «Непригожие речи» как предпосылка для появления российских монархических самозванцев

Одним из значимых историко-культурных явлений российского прошлого, получивших широкое распространение в XVIII веке, стали так называемые «непригожие речи». В них самих и с их помощью простолюдины, высказываясь по различным частным поводам или в адрес конкретных высоких особ, в целом выражали свое отношение к происходящим в стране глобальным изменениям традиционных ценностей и устоев на «европейский манер». Начавшись еще в предыдущем столетии, теперь эти трансформации набрали стремительные обороты и потому столь болезненно отразились в жизни всех категорий населения, но особенно остро и ощутимо сказались на положении и мироощущениях социальных низов. В результате быстрых перемен происходило крушение привычных культурных стереотипов, исчезало чувство безопасности, возрастали смятение в умах, неверие в правящих монархов, «коллективный страх», и начинался поиск адекватных ответов на вызовы модернизации. В научной литературе отмечалось, что системный кризис общества «обнаруживал» себя в ускоренной вестернизации всех сторон жизни страны, в многочисленных дворцовых переворотах, не прекращавшейся чехарде лиц у власти, почти непрерывном «царстве женщин» или детей, в постепенном разгосударствлении дворянской службы и т.д. К этому добавлялись рост социальной зависимости «нижайших из нижайших», усугубление их экономической кабалы, полное бесправие и невозможность легально выразить свое недовольство.¹

К тому же, и это не менее важно, «культурная пропаганда» правящих кругов, начиная с Петра I, активно эксплуатировала травестийную идею аксиологического разоблачения старого мира. Нарочитая антисвятость, балаганность отмечают поведение власть предержащих на протяжении всего столетия.²

¹ Мауль В.Я. Русский бунт в социокультурном измерении. Саарбрюккен, 2012. С. 118, 115. См. также: Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII в.: Борьба за наследие Петра. М., 1986; Булыгин И.А. Социально-экономическое развитие России в XVIII веке // История Европы. М., 1994. Т. 4. С. 272–294; Каменский А.Б. Реформы и их жертвы // Реформы и реформаторы. М., 2007. С. 587–665; Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999; Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002; Павленко Н.И. Страсти у трона: история дворцовых переворотов. М., 1996; Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999 и др.

² См., напр.: Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002; Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская хариз-

Известно, что в таких критических ситуациях традиционная культура обычно прибегала к нормативной функции, актуализируя и реанимируя наиболее архаичные культурные архетипы. Последним из этих средств, как правило, становился знаменитый русский бунт, оживлявший в ментальной памяти социальных низов ритуальный символизм прошлого, народную обрядовость, русский эрос, мир смеховой культуры и т.п. Наша история знает немало примеров, когда, переживавшее культурную растерянность простонародье бралось за оружие, пытаясь силой ответить на силу. Целой вереницей подобных актов протестной борьбы отметился и XVIII век. Среди них можно назвать выступление донских казаков под предводительством Кондратия Булавина, множество волнений крестьянского населения, рабочих и мастеровых людей на крепостных мануфактурах, а также нередкие восстания нерусского населения имперских окраин и мн. др. Венчал эту череду пугачевский бунт, социокультурная природа которого в максимальной степени воплощала в себе сущностные черты и особенности отечественного бунтарства.³

Тем не менее, социальные низы не сразу хватались за русский бунт как спасительную соломинку с целью сохранения распадавшихся привычных структур повседневности. На уровне коллективных представлений он коррелировался и с иными формами народного недовольства, ярко выражавшими различные срезы традиционной ментальности. Среди наиболее востребованных из них были так называемые «непригожие речи» («неподобные», «невежливые», «невместимые»). Под ними принято понимать высказывания, которые, с точки зрения российских органов власти, наносили ущерб «государской чести». Иначе говоря, это «непристойные» слова, заключающие ругательные обращения по адресу царя или императрицы, говоримые или в раздражении, или в «шумстве» по разным поводам. Во всех этих случаях «виновными являются, главным образом, беглые солдаты и матросы ... Затем встречаются крестьяне, дворовые люди, однокоренцы, фабричные, колодники разных приказов и канцелярий, вообще люди, принадлежащие к низшим слоям населения».⁴

«Непригожие речи», конечно, не являются особенностью только XVIII века, известны были и в более ранние времена. На материалах предшествующего столетия они обстоятельно изучены историком

ма при дворе Петра Великого. М., 2008; Трахтенберг Л.А. Функции пародических празднеств петровской эпохи // Бремя развлечений: *Отium* в Европе. XVIII–XX вв. СПб., 2006. С. 91–106 и др.

³ См., напр.: Мауль В.Я. Харизма и бунт: психологическая природа народных движений в России XVII–XVIII веков. Томск, 2003; Мауль В.Я. Архетипы русского бунта XVIII столетия // Русский бунт. М., 2007. С. 255–446.

⁴ Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 11; Веретенников В.И. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 163; Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны 1741–1761 гг. // Русская старина. 1875. Т. 12. С. 525.

П.В. Лукиным, который на их основе не без успеха попытался реконструировать народные представления о государственной власти в России, в том числе, связать их с феноменом самозванчества. Методологически корректным нам представляется познавательное кредо ученого, сформулированное в следующем виде: «нас интересует не столько то, говорил ли на самом деле обвиняемый те или иные "непригожие речи", а сама возможность их произнесения. То, какие именно высказывания могли быть сделаны с точки зрения людей XVII в., уже достаточно свидетельствует об их представлениях».⁵

Полагаем, что для понимания «картины мира» и умонастроений людей, живших столетием позже, подобный подход может оказаться не менее результативным.

Однако не все рассуждения П.В. Лукина следует признать бесспорными, и не каждый его вывод можно автоматически перенести на историю последующего периода. В частности, едва ли можно принять точку зрения исследователя, считающего упоминания говорившими «непригожие речи» себя в связи с царским именем и/или статусом, проявлением именно «народного самозванчества», которое «в России XVII в. было поистине массовой эпидемией». Очевидно, что в частых случаях, когда все ограничивалось только вербальной формой монархических притязаний субъекта на «нечто, выделяющее его из общей массы (например, на те или иные права, привилегии, особый статус и т.д.)», мы все же сталкиваемся с самозванством, а не самозванчеством.⁶

В монографии 1912 года издания приват-доцент Московского университета Г.Г. Тельберг, изучая политические преступления в Российском государстве XVII века и борьбу с ними, выделил четыре основные разновидности «непригожих речей», в той или иной степени характерных и для будущей эпохи ускоренной европеизации страны: 1) «непригожие речи», в которых обнаруживался или предполагался умысел к измене, бунту, «злему делу на государево здоровье» и т.п.; 2) бранные и оскорбительные суждения по адресу личности царя; 3) «невместные» суждения о государственных делах; 4) разного рода обмолвки и прописки в царской титулатуре.⁷

Представляется, что в контексте анализа культурной семантики «непригожих речей» предложенная типология не имеет ключевого значения. Вне зависимости от того, к какому типу следует отнести то или иное «непристойное» высказывание человека XVIII столетия, все они отражают систему взглядов, особенности коллективной ментальности своей эпохи, являясь выражением незамедлительной реакции традиционной культуры на внедрение чуждых и инородных инноваций. В такой постановке вопроса,

⁵ Лукин П.В. Указ. соч. С. 15.

⁶ Там же, с. 112, 169.

⁷ Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. С. 58.

понятно, что «непригожие речи» – это не только форма сопротивления престолоудингов политическим, административным или экономическим реформам, но одновременно и специфический способ осмысления ими происшедших насильственных перемен, круто менявших всю социокультурную действительность жизни. Это была, так сказать, форма саморефлексии народного сознания в условиях распада привычной повседневности.

Со времени издания в 1967 г. монографии К.В. Чистова о народной социальной утопии, принято считать, что важнейшим историко-культурным источником появления российских самозванцев являются легенды о возвращающихся «царях-избавителях». Возможно, такая постановка вопроса верна в отношении самозванцев XVII века, хотя, например, М. Перри сильно сомневается в существовании и широком распространении легенд в жизненной реальности русского «бунташного века», и ее сомнения поддерживают П.В. Лукин и ряд других исследователей. Но совершенно очевидно, что по материалам XVIII столетия бытование таких легенд со своей четко сложившейся структурой прослеживается с большим трудом. Зато для этого века характерно активное распространение «непригожих речей», в которых правящие особы, хотя и по разным конкретным поводам, воспринимались и критиковались как «неправедные» цари. В массовой ментальности эпохи ускоренной модернизации они зачастую интерпретируются в традиционном эсхатологическом контексте как ставленники дьявола, слуги сатаны, призванные нести людям смерть, страдания и несчастья. Поскольку престолом овладел «ложный» государь, – считали авторы «непригожих речей» и внимавшая им аудитория, – где-то должен был или, по крайней мере, мог находиться царь «истинный». Они осознаются как естественные антиподы, поэтому, например, «царю-антихристу» Петру I «непригожие речи» регулярно противопоставляют «народного заступника» царевича Алексея Петровича, «самозванке на троне» Екатерине II – «царя-батюшку» третьего императора Петра Федоровича и т.д. Не случайно, что «непригожие речи» и возглашения различных лжецарей или их «родни» тесно коррелируют между собой в событийной истории страны.

Обратим внимание, что с феноменом «непригожих речей» мы намного чаще сталкиваемся в первой половине XVIII века, зато вторая его часть, особенно время царствования Екатерины II, ознаменовалась всплеском активности многочисленных монархических самозванцев. Для подтверждения сказанного приведем, хотя и не полные, но показательные статистические данные. По имеющимся подсчетам, за 1715–1725 годы в Преображенском приказе расследовалось 992 дела, т.е. в среднем около 100 в год, «при Анне Иоанновне в среднем в год рассматривалось 161 дело, а при Елизавете – 277». Но затем происходит заметный спад активности. За 34 года екатерининского правления, закончившегося, как известно, в 1796 г., «через орган политического сыска прошло 862 дела, в среднем по 25 в год». Получается, что именно пребывание на троне

Екатерины II характеризуется явным снижением количества произнесенных «непригожих речей», которые были главным предметом разбирательства подобных учреждений. Статистика по монархическим самозванцам рисует нам совсем иную картину. Из 115 лжемонархов и их «родственников», объявлявшихся в XVIII веке, «на долю «Российской Минервы» приходится 54 случая, т.е. почти половина всех названных претендентов на имя и/или статус монархического типа. Примечательно, что при Павле I до конца века уже «было открыто 721 дело, в среднем 180 в год – в семь раз больше, чем в предшествовавшее царствование», зато самозванцев, как и следовало ожидать, обнаруживается всего 6 человек.⁸

Такого рода обратно пропорциональную зависимость даже с учетом различной продолжительности царствований едва ли можно признать случайностью. Процессы специфического осмысления окружающей реальности, брожения умов и общественного негодования, составлявшие смысловую сердцевину «непригожих речей», рано или поздно должны были материализоваться в решительные действия по исправлению утвердившейся в стране «неправды», реализоваться в появлении «истинных» царей, а, значит, в широком развитии феномена монархических самозванцев. Вырисовывается такая схема взаимозависимых стадий выражения народных царистских представлений и поведенческих реакций в условиях системного кризиса общества, характерного для XVIII века: «непригожие речи» → самозванство → самозванчество.

Правители XVIII столетия хорошо знали, какой угрозой для стабильности трона может стать получивший поддержку простонародья самозванец, и опасались такого нежелательного развития событий, пытались превентивно его предотвратить вовремя принятыми мерами. Поэтому в «непригожих речах» населения им каждый раз вполне обоснованно мог грезиться грозный призрак нового самозванца. Тем более что едва ли остался хотя бы один монарх, чья личность и деятельность не подверглась бы суровому осуждению подданных. Не случайно, власть в эту эпоху очень оперативно реагировала на нередко звучавшую критику высочайшего имени социальными низами: «Недаром же ведут их за те речи "непотребные" в вертепы Розыскных дел тайной канцелярии, - писал историк М.И. Семевский. - Если бы никто не находил в тех словах смысла и значения, зачем же вести болтунов на пытку, под кнут, на эшафот».⁹

Отметим те аспекты народного миропонимания, которые выразились с откровенным недоумением и возмущением в «непристойных» высказы-

⁸ Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008. С. 338–341; Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. (Опыт системно-статистического анализа) // Россия в XVIII столетии. Вып. 2. М., 2004. С. 309. Цифры по самозванцам нами были уточнены – см. приложение.

⁹ Семевский М.И. Слово и дело! 1700–1725 // Семевский М.И. Очерки и рассказы из русской истории XVIII в. СПб., 1884. С. 5.

ваниях простолюдинов в адрес властителей, вельможных сановников и их действий на протяжении XVIII столетия.

Давно доказано, что развернувшаяся в стране вестернизация стала симптомом кризиса общественной, групповой и личной идентичности в разных социальных слоях. Уже петровские нововведения воспринимались многими простолюдинами «как экспансия "смехового", "кромешного", сатанинского мира, как наступление "последних времен" ... Если прежде противные стороны еще понимали "язык" (а значит, смысл поведения) друг друга, то после Петра пути окончательно разошлись». Заставляя «людей носить "немецкую", т.е. европейскую, одежду, Петр в глазах современников превратил свое окружение в ряженных», говорили, что он «нарядил людей бесом». Действительно, «европейское платье воспринималось в допетровское время как "потешное", маскарадное, и бесы на иконах могли изображаться в немецкой или польской одежде».¹⁰

Как отмечает историк культуры Г.Ю. Литвинцева, в православном сознании «маскирование было одним из наиболее устойчивых признаков "бесовства"», оно допускалось «в мире "антикультуры" – изнаночном мире, где наизнанку выворачивались настоящие вещи, понятия, идеи. При Петре картина меняется: этот "нереальный" перевернутый мир становится реальностью. Петр пытается установить "натуральное право" на веселье, внушая мысль, что "разгул", "шумство", "бесовства" – обыкновенная вещь и веселиться можно всем где угодно и когда угодно».¹¹

Иначе на петровское «экспериментаторство» реагировали общественные низы. Согласно обоснованному мнению исследователей, из привычного социального равновесия «народ был выбит такими символически-кощунственными нововведениями Петра, как пресловутое бритье бород, ношение европейской одежды, новый календарь, рекрутчина, титулатура монарха, подушная подать и т.п.». Не удивительно, что значительно возросло количество дел о преступлениях против власти и государевой чести. Наиболее часто встречалась публичная критика действий Петра I или установленного им порядка управления, которые осмысливались как "неправильные" и "неправедные"».¹²

Академик Д.С. Лихачев, анализируя особенности народной смеховой культуры в России, справедливо подчеркивал: «Мир зла – это идеальный

¹⁰ Юдин А.В. Русская народная духовная культура. М., 1999. С. 280–281; Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 160.

¹¹ Литвинцева Г.Ю. Западноевропейское влияние на светскую жизнь русского дворянства в петровскую и екатерининскую эпохи // Екатерина Великая: эпоха российской истории. СПб., 1996. С. 194.

¹² Мауль В.Я. Пугачевский бунт в зеркале народной смеховой культуры // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 11. М., 2004. С. 277–278.

мир, но вывернутый наизнанку, и прежде всего вывернутое благочестие, все церковные добродетели».¹³

Полагаем, такую оценку вполне можно экстраполировать и на понимание населением проводимых в стране петровских реформ и их цены. Однако не согласимся с высказанным не один раз в литературе суждением, будто бы «непригожие речи» о Петре I, решительно осуждавшие его самого и его дела, свидетельствовали о падении престижа образа монархии в глазах подданных, о развернувшейся в сознании современников десакрализации монарха как такового и т.п. Нам представляется, что имеющиеся данные говорят совсем об ином. В действительности, они вполне органично вписываются в народную монархическую «картину мира», уходящую корнями в глубокую культурную архаику прошлого. Надо понимать, что в религиозном восприятии изучаемой эпохи царь – это сакральная фигура, уже по одной этой причине не подвергавшаяся сомнению и оспариванию со стороны социальных низов различных классов общества. Он – наместник бога на земле и гарант незыблемости, установленных богом справедливых порядков.

В полном соответствии с императивами царистской психологии Петр I изначально должен был восприниматься как благочестивый помазанник божий, но волею обстоятельств оказавшийся «в плену» у бояр-изменников, а потому лишенный свободы воли, выбора решений и действий. Да и в живых он оставался только благодаря своим сверхъестественным способностям, «а коли-б не то, то они (т.е. бояре) давно-б его уходили».¹⁴

Поэтому причины народных бедствий и страданий поначалу никак не ассоциировались с правящим царем, зато их источником считали, например, происки отдельных чиновников и придворных. Так не раз бывало в истории страны прежде, неоднократно с подобным можно столкнуться и в более поздние времена. В первой же четверти XVIII века в качестве одного из главных «злодеев» непригожие речи регулярно называли светлейшего князя А.Д. Меншикова, который, хотя и «молится и к церкви прилежен, да все это лицемерие, а в душе сатана сидит ... на устах-то молитва, а в сердце злоба! От кого теперь тягости народу? Все от него. Кто царя научает? Он, матушка! А коли послушать слова его, да посмотреть – просто благодетель, святой человек!» Так, выражая негативное мнение многих простолюдинов, говорили в 1720 году на Украине две обычные крестьянские женщины.¹⁵

Досталось «Алексашке» и от неизвестного нищего, который в 1719 году рассказал, приютившему его хозяину, что «Меншиков убил царевича,

¹³ Лихачев Д.С. Смех в Древней Руси // Лихачев Д.С. Избранные работы. Л., 1987. Т. 2. С. 362.

¹⁴ Семевский М.И. Указ. соч. ... С. 70.

¹⁵ Есипов Г.В. Тяжелая память прошлого: Рассказы из дел Тайной Канцелярии и других архивов. СПб., 1885. С. 52.

а царевича сын жаловался на него, Меншикова, о том государю своему деду, и государь Меншикова сковал».¹⁶

В этой связи вполне понятно появление в народе слухов монархического содержания, «что императору этого года не пережить! А как он умрет, станет царствовать светлейший князь».¹⁷

В таком же обвинительном ключе, но уже с намеком на колдовство злоумышленников, рассуждал в 1724 году отставной капрал Ингерманландского полка Василий Кобылин, что государыня совместно «с Князем Меншиковым Его Императорское Величество кореньем обвели».¹⁸

Эти обвинения в связях вельможи с черным вывороченным миром в народном восприятии приобретут характер абсолютной убежденности. Поэтому Меншикова небезосновательно, как показало ближайшее будущее, подозревали в кошунственном намерении захватить верховную власть в государстве. Он и сам нередко позиционировал себя соответствующим образом: «как начал подъезжать [Меншиков] к городу, запалили из пушек; ... вот он скачет верхом, а за ним все генералы, да офицеры ... на все стороны кланяется, а народ без шапок, как царя встречает».¹⁹

Подобные обстоятельства не могли не вызывать тревожного чувства у современников, осознававших сакральную значимость прерогатив монарха, и к тому же хорошо знакомых с «княжеской» родословной Меншикова, который «наперед де сего живал по харчевням и торговал пирогами да орехами и квасом».²⁰

Тщательно изучив представления о царской власти участников народных бунтов петровского времени, историк Е.Н. Трефилов пришел, на наш взгляд, к убедительному выводу: «хотя политика Петра I в какой-то мере и влияла на представления бунтовщиков о царской власти, в целом она не поколебала глубинных монархических чувств повстанцев и не внесла принципиальных изменений в подобные представления по сравнению с предшествующим временем».²¹

Поэтому «непригожие речи» о царе-государе Петре I выстраиваются в определенный содержательно-смысловой ряд. По подсчетам историков, большая часть рассмотренных «непригожих речей» может быть подведена «под понятие о делах об оскорблении Величества. Дела о произнесении

¹⁶ Он же. Люди старого века: Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 1880. С. 80.

¹⁷ Веретенников В.И. Указ. соч. С. 165; Семевский М.И. Указ. соч. С. 97.

¹⁸ Доношение дьячка Василия Федорова на отставного капрала и Волоколамского помещика, Василия Кобылина, в брани царского величества, государя Петра I^{го} // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). 1860. Кн. 2. Смесь. С. 21.

¹⁹ Есипов Г.В. Тяжелая память прошлого ... С. 53–54.

²⁰ Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957. С. 195.

²¹ Трефилов Е.Н. Представления о царской власти участников народных бунтов петровского времени: Дис. соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2010. С. 221–222.

непристойных и ругательных или оскорбительных слов по адресу Петра и Екатерины, или же о совершении оскорбительных для государевой чести действий, составляют приблизительно около 35–40% всего количества дел, касающихся "важности".²²

Социальные низы должны были пытаться объяснить причины и смысл тех событий, которые со страшной силой «подняли Россию на дыбы», но сделать это так, чтобы не подвергнуть при этом сомнению сакральный авторитет истинной православной царской власти. Так, в 1719–1720 гг. расстриженный архимандрит Антониево-Сийского монастыря Александр, находясь в застенке, в собственноручно написанном признании сокрушался о «беззакониях в Великороссии» и упрекал Петра I за то, что он «того западнаго костела отпадшаго приял и прочие обычаи: брадобритие и власы на главах своих носят накладныя, яко немцы ... еще же ... его царское величество богомерзкую проклятую табун траву (табак. – Ю.О.) продавать по градам, которую сам и весь его синклит употребляет. И в такое безстудие пришли, не точию что в домех или в канцеляриях и на путех, но и в церквах Божиих употребляют безстудно и без страха Божия».²³

Даже тюремный сиделец, беглый солдат «Соколов при допросе в Преображенском» приказе выказал возмущение по поводу того, что нынешний государь велел «платье носить немецкое и брить бороды и лбы, а людей берут неволею в солдаты и пятнают им руки и велит служить себе неволею и женился на другой жене, на иноземке, а прежнюю царицу послал в заточение в Ладогу».²⁴

Для народа ключевым при этом представлялся вопрос о виновнике происходящего, о том, кто инициировал все эти драматические перемены? В «непригожих речах» нередко звучит откровенное недоумение. Например, в 1703 году в Дмитрове посадский человек Михаил Большаков, не называя никаких имен, в разговоре с нанятым портным Федором Кутьиным критиковал обязательность ношения европейской одежды: «Кто это платье завел? того бы я повесил!» Совершенно напрасно следователи не поверили его искреннему объяснению, «что де слово *повесить* он молвил не к государеву лицу, а с проста к немцам, потому, что то де платье завелось от немцев – к тому то он слово *повесить* и молвил».²⁵

Аналогичным образом в 1705 году монастырский крестьянин Борис Петров, естественно, без упоминания имени реформатора, недвусмысленно заявил: «Кто затеял бороды брить, тому б голову отсечь».²⁶

²² Веретенников В.И. Указ. соч. С. 163.

²³ Есипов Г.В. Тяжелая память прошлого ... С. 18–19.

²⁴ Там же, с. 89.

²⁵ Есипов Г.В. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. СПб., 1863. Т. 2. С. 169.

²⁶ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Л. 134. См. также: Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 24.

Кстати, что любопытно, сам император словно бы не осознавал значимости культурных последствий своих действий, взбудораживших народный покой, а потому, доказывал всю условность внешней атрибутики и решительно заявлял: «"Я желаю преобразить светских козлов, то есть монахов и попов, первых – чтоб они без бород походили в добре на европейцев, а другие – чтоб они, хотя с бородами, в церквах учили бы прихожан христианским добродетелям так, как видал и слышал я учащих в Германии пасторов". При чем, рассмеявшись, примолвил к сему и еще и то: "Ведь наши старики по невежеству думают, что без бороды не внидут в царство небесное, хотя у Бога отверзто оно для всех честных людей, какого бы закона верующие в него ни были, с бородами ли они или без бород, с париками ли они или плешивые, в длинном ли сарафане или в коротком кафтане"».²⁷

Народу же было вполне понятно, что «настоящий» царь так поступать не мог. Но тогда – кто эта «персона», сидящая на троне? В масштабе религиозной «картины мира» пугающий воображение ответ напрашивался сам собой. Начинается постепенное осмысление конкретного правителя (Петра I) в контексте вселенского противостояния Добра и Зла как не «истинного» царя, «он некакой сулим и недоброй человек; да и глаза, де, у него воровские, что ходит потупясь, глядит в землю».²⁸

Сигнализируя своими «непригожими речами» о явных неполадках традиционной системы, социальные низы публично анонсировали свое представление о том, что «любое "переряживание" ... связывалось с колдовством и магией и вызывало суеверный страх».²⁹

И вот из разных концов необъятной страны раздаются крики откровения и предупреждения о царе-антихристе, «он – бусурман, еретик, – вот мотив этого отношения. В 1723 году один крестьянин говорил громогласно, что Петр "это – неистовый царь; никак он швед"; один раскольник в том же году толковал иезекииелево пророчество о Гоге и Магоге, "что Гог – гордость султана турецкого, Магог – владение нашего государя", или "Магог – наш российский государь император". Тогда же были уличены несколько баб, что громогласно звали царя антихристом».³⁰

Согласимся со справедливым мнением исследователя В.М. Живова, дающим возможность лучше понять историко-культурный вектор петровских преобразований: «Поскольку традиционная культура теснейшим образом сплетена с ритуалом, - пишет он, - инновации в сфере ритуала оказываются важнейшей составляющей культурных преобразований, несущей все основные идеи культурной реформы». Имеется в виду, что, «участвуя в ритуале, русский человек не только манифестировал свою

²⁷ Нартов А.К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб.; Париж-Москва-Нью-Йорк, 1993. С. 264.

²⁸ Доношение дьячка Василия Федорова ... С. 21.

²⁹ Фаминцын А.С. Скоморохи на Руси. СПб., 1995. С. 122.

³⁰ Веретенников В.И. Указ. соч. С. 163–164.

веру, но и раскрывал ее содержание, так что участие в измененном ритуале необходимо влекло за собой и изменение самой веры ... Поэтому новые ритуалы автоматически порождали новую веру, а новый порядок, пропагандируемый этими ритуалами, закреплялся не столько новыми убеждениями, сколько обращением (*conversio*), хотя бы и насильственным. Выбор между традиционной и новой культурой выступал как своего рода религиозное решение, связывающее человека на всю жизнь».³¹

Не удивительно, что все большую силу набирало народное убеждение, будто «нынешний государь не прямой царь, предтеча антихристов, потому веру христианскую и сложение перстов переменил, велел креститься тремя большими персты». И более того: «Котораго вы называете царь Петр Алексеевич – тот и антихрист. Прибудет он в столицу и недолго там будет, отъедет в Казань, а в те времена уже покою не будет», «у нас преставление света скоро будет». Подобные настроения охватили даже территорию, казалось бы, далекого вольного Дона, где местный «распоп» «Ромашка» Иванов, «проповедуя казакам о конце света ... назвал антихристом и государя: "... у него-де ноги коровьи, что носит башмаки ... видите-де вы и сами и ... бегите от него прочь, чтоб вам не принять ево антихристовой печати"».³²

Слухи, активно циркулировавшие по стране, убедительно объясняли и другое недоумение: как антихрист умудрился оказаться на царском престоле? Говорили о том, что государя «на Москве нет. Семь лет в полону, а на царстве сидит немчин». «Государь не царского колена, немецкой породы, – передавали друг другу в 1700 г. крепостные из вневских вотчин И. Стрешнева и помещицы Мышецкой, – а великого государя скрали немцы у мамок, в малых летех, а вместо ево подменили инова. Немцы лукавы, лик под лик подводят»; «наш царь – в немцах, в бочку закован, да в море пущен». «"Это де не наш царь, то де басурман, а наш де царь в иной земле, засажен в темницу", - рассказывал в 1705 г. белевский крестьянин Григорий Анисифоров. Да и позже подобные сомнения иногда будоражили народное сознание. Так, в 1723 году одна женка Маремьяна сообщала своим знакомым, что "де царь не царской крови и не нашего русского роду, но немецкого"»; «в 1723-же году разрослось громадное "вологодское" дело, начавшееся изветом на протодиакона вологодской соборной церкви, будто бы говорившего, что "государь де у нас ..., а не подлинный царь"».³³

³¹ Живов В.М. Указ. соч. С. 383.

³² Есипов Г.В. Люди старого века ... С. 89; Он же. Тяжелая память прошлого ... С. 86, 96; Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Ростов-на-Дону, 2009. С. 208.

³³ Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 168–169; Веретенников В.И. Указ. соч. С. 164, 166.

В контексте эсхатологических толкований причины бедствий, творимых «подменным» царем, теперь, в общем-то, оказывались всем понятны: «настало ныне последнее время и антихрист в мир пришел, а антихристом в том своем письме ругаясь писал великого государя, также и иные многие статьи ему Государю воровством своим в укоризну писал, а народам от него государя отступить велел и слушать его государя и всяких податей Ему платить не велел».³⁴

Казавшиеся кощунственными масштабные инновации решительно осуждались обычными простолюдинами, видевшими своими глазами, как «царь-антихрист» государство свое «все разорил, что уже в иных местах не сыщешь у мужика авцы»; «коли, де, он не умеет нами владеть, что уже и мы видим, как где служат и муку терпят, а над нами, де, уже так делают, что не можно человеку вытерпеть». Анонимные авторы одного из «пасквилей» задавались резонным вопросом: «Вот где мы мудрость ево всю видим? Выдал штуку в грацких правах, учинил Сенат. Что прибыли? Только жалованья берут много. Спросил бы, де, хоть у однова челобитчика, решили ль хоть одному безволочитно, прямо, да сыскав за такое непослушание, хоть одному штраф учинил». Не раз и не два звучали слова негодования, подобные тем, что произнес Василий Кобылин, который «блаженные и вечnodостойные памяти Его Императорское Величество бранил матерными скверными словами и называл горбуном и всей вселенной разорителем, от чего, де, свои и чужестранные земли плачут».³⁵

В 1701 году вологодский крестьянин Савка Васильев, недовольный, казалось бы, всего лишь меркантильными мерами царя, т.е. введением очередного налога, громко возмущался: «Что он, великий государь!», «хорошо ему, что один он только и велик, – всеми командует! А кабы кто больше его, государя, нашелся, так тот бы его за такие указы повесил!»³⁶

Понятно, что в глазах истинно верующего простого крестьянина «больше» государя мог быть только бог. Поэтому вполне профанное, на первый взгляд, суждение вологодского землепашца в действительности наполнялось сакральным смыслом. Именно всевышнего, по сути дела, призывал он в помощь «православным христианам» для исправления вселенской неправды, императивно утверждавшейся на Руси сатанинскими происками через указы «подменного» царя.

Таким образом, «непригожие речи» о «царе-антихристе» Петре I рисовали в коллективном сознании современников вполне очевидную картину всеобщих бедствий в «последнюю эпоху». Все ее звенья органич-

³⁴ Есипов Г.В. Раскольничьи дела XVIII столетия ... С. 60.

³⁵ Подметное письмо государю императору Петру Первому // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). 1860. Кн. 2. Смесь. С. 28, 29; Доношение дьячка Василия Федорова ... С. 21.

³⁶ Арсеньев А.В. «Непристойные речи» (Из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии, XVIII в.) // Исторический вестник. 1897. Т. LXIX. С. 63.

но вписывались в четкую и логическую схему народного монархизма. Дело оставалось только за выбором личности «избавителя», который в масштабе традиционного мифологического мышления страдательная фигура. Поскольку он радетьель за народное благо, постольку неизбежно должен подвергаться жестоким гонениям со стороны адептов торжествующего зла. Понятно, почему «подменный» царь «пустошил» свою землю. Однако все же главной задачей для него оставалось устранение потенциального конкурента, т.е. «истинного» царя, представлявшего наибольшую опасность. Не удивительно, что условиями и обстоятельствами эпохи на роль «избавителя» словно бы был «обречен» царевич Алексей Петрович, ставший объектом народной идеализации. Его репутация противника петровских нововведений была хорошо известна и вызывала у многих искреннее сочувствие. «В 1722 году к царскому денщику Орлову пристал на улице пьяный бывший служитель царевича Алексея, говоривший, что он верно царевичу служил, "судит де того Бог, кто нас обидел"».³⁷

Распространялись также слухи о поддержке царевича иностранными государствами. Например, солдат Малышников, беседуя с кабатчиком Барышниковым, рассказывал, что «пришли к Кроншлоту цесарских и шведских девяносто кораблей, и просят у его царскаго величества бою; а буде-де бою не будет, так чтоб отдали великаго князя. А буде его не отдадут, чтоб отдали изменников».³⁸

Сторож Благовещенского собора Еремей в разговоре с жильцом Басманной слободы Мокатениновым своим высказыванием выразил массовые ожидания и надежды: «Как-де будет на царстве наш государь царевич Алексей Петрович, тогда-де государь наш царь Петр Алексеевич убирайся и прочие с ним и смутится народ: он-де государь неправо поступил к нему, царевичу».³⁹

Не удивительно, что дело и гибель царевича произвели на современников удручающее впечатление: «Царь не прямой царь, а антихрист; приводил царевича в свое состояние и он его не послушал и за то его и убил». Например, гарнизонные офицеры «в дружеских беседах жалели о царевиче, даже плакали о нем. Они рассказывали: "Государь царевича запытал и в хомуте он умер за то, что он, царевич, богоискательный человек и не любил немецкой политики"».⁴⁰

Итак, царевич, судя по «непригожим речам», воспринимался насильственно пострадавшим от происков «царя-антихриста» с его слугами, и в первую очередь, конечно, от светлейшего князя: «На крестьянской сходке один мужичек, при всем мире, рассказал слышанное от проходящего, что "государь сковал Александра Меншикова, знатно де (т.е. верно), что

³⁷ Веретенников В.И. Указ. соч. С. 169.

³⁸ Семевский М.И. Указ. соч. С. 11.

³⁹ Есипов Г.В. Люди старого века ... С. 79.

⁴⁰ Есипов Г.В. Тяжелая память прошлого ... С. 86, 87, 90.

Меншиков царевича (Алексея Петровича) извел"». Неудивительно, что в системе традиционной иерархии ценностей фигура князя-«злодея» вызывала массовую ненависть. Например, крестьянин Семенов, считая Меншикова еретиком и осуждая все его поступки, прямо заявлял: «Где бы с ним сошелся, тут бы рогатиною заколол».⁴¹

Но в контексте народно-монархических убеждений «избавитель» не мог просто так взять и погибнуть окончательно. Его имманентной особенностью считалась способность к «чудесному избавлению» от происков врагов рода человеческого, а потому он должен обязательно избежать смерти. Затем «избавитель» должен скрыться от злодеев-изменников и дожидаться подходящего повода для возвращения. Самозванные царевичи под этим именем, отвечая на коллективные ожидания, порой принимали на себя роли и функции долгожданного царя-«избавителя». Любопытно, что в отношении их народная молва также приписывала царскому любимцу агрессивные намерения, «чему и до ныне служит доказательством сооруженный на площади местечка Почепа каменный столб, как памятник позорной казни тени Царевича, Алексея Петровича, нагло умерщвленного происками Князя Меншикова».⁴²

Кроме того, анализ «непригожих речей» о Петре I показывает, что в них мы встречаемся не с аксиологическим развенчанием монарха как политического института (насколько его понимали социальные низы) и не монархии как формы правления, идущей от бога, а личности конкретного правителя, действия которого действительно вызывали всенародное осуждение. Причем, что важно, образ Петра не подвергался десакрализации. Через осмысление его как антихриста сакральная оценка просто сдвигалась в сторону отрицательных значений шкалы ценностей вселенской иерархии. Но данное обстоятельство несколько не дезавуировало привычного традиционного миропонимания царя как ставленника божия на земле, напротив, органично вписывалось в него и готовило подходящие условия для зарождения и осуществления самозванческих интриг.

Воплотившая мечты многих простолюдинов и вождельная ими смерть Петра I в 1725 году, казалось, должна была привести к ослаблению эсхатологических эмоций, выраженных с такой нервной настойчивостью «непригожими речами» в первой четверти XVIII века. Однако в действительности этого не произошло. На почве апокалипсических настроений получили широкое распространение и популярность сочинения старообрядческих идеологов. Их критический запал совпадал с переживаемыми простонародьем ощущениями конца времен. Из них становилось ясным, что последним благочестивым царем был Михаил Федорович Романов, а

⁴¹ Он же. Люди старого века ... С. 88; Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 171.

⁴² Лашкевич С.И. Историческое замечание о смертной казни самозванца Александра Семикова, выдававшего себя за царевича Алексея Петровича // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). 1860. Кн. 1. С. 145.

хронологической гранью, отделявшей царей «истинных», «благочестивых» от государей-антихристов, является правление Алексея Михайловича. Расколоучители обстоятельно разработали теорию «расчлененного антихриста», основу которой составляло учение о Петре I-антихристе. Согласно этим представлениям, ряд императоров-антихристов с него только начинался, поэтому учение не теряло своей актуальности со смертью главного «героя».⁴³

Разговоры и размышления простолюдинов, зафиксированные «непригожими речами» в послепетровский период, незамедлительно отразили подобное восприятие действительности. Так, в 1755 году дворцовый крестьянин Макар Алексеев, находившийся под стражей в одном из монастырей, проповедовал другим колодникам: «Петр Первый был антихрист! ... был, да прошел, а теперь императрица Елисавета Петровна антихристова дочь, а когда воцарится Петр Федорович, то он будет второй антихрист, и царство его недолго будет!»⁴⁴

С течением времени подобные представления только усиливались, чему в немалой степени способствовал социально-психологический фон частых дворцовых переворотов, когда поочередно менявшие друг друга на троне монархи становились символами социального неблагополучия. Серьезное недовольство возникало из-за наступившего и затянувшегося «женского царства», которое как невиданное доселе явление вызвало у населения настоящий культурный шок. По мнению дореволюционного историка А.В. Арсеньева, «такой порядок был совершенно дик для русского мировоззрения, привыкшего к низменному, воспитанному "домостроем", взгляду на женщину. Владыкою над мужчинами русские никак не могли вообразить женщину, тем более не считали женщину способною к многотрудному и многодумному делу управления государством. Царь, по живым еще воспоминаниям народа ... представлял высший разум в государстве ... попечительного отца, обладающего широким и всеобъемлющим взглядом, – и вдруг баба занимает его священный престол, властвует над мужчинами! .. Это было дико для русского понятия, просто непереваримо».⁴⁵

Похожим образом рассуждает современный историк Е.В. Анисимов: «Проблема пола государя (государыни) в XVIII в. оказалась очень острой, - пишет он, - нужно помнить, что в послепетровскую эпоху более 70 лет на престоле сидели преимущественно женщины. Общественному сознанию того времени присуще противоречие: общество (в равной степени как мужчины, так и женщины), с одной стороны, весьма низко ставило

⁴³ Гурьянова Н.С. Монарх и общество: к вопросу о народном варианте монархизма // Старообрядчество в России (XVII–XX века). М., 1999. С. 137, 138; Гурьянова Н.С. Старообрядческие сочинения о Петре I – Антихристе // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 139.

⁴⁴ Арсеньев А.В. «Непристойные речи» ... С. 394–395.

⁴⁵ Там же, с. 68

женщину как существо нечестивое, неполноценное и недееспособное, но, с другой стороны, должно было официально поклоняться самодержице».⁴⁶

Однако молчать и раболепски преклоняться соглашались далеко не все. В такой запутанной ситуации общественное негодование как раз и нашло свое выражение в «вольных разговорах», «непристойных, воровских речах», хотя за них приходилось жестоко расплачиваться в Тайной канцелярии. Нет ничего удивительного, что именно в адрес женщин-правительниц обрушилась поистине разнузданная брань без каких-либо ограничений, выражавшая общее отрицательное отношение к присутствию представительниц слабого пола на троне. Они не воспринимались истинными помазанниками божьими, а потому к ним относились как к обычным, хотя и высокопоставленным, но вполне земным людям со всеми их человеческими слабостями, несовершенствами, страстями и пороками. Ничего подобного на протяжении всего столетия не говорилось по адресу правителей-мужчин.

Это было новым веянием для «непригожих речей», принципиально изменились характер и содержание произносимых «непристойных» слов, ставших, так сказать, более приземленными. Простонародье обвиняло царствующую даму в том, что она, будучи женщиной, вообще не имеет права занимать царский престол, а как таковые не способны были заниматься государственными делами. Они осуждались за чрезмерную склонность к разнообразным развлечениям и увеселениям в ущерб непосредственным интересам своих подданных. И, наконец, их упрекали за изрядное распутство и не прекращавшиеся любовные утехи со своими многочисленными фаворитами, когда греховные плотские наслаждения неизменно брали верх над заботами о чистоте и непорочности нетленной вечной души.

Предпосылки такого профанного восприятия государей женского пола закладывались уже в первой четверти XVIII столетия, ставшей своеобразной точкой отсчета для «повреждения нравов» в России. Видимо, они были связаны со сложными внутрисемейными отношениями между первым императором и женами (их у него было две. – Ю.О.), одну из которых он какое-то время рассматривал в качестве престолонаследницы, а также с его широко известной любвеобильностью, неоднократными нарушениями супружеской добропорядочности: «Как же он еще не был женат на императрице Екатерине Алексеевне, то же был превеликий блудник, - говорили современники, - а когда же женился, то же хотя и тому же женами на блуд и не дерзал. Однако же садомскому блуду был повинен. Вить он для того и в артикуле в десятой главе лехко о блудных делах написал, что же он сам виновен был. А за прочия же хотя малые вины то смерть положена. Да императрица же Екатерина Алексеевна же все знала... и она правда же хотя и любила своего супруга, однако же и другога

⁴⁶ Анисимов Е.В. Дыба и кнут ... С. 64.

любила камергера Монса, которому де за оное при тех случаях и голова отсечена. А ея де за это царь очень бил».⁴⁷

Впрочем, такие поступки Петра были вполне предсказуемыми, ожидаемыми и понятными. Поскольку он «царь-антихрист», то ему свойственно и вести себя вопреки культивируемым традициями общественным ценностям. Иначе говоря, в масштабе традиционной культуры анти-поведение имманентно ложному царю, оно никого не удивляло и получало адекватное социокультурное истолкование в «непригожих речах». Однако разрушение общественной нравственности, творимой «по наущению дьявольских сил», имело и свои долговременные последствия.

Падение нравов при дворе Петра I служило словно бы индульгенцией для распространения столь же свободных связей между мужчинами и женщинами по всей стране. Это не могло не вызывать осуждения со стороны ревнителей идеализируемой старины. Один из них старец Прозоровский так охарактеризовал порядки в недавно воздвигнутой Александро-Невской обители: «Видел ли ты здесь прядильный двор, на котором живут такие, что если вдова или девка родит ребенка и их на тот двор ссылают – и в день оне прядут, а к ночи старцы емлют их к себе в монастырь и живут с ними». Потому позже и негодовал его собеседник Василий Левин в адрес апологетов петровского царствования: «будет у вас по две жены и по три, как кто хочет жить».⁴⁸

Кроме того, уже в петровскую эпоху гендерная критика сосредоточивалась на вопросе о законности происхождения и прав предполагаемой женщины-правительницы, в данном случае – Екатерины I. Дьячок Василий Федоров рассказывал слушателям о том, как «по прибытии Его Императорского Величества в Москву, будет Государыне Императрице коронация, чего ради и корона Ея, Государыни, устроена». В ответ «злодей, Кобылин, говорил неудоб сказаемым словом скверно и непристойно: "Не подобает, де, монаху, так и ей на царстве быть; что, де, она не природная и не Руская, и ведаем мы, как она в полон взята, и приведена под знамя в одной рубахе, и отдана под караул, и караульной, де, наш офицер надел на нее кафтан"».⁴⁹

В этой связи интересна дошедшая до нас интерпретация в «непригожих речах» причин, по которым второй брак первого императора следовало считать незаконным. Она едва ли не буквально повторяет знаменитую легенду из «Повести временных лет» о состязании киевской княгини Ольги в хитрости с византийским императором. Напомним вкратце древний летописный сюжет: «Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И был тогда царь Константин, сын Льва, и пришла к нему Ольга, и, увидев, что она очень красивая лицом и разумна, подивился царь ее разуму, беседа с нею, и сказал ей: "Достойна ты царствовать с на-

⁴⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 998. Л. 12 об.–13.

⁴⁸ Есипов Г.В. Тяжелая память прошлого ... С. 104, 96.

⁴⁹ Доношение дьячка Василия Федорова ... С. 21.

ми в столице нашей". Она же, поразмыслив, ответила царю: "Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести меня сам – иначе не крещусь". И крестил ее царь с патриархом ... После крещения призвал ее царь и сказал ей: "Хочу взять тебя в жены". Она же ответила: "Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью? А у христиан не разрешается это – ты сам знаешь". И сказал ей царь: "Перехитрила ты меня, Ольга"». ⁵⁰

О чем-то очень похожем по смыслу, но без отсылки к тексту летописца, рассуждал бывший архимандрит Антониево-Сийского монастыря Александр, отказываясь признавать новый брак Петра I: «Еще же к сему и духовное сродство имать его царское величество с нею царицею: понеже во крещении ея царицы Екатерины Алексеевны крестною матерью была благородная государыня царевна и великая княжна Наталия Алексеевна. И ему царскому величеству по духовному сродству имать бытии царица Екатерина Алексеевна племянница, а духовное сродство во святой соборной и апостольской церкви Божией предпочитается паче плотскаго». ⁵¹

Надо заметить, что, с канонической точки зрения, правда была на стороне священнослужителя. Впрочем, в отличие от византийского василевса, нашего императора данное обстоятельство нисколько не смутило и не остановило. Зато немало озадачило религиозное сознание социальных низов, которые не могли примириться с таким откровенным надругательством над священными церковными таинствами и пророчили «непригожими речами» трагические для страны последствия. Невиданное никогда прежде «бабье царство» и могло восприниматься как ниспосланное свыше наказание господне.

В такой тревожащей массовую ментальность обстановке недовольство вызывал сам факт пребывания женщин у власти, не без оснований оспаривались их возможности и способности эффективно заниматься политикой. Уже воцарение Анны Ивановны вызвало неприязненную реакцию не только среди многих москвичей, но и по всей стране. В одном из дипломатических донесений прямо говорилось: «Народ с некоторого времени выражает неудовольствие». ⁵²

Многочисленные примеры доказывают справедливость мнений наблюдательных иностранцев. Так, в 1731 г. «по поводу восшествия на престол Анны Ивановны» крестьянин Тимофей Корнеев сказал: «Какая-де это радость, хорошо бы-де у нас быть какому-нибудь царишку, где-де ей, императрице столько знать, как мужской пол, ее-де бабье дело, она-де будет такая же ябедница, как наша прикащица, все-де будет воровать бояром, а сама-де что знает?» ⁵³

⁵⁰ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 166.

⁵¹ Есипов Г.В. Тяжелая память прошлого ... С. 17.

⁵² Молева Н.М. Тайная канцелярия Российской империи. М., 2007. С. 114.

⁵³ Анисимов Е.В. Дыба и кнут ... С. 64.

Оспаривая монаршие достоинства бывшей курляндской герцогини, солдат Новгородского полка Иван Седов в 1732 году заявил своим сослуживцам: «Да, милостива! ... только не знает, на кого свою милость изливает! .. На-ка! Мужичу серому дает деньги, а солдатам не дала! .. Разве это порядок? Разве можно мужика перед солдатом уважить? .. Она бы лучше эдакия деньги солдатам отдала! .. Эка милостивая! .. Я бы ее за эдакую милость камнем сверху убил бы!»⁵⁴

В последующем еще более возросло количество заведенных дел по «непригожим речам», раздавались непочтительные отзывы уже об императрице Елизавете Петровне, выраженные «в непристойных словах» и «неудобьсказуемых поношеньях». В 1747 г. некий крепостной был бит кнутом и сослан на каторгу за то, что, рассказывая об аресте Антона Ульриха, добавлял: «А нынешняя государыня не лучше его, она такая же дура».⁵⁵

Ведя спяна разговоры на политические темы, монах Ярославского Толгского монастыря Савватий в 1745 году также декларировал привычный для собеседников мужской шовинизм: «Бабы города не стоят николи! .. А ведь ныне государство баба держит! Баба не как человек!»⁵⁶

Даже жительница далекого сибирского города Кузнецка, Арина Леонтьева, сама не отличавшаяся строгостью моральных принципов, тем не менее, выказывала недоверие Елизавете: «Каких де от милостивой государыни, нашей сестры бляди, милостивых указов ждатель?» Публичные сомнения в административных способностях легкомысленной правительницы выразил своими «непристойными» словами и подпоручик И. Сечихин: «Какая она государыня, - говорил он, - она курва, блятка».⁵⁷

В соответствии со сложившейся традицией оспаривалась вообще обоснованность ее права занимать царский престол, «беззаконно Елисавета Петровна была императрица, потому что она и Анна Петровна будто до венца прижиты, а от Ивана Алексеевича Анна Ивановна была законная наследница от большого брата Петра Алексеевича, так извольте разсудить, куда подвергнет могущество своими такими пустым и злым умыслом».⁵⁸

О том же самом и в похожих выражениях говорили многие другие: «у государыни-де ума нет», мол «недостойно в нашем великороссийском государстве женскому полу на царстве сидеть», «она-де не природная и незаконная государыня, императора Петра Великого дочь» и т.п.⁵⁹

По верному мнению современных исследователей, «к середине века в столично-военной среде исчезает разница в положении "земного бога" и

⁵⁴ Арсеньев А.В. «Непристойные речи» ... С. 67.

⁵⁵ Анисимов Е.В. Дыба и кнут ... С. 65.

⁵⁶ Арсеньев А.В. «Непристойные речи» ... С. 69.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1408. Ч. 11. Л. 52, 8.

⁵⁸ Каратыгин П.П. Язык мой – враг мой (Три рассказа из следственных дел Тайной канцелярии) // Исторический вестник. 1897. Т. LXX. С. 201.

⁵⁹ Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны ... С. 527

"рабов" – императрица в глазах солдат и городской черни становится едва ли не "своей в доску"⁶⁰.

Соглашаясь с данным суждением, добавим, что речь должна идти не только о Елизавете, но и обо всех верховных правителях женского пола. В том смысле, что они в принципе воспринимались и осуждались населением как вполне земные люди, а не божественные ставленники – именно в таком понимании были «своими в доску». Неслучайно, жена одного отставного капрала во время семейного скандала провозгласила своеобразный манифест женской эмансипации: «И что касается и до императрицы, что царствует – так она такая же наша сестра набитая баба – а потому мы и держим теперь правую руку и над вами, дураками, всякую власть имеем!» А потом решительно добавила: «Теперь у нас на престоле баба сидит, и всем бабам оттого защита есть от вас».⁶¹

Несколько позже критические эскапады обрушились уже на Екатерину II, мало того, что женщину, немку по происхождению, да к тому же незаконно узурпировавшую верховную власть. В 1766 г. секунд-майор Александр Коробов, сравнивая ее с предшественницами, говорил, «что у императрицы Анны Иоанновны был греборь Бирон, а нынешняя какая правительница? У меня собака умнее ее, и она в Ростов и в Ярославль ездила не богу молиться, а блядовать».⁶²

Народное смятение в связи с происходящим принимало как устный, так и письменный вид: «Что ныне над народом российским сочиняетца иностранным царским правительством, хотят российскую землю разорить и привести в крайнюю нужду, однако, сколько потерпят, а Россию не разорят. Токмо не будет ли им самим разорения», – говорилось, например, в подметном письме, появившемся в июне 1764 г.⁶³

С другой стороны, полная безнадежность и даже безысходность ощущаются в словах крестьянина Дениса Семенова, отразивших распространённые среди социальных низов невеселые настроения: «Как наша государыня села на царство, так и погоды не стало: коли б ее колом в землю».⁶⁴

Общий характер событий лишь усиливал общий априорный скептицизм, причем основания для него давали сами царствующие дамы. Как отмечалось в научной литературе, духовная жизнь императрицы Анны Ивановны «была примитивна – забавы шутов, кривляния карлиц, болтовня дур, без умолку несших всякий вздор. Шуты были и при Петре Великом, но их жизнь при дворе преследовала, если так можно выразиться, хотя и грубые, но все же

⁶⁰ Курукин И.В., Никулина Е.А. Указ. соч. С. 440.

⁶¹ Арсеньев А.В. Старинные дела об оскорблении величества (Очерки из нравов XVIII века). 1701–1797 гг. // Исторический вестник. 1881. Т. 4. Апрель. С. 833, 834.

⁶² РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2047. Ч. 1. Л. 173 об.–174.

⁶³ Сивков К.В. Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. 1946. Т. 19. С. 67.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2047. Ч. 1. Л. 168 об.

нравоучительные цели: пользуясь правом безнаказанно отзываться о вельможах, шуты изобличали пороки: казнокрадство, мздоимство, глупость и т.д. ... Иными качествами обладали шуты Анны Иоанновны: их роль сводилась лишь к развлечению двора и прежде всего императрицы». ⁶⁵

Кроме того, известно, как по капризу Анны Ивановны для забавы себя и придворной знати посреди Невы был выстроен Ледяной дворец, особенности устройства которого не могли не повергнуть современников из числа низших слоев в суеверный ужас. Согласно описанию академика Г.В. Крафта, «у ворот стояли два делфина», которые с помощью специальных насосов «огонь от зажженной нефти из челюстей выбрасывали, что ночью приятную потеху представляло». Кроме того, «по правую сторону дома изображен был слон в надлежащей его величине, на котором сидел Персианин с чеканом в руке, а подле его еще два Персианина в обыкновенной человеческой величине стояли. Сей слон внутри был пуст, и так хитро зделан, что днем воду вышиною на 24 фута пускал, ... а ночью с великим удивлением всех зрителей горящую нефть выбрасывал. Сверх же того мог он как живой слон кричать, которой голос потаенной в нем человек трубою производил». ⁶⁶

Едва ли простолюдины с таким же восторгом воспринимали эти господские увеселения как приятную забаву. То, что становилось достаточно привычным и понятным для все более европеизировавшегося благородного сословия, на языке традиционной культуры семантически наполнялось кощунственными коннотациями и не могло не вызывать культурного отторжения у носителей мифологического сознания.

Точно также безудержно любимые другой императрицей – Елизаветой – красочные процессии, бесконечные балы и маскарады высшего света, их видимая «бесовская» форма травмировали народную психологию. Это были так сказать «паратеатральные представления», которые стремились органично вписаться в инновационное культурное пространство. Как замечательно выразился в этой связи историк Н.И. Павленко, «в угаре ежедневного веселья императрице не оставалось времени для управления государством». ⁶⁷

Вот как, например, согласно камер-фурьерскому журналу, «коронованная ветреница» Елизавета Петровна провела январь 1751 г.: «1 января – празднование Нового года; 2 – маскарад; 3 – в гостях у А.Б. Бутурлина; 5 – сочельник; 6 – водосвятие, французская трагедия «Алзир»; 7 – французская комедия «Жуор»; 8 – придворный маскарад; 9 – гуляние по улицам в карете, посещение П.С. Сумарокова; 13 – литургия, куртаг; 15 – придвор-

⁶⁵ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 103.

⁶⁶ Крафт Г.-В. Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санкт-Петербурге в январе месяце 1740 года Ледяного дома и всех находившихся в нем домовых вещей и уборов. СПб., 1741. С. 16, 20.

⁶⁷ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 168.

ный бал, новые танцы; 18 – публичный маскарад; 20 – куртаг, французская комедия; 22 – придворный маскарад; 24 – русская трагедия; 25 – французская комедия; 28-29 – участие в свадьбе придворных. Примерно таким же было времяпровождение царицы и в другие месяцы и годы». ⁶⁸

Не прекращавшиеся иллюминации, фейерверки, торжественные обеды и ужины с сотнями гостей стали характерными приметами той эпохи. Разумеется, развлечения царского двора приковывали к себе пристальное внимание лиц низкого происхождения, а затем через привычные для той эпохи каналы информации транслировались на всю страну. Благодаря этому, слухи о «святотатственных» увеселениях власть предержащих становились достоянием фольклорной культуры, активно обсуждались и решительно осуждались в обществе. Заметим, что подобная заряженность на праздные увеселения была характерна для всех женских «персон» на троне, что не могло не сказываться на падении их царского имиджа в глазах простонародья. Один «храбрый казак» высказался о бесконечных развлечениях Елизаветы в таком духе: «Вот-де государыня ездит, да гуляет, она б-де ездила в коллегии, да дела делала ... как ей на царстве сидеть? ... и что-де за нее Богу молить, хотя б ее и не было». ⁶⁹

Подобные настроения непосредственно соотносились с пророчествами популярного в средневековой Руси и позже эсхатологического апокрифа, приписываемого Мефодию Патарскому, прямо предрекавшего наступление на земле веселья перед концом света: «тогда всякое дело и будет радость и веселие и тишина велия». ⁷⁰

Населению оставалось только выискивать конкретные приметы грядущего апокалипсиса. Без внимания не осталась ни одна, даже самая интимная сторона жизни монархинь. Пристальный интерес наблюдательных современников к альковным тайнам царского двора вполне понятен и объясним. Дело в том, что с традиционной точки зрения у государей не могло быть личной жизни как таковой, подданные считали ее столь же государственным делом, как, например, внутреннюю или внешнюю политику. Причем истинные цари должны были постоянно являть всему миру образцы высшей добропорядочности и благочестия. Однако именно в этом смысле коронованные дамы все чаще оправдывали свою и без того незавидную репутацию. Их не без оснований подозревали во многих смертных пороках, наиболее распространенным среди которых был грех прелюбодеяния. Под огонь беспощадной критики попадали многочисленные лю-

⁶⁸ Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII в. ... С. 164. См. подробнее: Анисимов Е.В. Афродита у власти: Царствование Елизаветы Петровны. М., 2010.

⁶⁹ Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны ... С. 530.

⁷⁰ Сказание Мефодия, патриарха Царяграда о Адаме и о потопе, и о разделении язык, и о Михаиле царе, и о антихристе, и о втором пришествии христове, егда придет судити живым и мертвым // Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 2. С. 258.

бовники императриц, которым приписывали исключительно амурные достоинства и обвиняли их в том нескончаемом вреде, который они причиняли государству. При «женской персоне» фавориты становились едва ли не главными фигурами в государстве. Социально-психологические стереотипы народного монархизма позволяли прочесть эту ситуацию на привычном языке: всеми делами в России заправляют дворяне, из-за этого простым людям живется плохо.

Так, в 1742 году неплохо осведомленный капитан-поручик Преображенского полка Григорий Темиряев рассказывал о сердечных увлечениях «нынешней государыни» Елизаветы Петровны, начиная с «арапа ... Аврамка ..., которого де крестил государь ... Петр Великий, другова Антона Мануйлова ... третьяго де ездова а имени отчества и прозвища ево не сказал, четвертова Алексея Яковлевича Шубина, пятова де ныне любит Алексея Григорьевича Разумовского»; «Разумовский де сукин сын шкаляр местечка Казельца ныне де какой великой человек. А все де это ништо иное делает кроме того как одна любовь».⁷¹

Иное объяснение возвеличиванию фаворитов при Елизавете Петровне было дано в словах, которые один беглый солдат приписал своему поручику: «знаю-де я почему государыня Разумовских жалует, – мать-де их, ведьма кривая, обворожила высочайшую государыню, и она-де их потому жалует».⁷²

В 1750 г. Тайная канцелярия рассматривала дело экипаж-мейстера Александра Ляпунова, который недвусмысленно упрекал императрицу в предосудительных на его взгляд увлечениях: «Всемиловейшая де государыня живет с Алексеем Григорьевичем Разумовским; она де блять и всероссийской престол приняла, и клялася пред Богом, чтоб ей поступать вправде, а ныне возлюбила дьячков, и жаловала де их в лейбкомпанию в порутчики и в капитаны; а нас де дворян невзлюбила, и с нами де совету не предложила; и Алексея де Григорьевича надлежит повесить а государыню в ссылку сослать».⁷³

Вспомним, что у младших современников ее царствования И. Опочинина и И. Батюшкова также не вызвало никакого недоумения, сомнения или внутреннего протеста высказанное предположение о любовной интрижке Елизаветы Петровны с английским королем, якобы, инкогнито прибывшим в Россию. Видимо, ее реноме в общественных кругах вполне позволяло допускать такую возможность.

Еще одной причиной ненависти к влиятельным фаворитам была, не имевшая разумных границ, щедрость императриц, обременительная для казны и народа. По крайней мере, в том виде, как она переосмысливалась коллективным сознанием эпохи: «Вот-де как на строение каменной

⁷¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 998. Л. 12 об.

⁷² Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны ... С. 529.

⁷³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1401. Л. 1.

церкви, так жаль денег дать; а брату-де Разумовскому который-де поехал за море, не жаль было и сто тысяч дать. Да и те деньги уже он прожил, а ныне-де и еще требует».⁷⁴

Автор одного из упоминавшихся выше «пасквилей» аналогичным образом выражал негодование возвеличиванием уже не елизаветинских, а екатерининских вельмож, которые «правду всю изринули да и из России вон выгнали, да и слышать про нее не хотят, что российский народ осиротел, что дети малые без матерей осиротели», а потому требовал «графа Захара Чернышева в застенки и бить кнутом безо всякого милосердия, потом четвертовать и голову отрубить. Второго Алексея Разумовского таким же образом. Третьего Григория Орлова ... а государыню выслать в свою землю».⁷⁵

Не нравился граф Орлов и отставному гвардии поручику Ивану Васильевичу Еропкину, который неоднократно «когда пьяный, а когда и трезвый ... говаривал мне наедине про умысел на графа Григория Григорьевича Орлова, чтобы его, схватя, допросить», а потом «убить его, графа Орлова до смерти».⁷⁶

Недовольство населения усугублялось чувствами зависти и сожаления со стороны конкретных особ по поводу неиспользованных ими возможностей. Особенно характерными такие настроения были в гвардейской среде, которая в эпоху дворцовых переворотов привыкала вершить судьбы трона. Например, вскоре после возведения Екатерины II на престол, упустившие шанс «быть в случае» «человек восемь» гренадер, обсуждали свои претензии к новой императрице: «Пассеку, Баскакову – лафа; Орловы по горло золотом засыпаны, а нам шиши! Нет, врешь! Подавай нам, что следует». Они выражали убежденность, что «и на нашей улице будет праздник!». Иначе, - угрожал один из гренадеров, - «государыне живой не быть. Мне за то обещан кафтан».⁷⁷

Всякий раз на протяжении долгого «женского царствования», когда внутреннее брожение негативных страстей и эмоций достигало, так сказать, точки кипения, возникал вопрос об альтернативе правящей государыне. Однако, мысль об «истинном» царе – самозванце, несмотря на уже имевшийся в стране богатый опыт, появлялась отнюдь не сразу. Изначально интеллектуальная демаркация проходила по линии национального размежевания – иноземка/русская. Так, например, выражая недовольство немецким засильем, седой старик, отставной капитан Петр Михайлов сын Калачев виртуально беседовал с цесаревной Елизаветой: «Чего ради российский престол не приняли? .. Вся наша Россия разорилась, что со стороны владеют. Прикажи, государыня, мне, верному рабу твоему, идти в сенат

⁷⁴ Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны ... С. 535.

⁷⁵ Сивков К.В. Подпольная политическая литература ... С. 66, 67.

⁷⁶ Каратыгин П.П. Язык мой – враг мой ... Т. LXX. С. 203.

⁷⁷ Каратыгин П.П. Язык мой – враг мой (Три рассказа из следственных дел Тайной канцелярии) // Исторический вестник. 1897. Т. LXIX. С. 780, 779, 782.

и говорить: «Как так наследство сделано? чего ради государыня цесаревна отставлена от наследства? чья она дочь?» ... А то мы не знаем и сами, отколь пришли [те], что владеют нашим государством?» Впрочем, прошло совсем немного времени и с откровенных русофильских позиций стали осуждаться решения уже самой Елизаветы Петровны: «Приняла она к себе неверных, - ворчал, например, монах Савватий, - наследник у нея Петр (III) Федорович, сын герцога Голштинскаго и Анны Петровны, неверный, да и наследница (Екатерина (II), дочь герцога Ангальт-Цербстскаго), такая же неверная! .. Не могла она здесь в России людей выбрать».⁷⁸

Однако, чем дальше, тем чаще в качестве потенциальных конкурентов «бабьему царству» авторы «непригожих речей» стали называть имена правителей-мужчин. Причем, что показательно, их образ, осмысленный коллективным воображением социальных низов, год от года претерпевал положительные метаморфозы. Поэтому в естественные и неизбежные антиподы «самозванкам на троне» массовое сознание теперь выдвигало «подлинных» и «природных» государей. В середине – второй половине XVIII века он нередко отождествлялся с великим князем Петром Федоровичем, во время ожидаемого царствования которого «приклонятся все цари и орды». Уже мало кого останавливал, смущавший прежде факт, что «был он веры формазонской», но вполне искренне возмущало, будто «по той де формазонской вере написан был патрет ево, которой всемилостивейшая государыня приказала прострелить, отчего он и скончался».⁷⁹

Показательно, что еще в 1740–1750-е годы, т.е. задолго до воцарения, с ним уже связывались определенные надежды на исправление вселенской Кривды, выражалось серьезное беспокойство за его судьбу. Вспомним, что «избавитель» – это обязательно страдательная фигура. Неслучайно, крестьянин Данила Юдин рассказывал о намерении придворных «известить великого князя Петра Федоровича», т.к. «граф Александр Шувалов хочет погубить государя великого князя, о чем-де и письма есть!» Солдат Герасим Щедрин со столь же откровенным недоумением вопрошал: «Для чего-де не садится на царство великий князь Петр Федорович, и так все войско разбежалось от графов Шуваловых. Долго ль им войско разорять». Один дворовый человек был уверен, что «великий князь Петр Федорович на Разумовского сердит, что-де уже про того Разумовского и топор куплен, и хотел было-де государь и великий князь Петр Федорович того Разумовского шпагой заколоть, но только-де высочайшая государыня до того не допустила».⁸⁰

Не будем забывать и еще одного важного обстоятельства. С длительным «царством женщин» непосредственно ассоциировалась наступившая в стране политическая нестабильность, тяжело отражавшаяся не только во внутренней или внешней политике, но и в повседневной жизни российских

⁷⁸ Арсеньев А.В. «Непристойные речи» ... С. 379, 69.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2070. Л. 3.

⁸⁰ Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны ... С. 531, 529–530.

простолюдинов. Калейдоскоп «недостойных» и «ложных» (по мнению низов) правителей, тем более женского пола, порой с завидной быстротой менявших друг друга у подножия престола, породил крамольную мысль о необходимости и возможности оспаривания прав «незаконного» правителя: «Социальный протест в сочетании с консервативной оппозицией любым новшествам породил в народном сознании веру в появление "настоящего" царя, и существовавшие "наверху" правовая неразбериха и борьба за власть только способствовали материализации таких настроений», - отмечают современные исследователи дворцовых переворотов.⁸¹

Таким образом, на протяжении всего женского пребывания на престоле формировались, в том числе, в значительной мере через «непригожие речи», обусловленные конкретными обстоятельствами российской истории, но по-своему интерпретированными в восприятии социальных низов, весомые предпосылки для распространения в России феномена монархических самозванцев. Не должно вызывать удивления, что именно вторая половина XVIII столетия стала временем подлинного самозванческого бума, когда имя одного только Петра III самозванно присваивалось двадцать три раза.

§ 2. Реализация императивов народного монархизма российскими самозванцами XVIII столетия

Предшествующее изложение материала убеждает в том, что появление и действия российских монархических самозванцев не были простым и неконтролируемым выплеском деструктивных стихийных эмоций социальных низов, как это иногда считается, но во многих отношениях оказывались подготовленным по традиционному «сценарию» представлением. Его особенности и структура уже были систематизированы и обобщены в виде развернутой концептуальной схемы, своими корнями уходящей в культурную архаику прошлого. Требуется рассмотреть реализацию ее основных и наименее изученных компонентов на примере конкретных самозванческих интриг. При этом для нас сохраняет актуальность хрестоматийное сетование французского историка Л. Альфана: «Там, где молчат источники, нема и история».⁸²

Именно с такого рода затруднениями порой приходится сталкиваться при изучении российских самозванцев XVIII века, после которых не осталось хоть сколько-нибудь заметного комплекса источников. Нередко, хотя и не всегда, приходится довольствоваться фрагментарными и бессистемными сведениями. И тем не менее само изобилие самозванцев предос-

⁸¹ Волкова И.В., Курукин И.В. Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVII–XX вв. // Вопросы истории. 1995. № 5-6. С. 54.

⁸² Цит. по: Гуревич А.Я. Марк Блок и «Апология истории» // Блок М. Апология истории. М., 1986. С. 191.

твляет в руки историков в целом репрезентативный материал для верифицируемых констатаций и выводов.

Как справедливо отметил один из авторитетных современных историков, к началу XVIII столетия всем уже «казалось, что время самозванцев навсегда миновало», однако он «принес такое количество самозванцев, какого не знал предыдущий XVII век».⁸³

Их приблизительная, но значительная, численность уже была подсчитана в исторической науке и дополнительно уточнена в процессе выполнения нашей работы. Однако это не дает никаких оснований соглашаться с прозвучавшим в публикациях безапелляционным утверждением, будто российские самозванцы – «едва ли не природная особенность национального характера: лишь бы кого, только нынешних с плеч долой!»⁸⁴

Такой упрощенный подход был бы слишком примитивным объяснением одного из самых загадочных явлений отечественной истории. Предпринятый в предыдущих разделах работы анализ отдельных аспектов проблемы уже показал куда более сложный характер феномена монархических самозванцев в контексте эпохи ускоренной модернизации.

Отмечалось, что в народной памяти хранился некий «идеальный образ» «подлинного» государя, устанавливавший четкие параметры его воплощения самозванцами в реальной жизни, которым им надлежало следовать. Как мы помним, их появлению должны были предшествовать устойчивые слухи с монархической окраской. Значительное место в этой системе информационных коммуникаций занимали, конечно, «непригожие речи». Хотя формат и структура слухов могли быть также и иными, но неизменно комплиментарными по отношению к ожидаемому «царю»/«царевичу». Единицей психологических трансакций в этих случаях становилась актуальная формула: «мы ждем – он должен явиться». Поэтому широкое распространение слухов провоцировало поведенческую активность самозванцев, принимавшую чаще всего приспособленческий характер. Так, в 1737 году «богоизбранный правитель» – незаконный сын мелкого польского шляхтича, работный человек Иван Миницкий долго думал, «как бы ему явитца», и решил отождествить себя с царевичем Алексеем Петровичем только под влиянием молвы, «что царевич не умер, а бежал из дворца и бродит по стране».⁸⁵

Мало что изменилось в коллективной ментальности и почти три десятилетия спустя, когда в 1765 году самозванный «третий император» – беглый солдат Брянского пехотного полка Петр Чернышев также воспользовался соответствующими массовыми слухами. На допросе он показал, что «важное название выговорил без всякого намерения, а единственно

⁸³ Анисимов Е.В. Дыба и кнут ... С. 43.

⁸⁴ Васецкий Н.А. Самозванцы как явление русской жизни // Наука в России. 1995. № 3. С. 59.

⁸⁵ Усенко О.Г. Иван испугавший Анну: Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I // Родина. 2008. № 11. С. 56.

потому, что в разные времена, будучи в кабаках и шинках, между незнакомыми людьми слышал в разговорах о бывшем императоре; говорили разное: иной, что он действительно преставился, а иной, что еще жив».⁸⁶

Изредка распространение слухов намеренно или одним лишь фактом своего появления стимулировали сами самозванцы. В этом случае захватывающее воображение социальных низов пересуды особенно стремительно набирали силу, когда в каком-либо локализованном сообществе и без того зрел внутренний конфликт. Так, например, случилось в 1772 году с беглым крестьянином Федотом Богомоловым, оказавшимся среди волжских казаков, у которых начинались довольно серьезные трения со своим командованием. Будучи «безмерно пьян», как он оправдывался на следствии, самозванец вдруг «объявил себя императором Петром III. Слух этот быстро распространился между казаками, и многие приходили посмотреть на "объявившагося"». Причем, несмотря на то, что «царствовать» ему довелось недолго, количество уверовавших в его подлинность людей разного чина и звания до поры до времени постоянно увеличивалось.⁸⁷

Бывало, что активные слухи возникали только после ареста самозванца как ментальный отклик на утрату им свободы. Подобное, например, произошло в 1723 г. с единственным известным у Петра I «царским братом» – предположительно бродячим работником по найму Михаилом Алексеевым. Уже вслед за взятием его под стражу многие с надеждой, но и тревогой одновременно, заговорили, что «де явился во Пскове некакой человек и называетца Его Императорскому Величеству братом, и держат де ево под караулом». Другие дополняли важную информацию новыми сведениями: «Во Пскове де называетца Его Императорского Величества братом, а жив де и царевич Алексей Петрович», ныне «явился Его Императорского Величества брат и не по многом де времени явитца и царевич Алексей Петрович».⁸⁸

Вне зависимости от успеха или неудачи любого очередного монархического самозванца, о нем, скорее всего, становилось известно как минимум в близлежащих местностях, а оттуда характерные слухи разбредались далее по стране вместе с их носителями. Поэтому многие простолюдины, являясь притесняемыми сторонниками «древлего благочестия», недовольными государственным вмешательством казаками, однодворцами, крепостными крестьянами или кем-либо еще из числа рядового населения были склонны сочувственно прислушиваться к разговорам и принимать в них деятельное участие. Их сюжетная канва, перетолкованная через множество повторений, не-

⁸⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения в 18 книгах. М., 1994. Кн. 14. С. 126–127.

⁸⁷ Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники: эпизод из истории царствования Императрицы Екатерины II. СПб., 1884. Т. 1. С. 107.

⁸⁸ Усенко О.Г. Когда бродяга вровень гренадеру ...: Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I // Родина. 2007. № 9. С. 44.

редко обрастала новыми, еще более легендарными подробностями и «бралась на вооружение» очередными искателями царского имени или звания.

Такая психологически напряженная ситуация в 1778 г., когда в Поволжье еще свежи были воспоминания о Пугачевщине, обусловила действия отставного донского казака Максима Ханина. Выступив в роли Петра III, он «сначала открылся немногим доверенным лицам, которых развезли тайну по соседним селам; потом сам лично ездил по русским поселениям и разжигал народные страсти, таинственно и как бы против воли открывая свое происхождение». Брошенное «в народ опасное семя», «всходило скоро, потому что падало, относительно, на благоприятную почву. Давно знакомый магический шопот: "жив батюшка государь Петр Федорович", ходил по народу, передаваясь из уст в уста, с уха на ухо, и обещал недоброе».⁸⁹

Каузальная зависимость между монархическими слухами и появлением перед жителями какой-либо местности очередного претендента на венценосное имя и/или статус непременно играла катализирующую и легитимирующую роль на протяжении всего XVIII столетия. Помимо названных имен, можно вспомнить таких самозванцев, как Петр Китаев, Девора («царевна Наталья Алексеевна», т.е. «сестра императора Петра I»), Евстифей Артемьев, Александр Семиков и многих, многих других. Характерной для развития отчаянных авантюр становилась ситуация, обозначенная строками одного из следственных дел, – «слух о самозванце распространился ... народ зашумел и взволновался».

Итак, среди жителей той или иной области, как правило, на окраинах страны, наконец, объявлялся долгожданный «царь», и подобное на протяжении столетия случалось несколько десятков раз. Встретившись с таким «незнаемым» человеком, очевидцы появления самозванца едва ли не первым делом обращали внимание на его внешний вид, как он выглядел и во что был одет. И это, конечно, не было случайностью: «Материальность знака, Я и Другой как Тело и Тела, всеобщее и частное в телесном обличье здесь залегают в народной культуре, крестьянской картине мира».⁹⁰

У него должна была быть «говорящая» сама за себя внешность, а «узнавание» происходить в знакомой обеим сторонам системе признаков координат, которые были укоренены в мифологической традиции, номинировавшей тождество культурного знака (вида) и заложенной в нем сущности. В масштабе этих ассоциативных констант, «попадая на новое место, объект может утрачивать связь со своим предшествующим состоянием и становиться другим объектом (в некоторых случаях этому может соответствовать и перемена имени)».⁹¹

⁸⁹ Мордовцев Д.Л. Самозванцы и понизовская вольница. СПб., 1901. С. 146–147, 149.

⁹⁰ Злыднева Н.В. Введение // Телесный код в славянских культурах. М., 2005. С. 3.

⁹¹ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 439.

К сожалению, приходится признать, что соматическая познавательная «призма», несмотря на свою очевидную значимость, еще не нашла полноценного применения в практике научных исследований российских монархических самозванцев, особенно, на материалах XVIII века. В тоже время для нас выглядит несомненным, «что в семантическом контексте любой эпохи тело человека семиотизируется и становится носителем определенной культурной информации. Именно оно задает параметры изначального измерения пространства и времени, различные базовые архетипические оппозиции. Тело в целом и отдельные его части могут рассматриваться как первичная основа концептуализации мира. Это знаковая система, причем более древняя, чем язык, обладающая многоуровневым символическим содержанием. Следовательно, тело человека, существующего внутри культурного локуса, приобретает вполне определенную аксиологическую нагрузку».⁹²

Неудивительно, что в XVIII веке мы неоднократно сталкиваемся с обсуждением «телесности» между простолюдинами, которым предстояло решать экзистенциальный для себя вопрос веры или недоверия появившемуся самозванцу. Влияние данного фактора на характер своих размышлений испытывали и сами лжегосудари. Так, на заре столетия «брат царя Алексея Михайловича» солдат Григорий Михайлов, посетив Свято-Троицкий Болдин мужской монастырь и пообщавшись с его обитателями, пришел к выводу, будто священнослужители опознали его высокую ипостась именно по внешнему виду. Он вспоминал об этом: «И зашел в Дорогобужской уезд в Болдин монастырь помолитца. И увидя ево, того монастыря казначей старец Афонасей назвал ево князь Иваном: "Здорово де, князь Иван!". А для чего так ево назвал, не знает. И он, чая, что он и вправду князь Иван, стал себя называть Иваном, потому что ему то имя полюбилос».⁹³

Очевидно, что «телесный код» мог эффективно раскрываться в массовом восприятии только тогда, когда у самозванцев имелись в наличии какие-нибудь явные физические отклонения или дефекты, однако чаще всего их внешность была не примечательно будничной. Чем, например, особенным в 1712 г. мог прельстить нижегородских крестьян мнимый царевич Алексей Петрович – рейтарский сын Андрей Крекшин, который, по отзывам свидетелей, «выглядел бедняком: все тот же выпрошенный старый кафтан, поверх него – столь же ветхая баранья шуба, на ногах – лапти». Статью он был «де не больно низок, в плечах широк, плоск лицом де и волосом бел». В целом собирательный портрет получился такой: «рост средний или чуть ниже среднего; плечи широкие; во-

⁹² Мауль В.Я. Лжедмитрий I: телесный код как культурный маркер самозванца // Мининские чтения: Сб. научн. трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Нижний Новгород, 2011. С. 20–21.

⁹³ Усенко О.Г. Царский братец из Лефортова полка: Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I // Родина. 2007. № 3. С. 55.

лосы светло-русые, "острижены по-крестьянски"; лицо плоское, без усов и бороды, кожа светлая».⁹⁴

Понятно, что перед нами скудные сведения из официальных документов, составители которых знали, но не принимали семиотическую логику народной мифологии, а потому ждать от них семантически выраженных соматических акцентов не приходится. Перед историком возникают определенного рода трудности: он не знает, настолько же профанной, как и следователям, казалась внешность этого самозванца тем, кому он разглашал о себе, или же нет, что, впрочем, совершенно не исключено.

Ясно, что еще за каких-нибудь сто лет до того, например, безбородость явленного «царевича» могла бы шокировать наблюдавших его современников, провоцируя эсхатологические соображения о пришедших в мир слугах антихристовых. Теперь же, в петровскую эпоху и после нее, начали формироваться новые каноны высочайшего имиджа, в которых неуместным было бы как раз наличие бороды у «объявленного» наследника престола. Так что отсутствие волосяного покрова на лице сейчас едва ли кого могло смутить и даже наоборот. Но вот сам достаточно простецкий вид самозванца не внушал никакого доверия и только разочаровывал. Потому в ответ на монархические притязания А. Крекшина крестьяне Анисим и Федор, в чьем доме он одно время жил, с сомнением отозвались о нем: «а ты де и в персонь ево нимало не приличен; знатно де, ты – бродящей человек; ходя, пьянствуеш».⁹⁵

Противоречие между должным и сущим в оценке телесных черт любого самозванца, как правило, порождало у людей скептическое к нему отношение. Нечто подобное поначалу произошло в 1732 году с кормившимся милостыней бродягой Тимофеем Тружеником – еще одним «царевичем Алексеем Петровичем». Его внешний вид (был приземист и черноволос, одевался по-крестьянски и носил бороду), похоже, совсем не впечатлил крестьян Тамбовского уезда, долго не хотевших верить, что он – царский сын, «между ними нашлись скептики, которые готовы были принять его за сумасшедшаго или плута».⁹⁶

Самозванец вынужден был неумело, но с завидной настойчивостью оправдываться: «Я де, хотя на вид мужик и руки де и ноги и волосы мужичьи, да не мужичей де я сын и не мужик буду. От орла де орел, а от галки галка родитца, а от мужика де мужик будет и до веку скончается мужиком. А я де – не мужик и не мужичей сын, да не мужик де буду».⁹⁷

⁹⁴ Он же. Петровская родня из Нижнего: Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I // Родина. 2007. № 7. С. 63. См. подробнее: РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 788. Л. 1–100.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 788. Л. 25–25 об.

⁹⁶ Щебальский П.К. Начало и характер Пугачевщины. М., 1865. С. 47.

⁹⁷ Усенко О.Г. Три царевича Алексея: Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I // Родина. 2007. № 11. С. 121; См. также: Троицкий С.М. Самозванцы в России XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 141.

Однако потребовалось предъявить иные, более весомые с точки зрения народной мифологии аргументы, чтобы возникавшие сомнения все-таки ушли прочь.

В ряде случаев присутствовавшие при объявлении самозванца люди, руководствуясь житейским опытом, пытались вполне прагматично на глаз прикинуть его «портретное» сходство с тем, кем он себя называл. Поэтому особую значимость имели подтверждения со стороны авторитетных свидетелей, видевших (или якобы видевших) настоящего царя/царевича в предшествовавший период его жизни.

Например, в 1765 г. при появлении в Воронежской губернии «императора Петра III» (бывшего однодворца, беглого солдата ланд-милиции Гаврилы Кремнева) местный священник Лев Евдокимов стал рассказывать «всем своим прихожанам, что когда он был еще в Петербурге дворцовым певчим, то знавал императора маленького и нашивал его на руках. Уверениям священника из прихожан поддались до того, что стали приходиться к Кремневу, целовали у него руки и ноги и называли его императором. Первыми поддались уверениям Евдокимова однодворец села Новосолдатского Осип Федюнин, дьякон того же села Максим Игнатьев и дьякон Василий Федоров, случайно приехавший в село на то время, когда уже около избы Кремнева стояла толпа доверчиваго народа».⁹⁸

Точно также авантюристка Марья Тюменева (якобы, двоюродная сестра Петра III) в 1787 г. сумела убедить встретившегося на пути ее странствий некоего «прапорщика Ивана Колычева» (Василия Бунина) в его «императорском» достоинстве. Она утверждала, что «его почитают по сходству лица весьма важно и что уже и партрет с его снят». По крайней мере, два посторонних человека – монахиня Пиора и отставной капитан П. Спиридонов – ей точно поверили, а потому целовали самозванцу руку и «делали ему почтение».⁹⁹

Показательна в этом смысле приключившаяся в 1772 г. история Ф. Богомолова, который перед волжскими казаками выдавал себя за Петра III. После его «откровений» у казаков начались многолюдные «сходки и совещания, поднялись вопросы: похож он или непохож на бывшего императора? На одной из этих сходок казаки Марусенок и Лучинкин рассуждали, что "хотя сей признаваемый от бывшего и отменен, однакож, может стать, он, как много лет уже тому минуло, то переменился". Это замечание имело решающее значение для Спиридона Долотина, и он, признав в Богомолове действительного императора, поселился с ним в одной избе», став преданным сторонником из немалой когорты ближайшего окружения самозванца.¹⁰⁰

⁹⁸ Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1900. С. 448.

⁹⁹ Усенко О. Г. Гендерный аспект монархического самозванчества в России XVII–XVIII вв. // Гендерная теория и историческое знание. Сыктывкар, 2005. С. 246.

¹⁰⁰ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 107.

Иногда развитие событий меняло местами причину и следствие, когда само обнаружение кем-то из присутствующих в его внешности черт «сходства» с ожидаемым надежей-государем побуждало самозванца сделать решающий шаг. Так, в 1731 г. один из них на допросе признавался, что «жил у... жонки Марьи, и к той Марье приходил расколщик Алексей Трофимов, которой в оном же 731-м году в Филипов пост умре, и в разговорах де говорил ему ... что де он, Холщевников, лицом похож на царевича Алексея Петровича. И с того де времени он, Холщевников, царевичем Алексеем Петровичем и назывался».¹⁰¹

Весьма похожая история произошла с одной из немногих известных женщин-самозванок Авдотьей (Евдокией) Заварзиной из семьи однодворцев, которая в 1768 г. стала именоваться «государыней» (предположительно, Екатериной II). Доказывая свои сакральные претензии, она объяснила: «ей де, Евдокеи, нынешнюю осенью, что будто на ее персону делаютца деньги рублевики, сказывала незнаемо какая жонка», потому она «Государынею и стала называтца. А что образ Праскевы Великомученицы писан сь ее лица, и то ей сказывал стретившейся Белагорода в Жилой слободе незнаемо ж какой моляр».¹⁰²

Какие значительные последствия для всей затеи могло иметь «опознание» самозванца знающими людьми, наглядно также показала судьба П. Чернышева. За императора Петра Федоровича он впервые выдал себя еще в 1765 г. в Купянской слободе Изюмского уезда. Будучи за это наказан ссылкой в Нерчинск «в тяжкую работу вечно», он и там продолжал разглашать о себе. И вдруг, среди узников нашлись такие, кто «узнал» его высокую персону. «Один ссыльный, Иван Карпов, рассказывал, что, в бытность его в услужении у грузинского царевича Георгия в Москве, Петра III видал и что секретный арестант, Петр Чернышев, имеет с ним поразительное сходство. Другой приписной из ссыльных, Кузьма Фирсов, уверял, что он действительно Петра III видал в Петербурге, в 1763 году, в тайной канцелярии, и что Чернышев "на лицо таков же, как и император"». Примечательно, что успех «рассказов превзошел всякия ожидания: не только поверили все на заводе, но и из дальних мест стали приходять крестьяне взглянуть на царя».¹⁰³

Идея «похожести» с «третьим императором» Петром Федоровичем любопытным образом сыграла роль катализатора в самозванческой интриге Максима Ханина, облик которого с точки зрения культурных кодов эпохи был куда как более колоритен, чем у многих других: «Детина лет 40, "не высок собой, но коренаст", с смуглым цветом лица, длинным "продолговатым" носом и темными волосами на голове и бороде».¹⁰⁴

¹⁰¹ Усенко О.Г. Три царевича Алексея ... С. 119.

¹⁰² Усенко О.Г. Гендерный аспект ... С. 244.

¹⁰³ Максимов С.В. Указ. соч. С. 450, 386.

¹⁰⁴ Юдин П.Л. К истории Пугачевщины // Русский архив. 1896. Кн. II. № 6. С. 179. Можно сравнить с описанием внешности Е.И. Пугачева, которое мы приводим в следующем параграфе.

Однажды в разговоре с бывшим пугачевцем Алексеем Оружейниковым он полюбопытствовал о внешности повстанческого «государя»: «Каков он был собою? - спросил его Ханин, который, хотя и находился [сам] под знаменами Пугачева, однако, надо думать, не видал в лицо самозванца. Тогда Оружейников, взглянув на него, сказал: - Таков, как ты. Эти слова запали в душу Ханину, и он решился на смелый поступок ... идти по следам Пугачева, и пошел по ним обдуманно».¹⁰⁵

Мыслящему амбивалентными образами сознанию простолюдинов здесь, по крайней мере, было где «развернуться», по поводу, например, смуглого лица самозванца. Дело в том, что в традиционной «картине мира» цвет «наряду с денотативной обладал символической функцией, т.е. "работал" не только или даже не столько в онтологическом, сколько в метафорическом регистре», а потому многие цвета воспринимались ассоциативно, вызывая разнообразные религиозные или социальные проекции. Темный цвет кожи и глаз в мифологической традиции считался одной из устойчивых характеристик колдунов. Так, например, в народном воображении цыгане были «связаны с нечистой силой» в том числе из-за черных волос и смуглого (темного) цвета лица.¹⁰⁶

Выдающихся «достоинств» нос и наличие бороды, также имевших символическое значение в народной культуре¹⁰⁷, только усугубляли изначальные подозрения уральских казаков, к которым самозванец под фамилией Жупанов попытался войти в доверие. Они не без опаски предложили ему со спутниками остаться у них, «"имея в мыслях", в течение этого времени узнать, что это за люди, не злодеи ли какие-нибудь, дабы потом заявить начальству». «"Вот еще напасть то!" думали казаки, "как бы беды с ним не нажить". Но они ничего ему не сказали на это, "держали в мыслях", как бы при случае спровадить его».¹⁰⁸

Впрочем, казус М. Ханина – скорее исключение из общего правила семантических интерпретаций телесности объявлявших о себе самозванцев в коллективном сознании. Обычно же внешность этих ложных претендентов на корону была вполне заурядной и никаких усиленных умственных рефлексий от окружавших не требовала. Неслучайно, в сохранившихся источниках упоминания подробностей физического облика самозванцев, как правило, лапидарны или отсутствуют вовсе, если речь, конечно, не шла

¹⁰⁵ Мордовцев Д.Л. Указ. соч. С. 146–147.

¹⁰⁶ Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002. С. 246, 244; Белова О.В. «Другие» и «чужие»: представления об этнических соседях в славянской народной культуре // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 73.

¹⁰⁷ См., напр.: Кабакова Г.И. Нос // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 436–437; Левкиевская Е.Е. Борода предорогая... // Категории и концепты славянской культуры. Труды отдела истории культуры. М., 2007. С. 105–119; Успенский Б.А. *Historia sub specie semioticae* // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 78.

¹⁰⁸ Юдин П.Л. Указ. соч. С. 179.

о «кривом глазе» или тому подобных отклонениях от нормы. Иначе говоря, вместо того, чтобы отличаться благородностью осанки, как должно было быть у «подлинного» государя, внешний вид большинства самозванцев разочаровывал и не убеждал с точки зрения их сакральных претензий.

В XVIII веке, в отличие от предшествующего столетия, монархическая мифология особо акцентируется не просто на каких-то телесных аномалиях самозванцев, но на наличии у них специальных «царских знаков», сообщениями о которых буквально пестрят судебные протоколы. «По своей инициативе или по настоянию окружающих такие "знаки", - как выяснил О.Г. Усенко, - показывали Колченко, Кремнев, Богомоллов, Мосякин, Пугачев, Попович».¹⁰⁹

Данный вывод историка опирается на анализ самозванческих интриг, укладываемых в достаточно ограниченный временной промежуток между 1762 и 1800 гг. Количество подобных «демонстраций» существенно возрастет, если включить в этот поведенческий реестр монархических самозванцев первой половины – середины XVIII столетия: «и в тридцатых, и в семидесятых упоминается о знаках на теле, которые должны были служить приметам царского происхождения ... Весьма вероятно, что еслибы мы имели такие же подробности относительно прочих самозванцев XVIII века, то могли бы провести наше сближение и далее», - писал историк П.К. Щебальский в 1865 г. Добытые с тех пор новые сведения только подтвердили правоту дореволюционного ученого.¹¹⁰

По обоснованному мнению английской исследовательницы М. Перри, символы «царских знаков» российских самозванцев можно распределить по четырем категориям: государственные, религиозные (христианские), небесные и письменные. Причем, они «часто отражают символы официальной государственной геральдики и эмблематики (орел, герб), а иногда свидетельствуют о народных представлениях о царской власти как о христианской монархии (крест). Небесные символы (месяц, звезды) представляют собой традиционные фольклорные знаки (отметины на теле сказочного героя). Эти знаки, в отдельности или в сочетании, показывают всю сложность народной репрезентации власти». М. Перри справедливо отметила, что тему «царских знаков» «продуктивно исследовать в сравнительном контексте других европейских монархий», где также существовали поверья о телесных отметинах высоких лиц. Правда, «в Западной Европе верования о королевских знаках связаны не с самозванцами, а с героями рыцарских романов и с настоящими (правлящими) монархами. В России, однако, мотив царских знаков относится исключительно к самозванцам, а не к правящим самодержцам».¹¹¹

¹⁰⁹ Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России ... С. 340.

¹¹⁰ Щебальский П.К. Указ. соч. С. 48.

¹¹¹ Перри М. Символика «царских знаков» российских самозванцев XVII–XVIII веков // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. М., 2009. С. 123–125.

Примеров предъявления различными российскими лжемонархами и их «родственниками» «царских знаков» на теле, как уже отмечалось, было достаточно много на всем протяжении XVIII века. Едва ли не каждая известная самозванческая авантюра сохранила какие-либо сведения подобного рода. Так, в 1732 году, один из сторонников мнимого Петра Петровича (беглого драгуна Лариона Стародубцева) по фамилии Бочаров, вызывая благоговейный отклик со стороны слушателей, говорил бурлакам: «Вот подлинный царевич ... На груди у него звезда и на спине месяц, и был в Москве на царстве, и на царство посажен двенадцати лет».¹¹²

Действовавший с ними в сговоре «старший брат царевич Алексей Петрович» (Т. Труженик), также не без успеха использовал для убеждения своих «верных рабов» аналогичные аргументы: «я де орел, орлов сын, мне де орлу и быть, я де царевич Алексей Петрович, и есть де у меня на спине крест и на лядвее родимая шпага».¹¹³

Важно подчеркнуть, что в традиционной ментальности представления о сакральном значении «царских» отметин были характерны не только для потенциальной «группы поддержки», но и для самих самозванцев, которые обнаружив их на своем теле, «и памятуя о том, что народ ждет "царя-избавителя" под именем, к примеру, Петра III», неминуемо начнут «идентифицировать себя не просто как царя, но как "императора Петра III"».¹¹⁴

Имеются нередкие свидетельства доказывающие справедливость данного утверждения. В 1722 г. самозванец Алексей Родионов («царевич Алексей») был подвергнут осмотру на предмет наличия у него на теле следов побоев, но «в его воспаленном мозгу этот осмотр предстал иначе – как доказательство его монаршего происхождения. Он поведал на следствии, что солдаты, "сняв с него рубашку и портки, ево осматривали, нет ли на нем пятен. И осмотрели на руках пятна, и говорили, что де на руках у него печать и крест государева, чтоб он явился по вся месяцы на Вологде воеводе в канцелярии, и как ево спросят, чтоб был готов; и назвали ево царевичем Алексеем Петровичем – то де у него на руках пуп Земли, болши де ево, Алексея, на свете нет ... И царевичем назывался он по вышеписанным салдацким словам"».¹¹⁵

Во второй половине 1730-х годов подобный же казус произошел с очередным «царевичем Алексеем» – Иваном Миницким, «забывшим природную свою подлость». В доказательство монаршего происхождения он сослался на слова иеромонаха Иоакима, якобы, сказанные ему в бане:

¹¹² Есипов Г.В. Люди старого века. С. 434.

¹¹³ Там же, с. 422. См. также: Троицкий С.М. Указ. соч. С. 140; Усенко О.Г. Три царевича Алексея ... С. 121.

Лядвея – верхняя часть ноги до колена, бедро (Словарь русского языка XVIII века. Вып. 12 (Льстец – Молвотворство). СПб., 2001. С. 38).

¹¹⁴ Усенко О.Г. Самозванчество на Руси: норма или патология? // Родина. 1995. № 2. С. 70.

¹¹⁵ Он же. Когда бродяга вровень гренадеру ... С. 43.

«Поопасись, каже, ты – на спине де твоей имеетца знак креста, и для того де не ходи з другими в баню, что, увидя де то, возмут тебя в приказ». Примечательно, что, узнав об этом, следователи действительно сочли необходимым осмотреть спину Миницкого, но на ней «никакова знаку не явилось». На что тот объяснил, «что сам он заподлинно о показанном знаке не утверждает, а уверяется де в том токмо на словах... Иоакинфа».¹¹⁶

Характерно, что сведения о «царских знаках» у того или иного самозванца немедленно распространялись среди жителей округи и возбуждали их самые смелые надежды. Так, в частности, случилось с А. Крекшиным, когда о его мифической ипостаси узнали «деревни Борцова крестьяня мужеска и женска полу многие». Тотчас же пошли слухи, будто он «показывал им, крестьяном, на себе знак, и сказывал: тот де знак на нем начертан, как он родился». Поскольку самозванец на следствии отрицал, что говорил кому-либо о таких отметилах на своем теле, и в реальности никто их у него не видел, можно предположить, вслед за О.Г. Усенко, что «эта деталь попала в молву без участия самозванца – из фольклорных представлений о "подлинном государе"», что, однако, следует признать показательным фактом самим по себе.¹¹⁷

Одним словом, воздействие фактора «царских знаков» на убеждения возможных сторонников и самих самозванцев – характерная черта всего XVIII столетия, но особенно регулярно, насколько позволяют судить материалы, они «обнаруживались» у самозванных Петров III. Например, посетившие в Царицыне взятого под стражу Ф. Богомолова, донские казаки не единожды лично убедились в их наличии. Так, станичный писарь Степан Певчий (Певцов) наблюдал у него на груди «беловатаго вида крест». Более того, колодник сообщил ему и другим: «Как на грудях видишь, так на лбу и на плечах есть у меня». После такого «освидетельствования» «Певчий был окончательно убежден и не сомневался более в том, что колодник истинный государь Петр Федорович». Другой сподвижник «Петра III» священник Григорьев в разговоре с караульными солдатами настаивал: «Особливые знаки на нем неспроста, ... а надлежит всему говоренному верить, что он государь».¹¹⁸

Несколькими годами ранее самозванец Г. Кремнев утверждал, «что мысль назваться императором Петром Федоровичем подал ему поп Лев Евдокимов». По словам Г. Кремнева, после его признания священнику, «что он капитан», тот, «посмотрев на его босую ногу, сказал: "Хорош де капитан! Ты де государь Петр Федорович, я де тебя знал и на руках нашивал, я вижу у тебя на ноге крест"».¹¹⁹

¹¹⁶ Усенко О.Г. Иван испугавший Анну ... С. 55.

¹¹⁷ См. подробнее: РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 788. Л. 1–100; Усенко О.Г. Петровская родня из Нижнего ... С. 63.

¹¹⁸ Мордовцев Д.Л. Указ. соч. С. 46; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 120, 123.

¹¹⁹ Сивков К.В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 104.

Во всех рассмотренных выше и подобных примерах в действиях самозванцев и их сторонников можно, в принципе, усматривать, возникшую в благоприятных условиях искреннюю и бесхитростную ответную реакцию на установленные культурной матрицей поведенческие императивы, архетипически запечатленные в их коллективной памяти. Тем не менее, возводить эти типовые ситуации в ранг тотальных примеров не приходится, ибо того же самого нельзя сказать обо всех самозванцах XVIII века без исключения. Среди них изредка попадались и вполне маргинальные личности, пытавшиеся совершенно сознательно с разными для себя и окружающих последствиями эксплуатировать народно-монархические настроения. В этих случаях, видимо, приходится предполагать зарождение у них ростков уже обмирщенного рационально-критического мышления в сочетании с авантюрным складом ума, в отличие от господствовавшей в тогдашнем сознании религиозной эмоционально-образной «картины мира», присущей обычному простолыдину традиционной эпохи.

Так произошло, например, с еще одним известным «Петром III» – тамбовским дворцовым крестьянином Иовом Мосякиным, объявившим о себе в 1774 г. в селе Подвигаловка Шацкого уезда.

На первый взгляд его действия вполне вписывались в стандартную мифологическую схему. Желая произвести на присутствующих соответствующее впечатление, он решительно обратился к ним с гневной тирадой: «Что-же вы не встанете? Ведь я не простой мужик, а царь Петр Федорович! Вот, глядите, и крестные знаки на теле около висков; это кресты природные у всех, кто царскаго поколения. А вот, смотрите, на спине крест прощенный: если кто его поцелует, то Бог помилует и царь простит. Присутствующие все тотчас же повалились ему в ноги». Однако, как выяснилось в последствие на допросе, крестьяне столкнулись с откровенным мошенником, поскольку «Масякин свои крестные знаки получил чрез надавливание меднаго креста на висках, а на руках и спине такой же выпуклый медный крест привязывался чрезвычайно туго платком». К тому же, оказалось, что обман был затеян из корыстных соображений – собрать у народа побольше денег и возвратиться домой.¹²⁰

Тем не менее этот весьма показательный казус еще раз подтвердил существование в народной среде специфических представлений о царской власти и сакральной отмеченности ее носителей. Успешно используя их в своих интересах, данный Лжепетр получил безусловную поддержку и в соседних деревнях, жители которых с не меньшим благоговением «разстилали ему на полу под ноги холсты и целовали у него на руках, груди и спине кресты».¹²¹

Впрочем, только каких-то отметин на теле любого незнакомца, называвшегося царским именем, считалось едва ли достаточно, чтобы населе-

¹²⁰ Пособники и сторонники Пугачева. Очерки и рассказы // Русская старина. 1876. Т. 17. С. 71, 72.

¹²¹ Там же, с. 71.

ние с радостью откликнулось на его призывы и тут же признало в нем «истинного» государя или кого-то из его «родственников». Особенно, если и весь внешний вид, как это обычно бывало, не свидетельствовал красноречиво в пользу заявителя. С точки зрения народной магии, наличие отметин само по себе давало важную информацию об их носителе. Это, вообще-то говоря, мог быть колдун, связанный с нечистой силой и опасный для окружающих, общение с ним грозило вечной гибелью их нетленным бессмертным душам. А мог быть и просто «знающий» человек, способный оказаться полезным людям во многих житейских ситуациях.

Поэтому к таким «меченым» относились настороженно, но не обязательно враждебно. Боясь ошибиться и не спеша делать свой окончательный выбор, народ с нетерпением ждал от них каких-либо дополнительных действий, доказывающих принадлежность к светлому или темному началу, и только в первом из этих случаев готов был поддержать высокое возглашение. Возникла любопытная причинно-следственная зависимость: убеждая в своих особых достоинствах, самозванец мог рассчитывать на симпатии простого населения. Но, будучи уже признан в качестве «истинного» монарха, обязывался демонстрировать такие умения им на благо, дабы не разочаровывать сторонников. Как верно было отмечено в литературе, к «молчаливо подразумеваемым критериям "подлинности" самозванных носителей монаршего статуса» можно отнести «наличие у них необычайных способностей – например, врачевать, творить чудеса или же быть неуязвимым в бою».¹²²

По условиям времени в массовых ожиданиях чуда не было ничего необычного. В традиционной ментальности особа государя всегда наделялась «сверхъестественными свойствами, вплоть до связей с потусторонними силами. Причем эта связь "активная", способная творить чудеса. Эта неизбежная тяга простецов к чудесам очень важна. В понимании масс претендент-самозванец, если он истинный государь, для возвращения "похищенного престола" должен одолеть столько зла и сотворить столько добра, что без владения сверхъестественной силой не обойтись». Такие сакральные представления уходили «своими корнями в разнообразные народные верования, питаемые и подкрепляемые самой повседневностью».¹²³

Важно отметить, что здесь мы сталкиваемся не с уникальными, а с общими принципами «работы» традиционного сознания, не имевшими конкретной вероисповедной, этнической или географической атрибуции. Аналогичные по своей сути поверья существовали в эпоху средневековья, например, в европейских странах, где «умение королей творить чудеса считалось бесспорным фактом, который не дерзнули бы подвергнуть сомнению даже самые отъявленные скептики».¹²⁴

¹²² Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России ... С. 342.

¹²³ Андреев И.Л. Анатомия самозванства // Наука и жизнь. 1999. № 10. С. 112.

¹²⁴ Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998. С. 82.

На примерах французских и английских монархов историк М. Блок рассмотрел «чудодейственное» лечение золотушных больных с помощью возложения королевских рук, целительных колец и т.п. магических процедур, как они представлялись экзальтированному воображению средневековых простолудинов. Впрочем, озаренными сверхъестественной аурой им иной раз казались и действия европейских самозванцев, что, несомненно, становилось одной из важных причин их популярности в широких народных кругах. Так, историк Ж. Ле Гофф поведал о некоем лжехристе – крестьянине из Берри, который стал «странствующим предсказателем. Одетый в шкуру, сопровождаемый женщиной, называемой им Марией, он ... предсказывает будущее, лечит больных. За ним следует толпа крестьян, бедняков и даже священников. Его деятельность вскоре принимает революционный характер. По пути он грабит богатых и раздает их имущество нищим. За ним идут тысячи приверженцев».¹²⁵

И хотя в последнем примере повествуется о религиозном (а не монархическом) самозванце, приведенные выше сведения дают возможность утверждать, что за пределами нашей страны функционировали те же самые, знакомые каждому рядовому россиянину традиционные приемы идентификации.

К сожалению, после многочисленных отечественных лжемонархов и/или их «родни», действовавших в просвещенный век «царства разума», осталось не очень много информации, позволяющей полноценно проанализировать их «необычайные» таланты. Вероятно, это связано со специфической судебно-следственного процесса, находившегося в руках уже научившихся рационально мыслить дворян и их высоких покровителей. Им в целом было свойственно весьма уничижительное отношение к подобным «небылицам» и «суевериям» «подлых» людей, а потому, как правило, не придавая должного значения столь «курьезным» казусам, они списывали их на «глупость» и «темноту» «невежественной черни».

И все-таки, кое-какие примеры, дошедшие до нас от тех далеких времен, показывают, что в контексте традиционных мифологем российские монархи по способности творить чудеса не уступали своим европейским «коллегам». Имелись, впрочем, весьма существенные отличия. Так, в Европе чуда ждали от реального правящего монарха, будь то Филипп де Валуа, Эдуард III или кто-либо еще, в то время как в России к таковым же порфирородным особам подобных претензий народное сознание не предъявляло. Царь по определению – помазанник божий на земле, и этим непреложным фактом о нем сказано абсолютно все. В народном фольклоре можно найти соответствующие поверья о «чудесах» наших монархов, но их никогда «не примеривали» на конкретных, сидящих на троне сюзеренов. Иное дело лжеалексеи, лжепетры и т.п. искатели престола, каждый

¹²⁵ Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2002. С. 83.

шаг которых уже был размечен «непригожими речами», иными слухами с монархической окраской и прочими традиционными «рецептами». Демонстрируя свои, недоступные рядовому человеку, особые способности, они могли доказать, что являются «истинными» царями. По крайней мере, так предписывалось традицией, и поступать по-иному было чревато полным разоблачением и провалом всего начинания.

С такого рода «аргументами», например, столкнулись в 1763 г. жители ряда южных районов страны, когда там появился некий «земной бог» – торговавшийся купец Антон Асланбеков. О нем сохранилось немного сведений, но все же известно о проживании «в Курске, а потом в Обоянском, Миропольском и Суджанском уездах, где [он] стал лечить людей. Там о нем распространился слух, что он бывший государь Петр Федорович».¹²⁶

Неоднократная демонстрация целительных умений во многом объясняет, почему шацкие крестьяне не смогли распознать откровенный обман со стороны И. Мосякина, признав за ним «императорское» достоинство. По верному суждению Ив Левин, «многое в опыте лечения все же детерминировано культурой», поэтому средневековые «православные славяне ... склонялись к тому, чтобы приписывать болезнь сверхъестественным причинам и искать духовных средств от своих недугов».¹²⁷

Так случилось и в данном конкретном случае. Самозванец вспоминал, как в 1774 году «21-го августа, в четверг, приехал к нему из села Никольскаго однодворец Лаврентий Углов и просил его помочь сыну Науму от ломотной болезни». По словам И. Мосякина, «лечение состояло в том, что он наговаривал воду и умывал ею сына Углова два раза, вечером и утром». Известно, что в народной магии заговор над водой действительно считался одним из традиционных приемов ее сакрализации. Здесь же производимый на окружающих эффект усиливался благодаря тому, что воду наговаривал никто иной как названный царь. Видимо, результат подобных манипуляций оказался вполне успешным, дав лжеимператору уверенность и основание позже утверждать, будто он «умеет от всяких болезней врачевать». Узнав о его исключительном и полезном даре, «поп того села и обратился к нему с просьбою вылечить его жену. Масякин отправился в дом попа, наговорил опять воду и приказывал больной умываться ею». Непонятно, о каком заболевании шла речь в данном случае, но уже в следующий раз, по просьбе жены своего сторонника Данилы Иевлева Ефросиньи он лечил ее «от порченой болезни», используя «единственное свое средство – наговаривал воду и приказывал ею мыться».¹²⁸

Нет сомнений, что врачевания «пациентов» резко повысили популярность И. Мосякина в глазах сельских обывателей, и удивляться такой

¹²⁶ Сивков К.В. Самозванчество в России ... С. 97.

¹²⁷ Левин И. Религиозные культуры у православных славян: случай религиозного врачевания // Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России. М., 2004. С. 122.

¹²⁸ Пособники и сторонники Пугачева ... С. 70, 71.

крестьянской «наивности» не приходится, ибо в славянской культуре знахарь всегда воспринимался как особенный человек, в совершенстве овладевший сверхъестественными, магическими знаниями, которые ставили его «в один ряд с другими "знающими" людьми, прежде всего, колдуном и ведьмой. Но в отличие от них знахарь, как правило, не имеет контакта с нечистой силой, а использует силу заговоров, растений, воды и других предметов, наделенных в народной традиции высокой сакральностью».¹²⁹

Всем было понятно, коль скоро он – царь, то и знахарскими талантами должен обладать в полной мере. Но возможна была и противоположная каузальная зависимость: если он умеет исцелять, то вполне вероятно – действительно царь, тем более что и сам он нас в этом уверяет.

Удачным для И. Мосякина стечением обстоятельств можно также считать, что его «умения» были связаны именно с водой, которая в народной магии ценилась очень высоко, как «одна из первых стихий мироздания, источник жизни, средство магического очищения». Особые чудодейственные качества приписывались также воде, «которой обмывали церковный колокол, иконы, хлебную дежу, руки после замешивания обрядового теста и т.п.».¹³⁰

Вероятно, к нераскрытому авторами словарной статьи «тому подобному» можно отнести сакральные свойства воды, оставшейся после царского омовения. По крайней мере, видимо, на таком ее значении настаивал самозванный Петр Федорович. Известно, что по его приказанию дворовой человек Родион «должен был ту воду выпивать, которою он мылся, так как (по уверениям И. Мосякина. – Ю.О.) такую воду от умывания царя на землю выливать нельзя».¹³¹

Монархическое сознание приписывало «помазанникам божьим» достаточно широкий спектр и других сверхъестественных способностей. Из «непригожих речей» хорошо известно народное мнение, что «истинным» царям свойственно всякий раз чудом избегать очередных козней со стороны изменников-бояр. Поэтому история самозванцев полна ожидаемых слушателями рассказов, как в минуту смертельной опасности благодаря вмешательству высших сил все разрешалось благополучно: какие-нибудь добрые люди «подменяли» «царя-батюшку» или «наследника» другим похожим на него человеком, восковой куклой и т.д. Так, в 1724 году самозванец Евстифей Артемьев убеждал, «а что де обносится, что царевич Алексей Петрович преставился, и то де мертвым обнесен другой. А пострадал он будто от Меньшикова для того, что гонялся за ним Меньшиковым со шпагою».¹³²

¹²⁹ Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 347–348.

¹³⁰ Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 386, 388.

¹³¹ Пособники и сторонники Пугачева ... С. 71.

¹³² О извощике 1-го гренадерскаго баталиона (Низоваго корпуса) Евстифие Артемьеве, назвавшемся царевичем Алексеем Петровичем / Сообщ. М.Н. Прокопович // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). 1897. Кн. 1. Смесь. С. 10.

Нечто подобное, спустя несколько десятилетий, поведал в 1788 году на допросе «принц Иоанн Антонович» – кременчугский купец Тимофей Курдилов: «В 1762 г. посредством бывшего в оной крепости [Шлиссельбурге] коменданта Ребиндера, который при взятии от правительства со всех чинов, кроме черни, подписок, чтобы не выпускать его живаго, пришел к нему пал на колени и сказал: "ищи случая и спасай жизнь, а я на твое место человека похожаго на него уговорил", который был из Чухон именем Петр и который, как он после слышал, стражею заколот».¹³³

Причем, важно, что этими «занимательными» сюжетами самозваные претенденты делились не с безликой толпой простолюдинов, а во время допроса со следователем. Получается, что они не просто слепо следовали традиции, «играли свою роль» по «правилам» с целью прельстить кого-либо из числа простодушных людей, а искренне веровали в свои сообщения.

С небольшими вариациями примерно то же самое неоднократно рассказывали своим сторонникам многие другие самозванцы. Выборочно приведем несколько коротких подтверждений: «У боярина был сын и тому царевичу пришел лик в лик. У боярина сын умре, он, боярин, взял и подменил царевича своим сыном и сказал, что царевич умер, а этого царевича увез» (Л. Стародубцев); «Петр III не умер, а умер солдат» (Г. Кремнев); «схоронен-де не он, а из возку сделанная статуя, а государь-де понещастни содержался в Петергофе под арестом и оттуда ушел» (Н. Кретов); «весть об его смерти распущена ложно; что тот, кого называли Пугачевым, не казнен в Москве; что император Петр III и Пугачев одно лицо, и это лицо – он, котораго ложно называют казаком Ханиным» (М. Ханин); «он не умирал и что вместо его погребен какой-то салдат, сам же Император есть тот, котораго она, Тюменева, называет своим братом» (М. Тюменева).¹³⁴

Во всех этих стереотипных ситуациях можно услышать отголоски реальных событий, происходивших в России XVIII века. В условиях системного кризиса в разных общественных кругах бессознательно возникло чувство неуверенности в завтрашнем дне, когда привычная повседневность воспринималась как жизнь в осажденном врагами военном лагере, и было неизвестно, с какой стороны подстерегает бóльшая опасность. Не удивительно, что ментальный мир человека наполнялся разного рода коллективными фобиями, в том числе и сакрального характера. Причем, тревожными настроениями и опасениями не без оснований были охвачены даже власть имущие. Процитируем примечательные в данном контексте рассуждения историка И.Л. Андреева, адресованные, казалось бы, всего лишь к пикантным столичным происшествиям 1714 года: «Когда

¹³³ О Кременчугском купце Тимофее Курдилове // Оснадцатый век. Исторический сборник. М., 1868. Кн. 1. С. 398.

¹³⁴ Есипов Г.В. Люди старого века... С. 434; Сивков К.В. Самозванчество в России ... С. 118; Мордовцев Д.Л. Указ. соч. С. 145; Усенко О.Г. Гендерный аспект ... С. 246.

кронпринцессе Шарлотте, супруге отсутствующего царевича Алексея Петровича, придет время родить, - пишет ученый, - Петр I приставит к ней почтенных придворных особ, которые должны будут лично засвидетельствовать появление на свет нового члена царской фамилии. Принцесса Шарлотта страшно обиделась, посчитав это распоряжение оскорбительным для своей чести. Ей, с ее европейским менталитетом, совершенно непонятна была забота Петра, вызванная не только отеческим попечением, но и знанием русской действительности. Рожденный при свидетелях младенец – это младенец неподменный, безусловно законный, не дающий повода усомниться "неистовым языком". Петр помнит о самозванцах. Шарлотта, по понятным причинам, – нет».¹³⁵

Учитывая, что Петру I было хорошо известно, что многие называли его антихристом или считали, например, «подменным сыном Лефорта», можно заметить, что растиражированные еще «непригожими речами», а затем и действиями конкретных самозванцев подозрения в возможности царской «подмены» проникали в сознание современников без различия к их статусу и происхождению. По поводу данного психологического феномена еще на рубеже XIX–XX веков писал французский социальный психолог Г. Лебон: «Утверждение тогда лишь оказывает действие, когда оно повторяется часто и, если возможно, в одних и тех же выражениях. Это действие объясняется тем, что часто повторяемая идея, в конце концов, врежется в самые глубокие области бессознательного, где именно и вырабатываются двигатели наших поступков. Спустя некоторое время мы забываем, кто был автором утверждения, повторявшегося столько раз, и, в конце концов, начинаем верить ему».¹³⁶

Впрочем, допускаясь, что «истинный» царь/царевич, застигнутый врагами врасплох, не мог вначале избежать нависшей над ним опасности. Небесные сферы по неведомой причине не приходили своевременно к нему на помощь, и он становился жертвой темных сил, в результате претерпевая длительные лишения и страдания. Однако, в конечном счете, чудодейственным образом обязательно должен был одержать над ними верх: иначе, какой он царь? Например, в показаниях самозванца Иева Семилеткина (1761 г.) «имеются следующие легендарные подробности о нем, как о бывшем якобы императоре Петре II. Когда князь Голицын, Иван Долгоруков и граф Миних уговорили его (т.е. Петра II) ехать в Шуйский уезд на псовую охоту, то он, не доезжая Шуи, заболел оспой; увидя это, бояре увезли его в Италию; кто вез и какими дорогами он не знает, но помнит, что тайно и скрытно. В Италии он "закладен был в столб каменный на королевском дворе; в столбе было маленькое окошко; тут он пробыл 24¹/₂ года и получал в окошко от короля хлеб и воду, а 9 лет назад в столбе

¹³⁵ Андреев И.Л. Самозванство и самозванцы на Руси // Знание-сила. 1995. № 8. С. 47–48.

¹³⁶ Сень Д.В. Казачество Дона ... С. 209; Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 240–241.

сделалась расселка; считая это действием святого духа, он тайно вышел из столба и пошел в Россию и был в пути 9 лет"». ¹³⁷

В данном случае, добравшись до керженских лесов, что в Нижегородской губернии, и объявив о себе, самозванец своими рассказами сумел убедить тамошних старообрядцев в собственной «истинности» и получил поддержку с их стороны. Видимо, в отличие от современных историков, они не считали красочную эпопею «Петра II» «легендарной», а принимали ее за «чистую монету», ибо она была вполне релевантной их общекультурным представлениям, к тому же согласовывалась с общей картиной сакральной географии путешествий «подлинного» государя.

Надо заметить, что подобные развернутые или краткие сообщения о странствиях и скитаниях по землям различной степени святости регулярно встречаются в источниках по истории самозванцев XVIII века.

В деле Т. Курдилова, например, сообщается как он «бродил по разным местам», которые неслучайно со скрупулезностью перечисляются в показаниях подследственного: «отправился в Запорожскую Сечь», «ходил под Очаков», «поехал в Астрахань и по другим местам тамошняго края», «ездил в Крым», «приехал в С.-Петербург», «ездил в Архангельск и Холмогоры», «отправился в Могилев», «в Херсон и оттуда в Курляндию». ¹³⁸

В отличие от мнимого принца Иоанна Антоновича, один из его более удачливых предшественников на самозванческом поприще – И. Миницкий – конкретных названий посещенных им населенных пунктов раскрывать не стал, ограничившись упоминанием того, как он «ходил де скрытно, и много нужды принял, а ныне де пришло время явитца!» ¹³⁹

Л. Стародубцев выдал однажды своим сторонникам следующую информацию: «я от таких законов скрылся и шел я на Чернигов, а с Чернигова на Киев и в Киев граде кинул ерлык, а в ерлыку подписано: слетел орел с тепла гнезда; тогда же от императорских законов пошел на вольную реку, а теперя я хошу умышлением своим вступить на отцовское и дедовское пепелище». ¹⁴⁰

Очевидно, что изощренную сюжетную канву злоключений «истинных» государей, рассказанных от первого лица, нельзя считать только плодом богатой фантазии самозванцев. Она генетически восходит к особенностям традиционной «картины мира», запечатленным еще в «непригожих речах», а также в других слухах и пересудах простого населения петровской и послепетровской поры. Иначе говоря, – к тем архетипическим установкам монархического сознания, заложниками которых становились самозванные претенденты на корону. Как отмечалось в историографии, «в бытовой действительности в качестве подлежащих сакрали-

¹³⁷ Сивков К.В. Самозванчество в России ... С. 101.

¹³⁸ О Кременчугском купце ... С. 398–399.

¹³⁹ Усенко О.Г. Иван напугавший Анну ... С. 56.

¹⁴⁰ Есипов Г.В. Люди старого века ... С. 438–439.

зации выделялись события преследований, мучений, пыток, спасения от смертных опасностей, казней».¹⁴¹

По этим причинам названным претендентам надлежало добросовестно воплощать в жизнь эсхатологический миф об «истинном» царь-избавителе, который возвращается после долгих лет разлуки, скитаний и забвения. Появляется словно из небытия, чтобы положить конец мирским бедам. Этот культурно сконструированный «трафарет» неизбежно проецировался на поведенческую стратегию самозванцев, вынуждая их к ожидаемым словам и поступкам.

В научной литературе почти повсеместно признается, что среди предписанных самозванцам достоинств была их грамотность. Если незнаемый человек – царь, то, конечно же, должен быть научен книжной премудрости. Иного мнения по данному вопросу придерживался академик А.М. Панченко, высокий авторитет которого требует анализа его аргументов. На примере первых трех венчаных царей – Ивана Грозного, Федора Ивановича и Бориса Годунова, он пришел к выводу, что в соответствие с народным «сценарием» самозванец и не должен был выучиваться грамоте, т.к. на «оказание руки» государем в общественном сознании существовал «культурный запрет».¹⁴²

Однако внимательное изучение российских монархических самозванцев XVIII столетия показывает принципиальную ошибочность такого утверждения. И дело здесь даже не в том, что «среди указанных лиц как минимум половину составляли грамотные люди».¹⁴³

Дело заключается в самом содержании их действий. Не раз отмечалось, что в своих словесных эскападах или поведенческих манипуляциях самозванцы не были вольны поступать, как им заблагорассудится, они вынужденно ограничивались предписанными установками народного монархического сознания, носителями которого были они сами и сопровождающие их лица. Но если «грамотность» – это порок для «истинного» царя, если на нее наложено культурное вето, тогда грамотеям из числа лжемонархов надлежало тщательно маскировать свое умение, чтобы не быть разоблаченными. Однако ни об одном подобном случае по материалам XVIII века не известно. Напротив, грамотные самозванцы всегда с успехом демонстрировали публике свои навыки (И. Семилеткин, А. Асланбеков, М. Иванов, М. Тюменева, С. Петериков, К. Борняков, Б. Сочнев и др.).

¹⁴¹ Плюханова М.Б. О некоторых чертах личностного самосознания в России XVII в. // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 195. См. для сравнения рассказ оренбургского ссыльного о приключениях «одного купца»: Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны 1741–1761 гг. ... С. 532–533.

¹⁴² Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ // Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999. С. 27–28.

¹⁴³ Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России ... С. 330.

С другой стороны, имеется немало примеров, показывающих, как не умеющие грамоте самозванцы пытались убедить своих сторонников в том, что обладают таким даром (Ф. Богомолов, И. Никифоров, И. Мосякин, Г. Зайцев и др.). Позиция, прямо скажем, выглядящая откровенно абсурдной и даже самоубийственной для них, если согласиться с точкой зрения А.М. Панченко. Приведем несколько соответствующих примеров из истории достаточно успешных самозванцев.

Так, об А. Крекшине ходили упорные слухи, что «грамоте де и писать он умеет и говорит многими иностранными языки». В следственном деле содержатся показания свидетелей, что «в одно время... в разговорах сказал он, самозванец: "Я де писать умею". А при них ничего не писывал, и чернил и бумаги при нем не было».¹⁴⁴

Много позже другой названный государь Петр III – «Чернышев, как оказалось впоследствии, не умел ни читать, ни писать, хотя раз и хвастался перед кузнецами в плавильной, что "умеет по немецки, по латыни и по русски"».¹⁴⁵

Особенно же убедительной в данном смысле представляется история обманщика И. Мосякина. Казалось бы, ему следовало вести себя в точном соответствии с «программой» коллективных ожиданий, но, если принимать в расчет мнение А.М. Панченко, все почему-то происходит наоборот: «Когда же он был в доме сотского села Никольского, Завидова, то потребовал себе чернильницу и бумагу и, так как не знал ни читать ни писать, начертя какия-та каракули, показывал вид, что написал отпускную своему спутнику Родиону, а другую бумагу, также точно измаранную, вручил сотскому, как повеление о том, чтобы войска его встречали с хлебом да солью».¹⁴⁶

Так что надо признать: «настоящий» монарх в массовых представлениях обязательно должен был уметь читать и писать, в противном же случае, хотя бы пытаться позиционировать себя человеком, безусловно, грамотным и тем самым вызывать доверие сторонников.

История российских самозванцев показывает, что в соответствии с традиционными императивами они едва ли не первым делом создавали вокруг себя «придворную свиту». Конечно, далеко не о каждой такой ситуации есть панорамная информация и чаще всего мы с нею сталкиваемся в связи с самозваными Петрами III. Но сам факт ее неоднократного повторения, начиная еще с XVII века, подтверждает, что от «царя-батюшки» ожидали наличия именно такого осиянного званиями и регалиями «вельможного» окружения. «Титулованная знать», группировавшаяся вокруг «избранника», своим «блеском» должна была затмить возможные сомнения осторожничавших простолюдинов: «Придворные традиции, - отмечает историк О.Г. Усенко, - требовали, чтобы "истинного" го-

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 788. Л. 25 об. См. также: Усенко О.Г. Петровская родня из Нижнего ... С. 63.

¹⁴⁵ Максимов С.В. Указ. соч. С. 451–452.

¹⁴⁶ Пособники и сторонники ... С. 72.

сударя всегда и всюду сопровождала свита из высших чиновников, офицеров и знати. Соответственно все самозванцы заботились о том, чтобы создать при себе такую свиту. При этом одни пытались привлечь на свою сторону лиц благородного происхождения, другие предпочитали окружать себя казаками и представителями тяглого сословия, жалуя им чины, звания и даже новые имена ... Свиту из «генералов» и «князей» имели при себе самозванные Петры Федоровичи – Гаврила Кремнев (1765), Петр Чернышев (1765) и Федот Казин-Богомолов (1772)». ¹⁴⁷

Названными выше именами список самозванцев, сумевших обзавестись «придворными», все-таки не ограничивался. При этом настоящих аристократов, за редчайшим исключением, в окружении «нижних» лжегосударей XVIII века не наблюдалось. Известно только, что Чернышеву/Петру III, находившемуся в сибирской ссылке, большую помощь оказывали тунгусские князья Алексей и Степан Гантимуровы, которые сначала присылали ему богатые подарки, а потом с помощью военного отряда помогли совершить побег. Можно, с определенными оговорками, добавить еще некоторых казачьих атаманов, а также ряд священнослужителей, хотя и не из высших иерархов, в отдельных случаях выступавших активными сторонниками самозванцев, и, пожалуй, на этом перечень закончится. ¹⁴⁸

В отсутствии настоящих лиц из благородных фамилий заключается важное отличие изучаемых нами лжемонархов от успешных самозванцев предшествовавшего столетия, особенно времен Московской смуты. Но вспомним, что в масштабе мифологического отождествления, или, по выражению О.Г. Усенко, «ложной самоидентификации», это было не самое серьезное и вполне преодолимое препятствие. Место царских сановников занимали «назначенные» самими самозванцами «графы», «князья» и иже с ними, которые в глазах преданных почитателей выглядели ничуть не хуже своих реальных или вымышленных родовитых прототипов. Например, Г. Кремнев разъезжал по населенным пунктам «с двумя беглыми крестьянами, которых он называл – одного генералом Румянцевым, а другого генералом Алексеем Пушкиным», имелись у названного императора свой «фурьер» и «квартирьер». Среди приближенных Ф. Богомолова находился «государственный секретарь». О наличии у них сановных покровителей рассказывали и другие лжемонархи. Так, например, Н. Кретов заявлял, что о его злоключениях, т.е. якобы Петра III, «знают гр. З.Г. Чернышев и Н.И. Панин, да и государь цесаревич Павел Петрович известен» и т.д. ¹⁴⁹

¹⁴⁷ Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1997. Ч. 3. С. 47–48.

¹⁴⁸ См.: Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1961. Т. 1. С. 471; Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. С. 160.

¹⁴⁹ Сивков К.В. Самозванчество в России ... С. 118.

Эффективный и эффектный вариант решения проблемы предложили два самозванных царевича Т. Труженик и Л. Стародубцев, действовавшие заодно и объявившие себя братьями. Получалось, что среди сторонников «царевича Алексея Петровича» всегда находился «царевич Петр Петрович», и наоборот. Кроме того, у Л. Стародубцева имела своя «канцелярия» и, соответственно, «канцелярские служащие», а также «секретарь», которые занимались вербовкой и составлением списка верных людей.

Опираясь на помощь ближайших соратников, самозванцы обычно объявляли присутствовавшим простолюдинам всем вместе, или взятым поодиночке перспективную «программу» своих «реформ». Суть этой программы также была предписана традицией. Для чего еще мог явиться «истинный» царь, если не для облегчения народных страданий?

Имея в виду особенности мифологического сознания (тождество обозначения и обозначаемого), можно полагать, что достижение требуемого результата мыслилось через устранение ненавистных бояр-изменников, с ликвидацией которых социальная справедливость должна восстановиться сама собой. Поэтому каждый «помазанник божий», в сакрализованных представлениях общественных низов, предназначался к роли «крайнего судьи» на земле – здесь и сейчас. Прежде всего другого, ему следовало вывести из государства всю неправду и наказать всех своих временно торжествующих врагов, обрушивая на них царскую «грозу», или, по крайней мере, озвучивая ее вербально в виде угроз. Неслучайно, история монархических самозванцев полна россыпью такого рода гневных антибоярских филиппик. Согласно выводам историка М.Б. Плюхановой, «анализ некоторых памятников самозванчества» показывает, что и сами «самозванцы, атаманы, т.е. по функции царизбавители, склонны осмысливать свою деятельность как вершение высшего суда и даже косвенно отождествлять себя с Мессией».¹⁵⁰

Им негласно предписывалось поступать подобно тому, как обещал крестьянам самозванец Т. Труженик: «Как де это зделаетца, и бояром де нежитье будет, а которые де и будут, и те де хуже мужика находятца - и буду де их судить с протазанами (копьями. – Ю.О.), воткня в ногу, как было при царе Иване Васильевиче».¹⁵¹

«Брат царевича Алексея» Л. Стародубцев, пытаясь привлечь к себе новых сторонников, также не чурался обещаний применить насилие к несогласным: «Теперь я вас призываю волею, а вы ко мне не идете, а то я буду вас брать и неволею, и которые придут ко мне волею, те будут при мне пожалованы, а которых возьму неволею, те будут последние».¹⁵²

Ту же самую цель увеличения «группы поддержки» имел в виду И. Мосякин, сообщая, «что у него сил очень много, которыми недавно два

¹⁵⁰ Плюханова М.Б. Указ. соч. С. 192.

¹⁵¹ Есипов Г.В. Люди старого века ... С. 428; Троицкий С.М. Указ. соч. С. 141; Усенко О.Г. Три царевича Алексея ... С. 122.

¹⁵² Есипов Г.В. Люди старого века ... С. 433.

человека повешены; "да вот и вам, - грозил он жителям села, - того не миновать, если ко мне не будете добры"» Расправой он угрожал и Д. Иевлеву, уговаривая, «чтобы тот отпустил своего двороваго человека сопровождать его по тем селам, где он будет называться царем; "а если не дашь, - приговаривал Масякин, – то смотри! Силы мои уже скоро придут сюда; тогда тебе не сдобровать! С женою и детьми повесим"».¹⁵³

Принципиальную и, в рамках народной монархической концепции, вполне последовательную позицию решительно намечали М. Ханин и его единомышленники, в чьи намерения входила, по выражению историка, «безумная мысль», что они «возьмут "ея императорское величество под свою власть и сковав посадят в заточение, а знатных всех особ истребят на смерть"».¹⁵⁴

Впрочем, в данном случае, как чаще всего и вообще, по разным причинам до исполнения суровых угроз дело не дошло. Некоторые из самозванцев успевали, правда, приступить к первым шагам по реализации своих «программных» заявлений, большинство же ограничивалось только «декларацией о намерениях».

Предполагалось, что после истребления главных виновников народных бедствий должно наступить всеобщее благоденствие, конкретные черты которого варьировались в зависимости от сословного представительства сторонников того или иного самозванца. Например, И. Миницкий, находясь в селе Ярославец Бобровской сотни Киевского полка, прельщал служилых людей обещанием осуществить их сокровенные чаяния: «Я де вашу нужду знаю. Будет вам вскоре радость – с турком заключу мир вечно, а вас де в мае месяце нынешнего году все полки пошлю и казаков в Полшу и велю всю землю огнем сжечь и мечем рубить». В ответ солдат О. Стрелков со слезами на глазах заявил ему: «Когда де мы о сем услышали, то де хотя до болших наших бояр дойдет и хотя ж де донесетца и самой государыне императрице, мы де готовы за тебя стоять!»¹⁵⁵

Принятый в керженских скитах И. Семилеткин, «обещал староверам свободу вероисповедания, всем крестьянам – освобождение от казенных податей и говорил своим сторонникам, что если с ним "не будет милости ... то-де зберет вольницу и пойдем боем"».¹⁵⁶

Мнимый царевич Петр (Л. Стародубцев) признавался: «Пора мне на отцовское пепелище, скудному жаль кошеля, а богатому короля. А вот батюшкино царство службами растащили, а как я сяду на царство, то служба уймется на десять лет»; когда же «я буду на отцовском и дедовском троне и стричь у себя волос не стану».¹⁵⁷

¹⁵³ Пособники и сторонники ... С. 72, 71.

¹⁵⁴ Мордовцев Д.Л. Указ. соч. С. 149.

¹⁵⁵ Усенко О.Г. Иван, испугавший Анну ... С. 57; Троицкий С.М. Указ. соч. С. 142.

¹⁵⁶ Сивков К.В. Самозванчество в России ... С. 100.

¹⁵⁷ Есипов Г.В. Люди старого века ... С. 433, 436.

Названный Петр III (Г. Кремнев) обнадеживал жителей однодворческих селений такими словами: «Детушки, замучены вы; подушные деньги наложены на вас чежелые, но те деньги будут сложены, а собираться будет с души по два гарнца хлеба». В другом месте он обещал отменить подушную подать на 12 лет, заменив ее сбором с души по четверику муки и по два гарнца крупы. Давал обещания и отдельным лицам, например, сержанту Тибекину – произвести в поручики. Похожим образом, самозванец А. Асланбеков, принимая от крестьян жалобы на помещиков предположительно обещал наказать виновных. При появлении Н. Колченко пошел слух, что он едет «рассматривать Малую Россию», т.е., видимо, «отменять на Украине крепостное право или, по крайней мере, разбирать жалобы крестьян на помещиков» и т.д.¹⁵⁸

С картиной яркой социальной утопии, нарисованной перед «оробевшими» сельчанами, мы встречаемся в истории самозванчества «царевича» Тимофея Труженника. Сразу же выразим несогласие с ее оценкой историком П.К. Щебальским, полагавшим, что эти речи «можно принять, пожалуй, за бредни полупомешанного старика».¹⁵⁹

Самозванец поведал крестьянам, насыщенную сакральными контекстами, величественную легенду об «Открывон-граде», в котором «святых много и стоит образ Знамения Пресвятыя Богородицы, и мы ее вынесем, так я царь буду и Бог, и многое множество казны будет, и которые люди будут при мне и тех стану дарить золотом и серебром, и золотыми каретами, и хлеба столько не будет, сколько золота и серебра». Одна из слушательниц – Устинья – позднее уточнила, что Т. Труженик говорил ей наедине: «Как де я возму поклажу – денги, то де станут де денги возить возами, и буду де я теми денгами оделять нищих и на перекрески те денги сыпать, и буду де я царем на земли».¹⁶⁰

Но прежде чем сакральные мечты могли воплотиться в действительность, а спрятанное богатство стать общенародным достоянием, требовалось еще суметь попасть в «Открывон-град» и добыть искомые сокровища, что представляло нелегкую задачу: «В погребу де у казны приставы: три духа умерших – Кодеяр, да царь Иван, да царь Александр Македонской – да живой старой император. И я б де старова императора выпустил, да как де я выпущу, тогда де вся колесница повернетца и земля потресетца и будет де от него в неправде всем суд». Потому-то, - говорил Т. Труженик внимавшим его рассказу крестьянам, - ему «де надобен видущей человек, которой бы мог поднять погреб, в котором есть казна и три знамя», несмотря на то, что стражники «той казны не дают».¹⁶¹

¹⁵⁸ Мавродин В.В. Указ. соч. С. 470; Сивков К.В. Самозванчество в России ... С. 97, 104–105, 112; Чистов К.В. Указ. соч. С. 176–177.

¹⁵⁹ Щебальский П.К. Указ. соч. С. 47.

¹⁶⁰ Есипов Г.В. Люди старого века ... С. 419; Усенко О.Г. Три царевича Алексея ... С. 122; Щебальский П.К. Указ. соч. С. 47.

¹⁶¹ Усенко О.Г. Три царевича Алексея ... С. 122, 121; Есипов Г.В. Люди старого века ... С. 427.

Уже после ареста, не успев осуществить задуманное самостоятельно, он через навестивших его крестьян передал сокровенное поручение своему «брату Петру Петровичу», видимо, заранее сообщив, «где же тот Открывон-град» находится: «Боже ему помогай вскрыть сокровище. Скажите ему: если ты не можешь открывать град, то не станет у тебя глаз и рук и уст глаголющих». Поскольку Л. Стародубцев уже изначально был мистифицирован страшной тайной, приготовления планировались им самым тщательным образом: «Готовьте с собою свечи, и надобны нам книги и дьячки, и пойдем на место, откроем городище, и на том городище есть знамение Пресвятыя Богородицы, и Евангелие, и крест, и знамена царя Александра Македонскаго», и «по тем знаменам» будет Труженик царствовать. Однако за ночь, многое передумав, он отказался от намеченных намерений, выдвинув весьма серьезные резоны: «Не пошто нам, братцы, ехать вскрывать городище, - говорил он теперь. - Тако мы все пропадем и возьмут нас всех в ад, а Тимофей Труженик вас всех прельщает, что называется царевичем Алексеем Петровичем – в нем есть дух нечистый, и вы к нему не ездите, и оное городище надо проклясть».¹⁶²

Причина окончательного решения Л. Стародубцева понятна в контексте семантического анализа данной легенды, которая явно находится в одном культурном регистре с другими известными русскому фольклору «утопиями места». Подобно умозрительно сконструированным утопическим сознанием легендарным обиталищам праведников, таким как «Китеж-град», «Беловодье», «город Игната» и др., в «Открывон-граде» совместились множество смысловых линий традиционной народной культуры. Однако между ними имеются и принципиальные различия, указывающие на более близкие семантические параллели «Открывон-града» с архетипом «Вавилонского царства», укорененном в русском народном сознании, в котором «Вавилон» – это величайшее и древнейшее вселенское царство. Популярные сказания наполнены фольклорно-сказочными образами о его несметных богатствах, там хранятся «знамения», принадлежащие трем святым отрокам, а также два венца – один Навуходоносора, царя Вавилонского и «всея вселенная», а другой – его супруги. Святые «знамения», как раз, и олицетворяют знаки царской власти, что придает всему сюжету целостный сакральный характер.¹⁶³

Как и в сказаниях о «Вавилонском царстве», в легенде об «Открывон-граде» звучат эсхатологические предощущения конца света, акцентируются мотивы неокончательной смерти, а, значит, идея многократного умирания и воскрешения «избавителя». Кроме того, содержатся хилиасти-

¹⁶² Есипов Г.В. Люди старого века ... С. 431.

¹⁶³ См., напр.: Дробленкова Н.Ф. Сказание о Вавилоне // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 124–127; Жданов И.Н. Повести о Вавилоне и Сказание о князьях владимирских // Жданов И.Н. Русский былевой эпос. СПб., 1895. С. 1–151; Приложение. С. 575–579, 580–581, 582–587; Скрипиль М.О. Сказание о Вавилоне граде // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 119–144.

ческие приметы Страшного суда в конце времен, когда «истинный» царь сможет осуществить свою мессианскую функцию «крайнего судьи». Наличествуют также в легенде известные фольклору сюжеты о найденных героем сокровищах и мн. др.

Историк Г.В. Есипов явно ошибается, утверждая, что крестьяне «ничего не понимали из этих загадочных речей». Да, они, конечно, не могли выразить свои тревожные переживания связными словами, но полисемантическая насыщенность образа «Открывон-града» пугала их своей сакральной глубиной и таинственностью, об этом не решались даже молвить «слово и дело». Поэтому, хотя «не все чувевские жители были сторонниками самозванца, слух о нем разошелся по всему Тамбовскому уезду. Молва гласила, что его чуть "не извели бояре" и он лишь чудом спасся, а нынче ходит в облике мужика по селам и деревням, призывая народ пойти с ним в Открыван-город за богатствами, а затем к Москве».¹⁶⁴

Сложно даже предположить, из каких источников миф об «Открывон-граде» попал в рассказы Т. Труженника, но вполне очевидны его фольклорные корни. Не исключено, что автором уникальной красочной легенды был сам лжецаревич, в чьей памяти, наверняка, хранились обрывки различных народных преданий, собранные за многие годы бродяжничества, которые затем столь специфически переплелись в его сознании. Нет сомнений, что семантические образы, запечатленные легендой об «Открывон-граде», позволяют увидеть всю самозванческую историю не просто как некую бессмысленную авантюру отъявленного мошенника, но как серьезное, подготовленное по традиционной схеме мероприятие, успех которого во многом зависел от того, насколько последовательно самозванцы придерживались их предписаний.

Таким образом, история многочисленных российских самозванцев XVIII столетия четко высветила те особенности народных монархических представлений, которые сохранялись в памяти носителей традиционного сознания и выступали как обобщенные образы коллективного бессознательного в виде древних культурных архетипов. Становится очевидным, что наибольшей прочностью отличалось доверие социальных низов к тем лжегосударям, которые полнее воплощали в жизнь монархическую модель, запечатленную в памяти носителей традиционного сознания, и вели себя соответственно основным доминантам культурной традиции. Большинство из них потерпели неудачу уже в самом начале своей интриги, не сумев убедить в своей «истинности» ни одного потенциального сторонника. Некоторые, но не все, – со временем (кто раньше, кто позже) лишались своих сподвижников и приверженцев. Однако в названных временных пределах в России нашелся монархический самозванец, сумевший зайти намного дальше прочих ложных претендентов. Этим человеком был донской казак Емельян Пугачев.

¹⁶⁴ Усенко О.Г. Три царевича Алексея ... С. 124.

§ 3. «Император» Пугачев/Петр III как «идеальный тип» русского монархического самозванца XVIII века

Пришла пора на основе установленных кодов традиционной культуры, выявленных детерминант успеха, накопленных в работе фактических данных и полученных нами промежуточных результатов обратиться к анализу самой яркой самозванческой интриги в истории России изучаемого времени, связанной с именем донского казака Емельяна Пугачева. Роль «третьего императора», талантливо сыгранную им на авансцене «театра» истории, в целом можно признать эталонным в своем роде исполнением, позволяющим ему претендовать на признание в качестве «идеального типа» русского монархического самозванца XVIII столетия.¹⁶⁵

Несмотря на широкую известность и множество имеющихся публикаций, нельзя сказать, что эта тема раскрыта в научной литературе с достаточной полнотой и глубиной. Более того, именно в контексте феномена самозванцев она, по сути, вообще не привлекала пристального внимания ученых. Практически все написанное до сих пор – это более или менее полные биографические экскурсы в жизнь вождя бунтовщиков на фоне грозного русского бунта, когда задача обстоятельного изложения и изучения происходивших масштабных событий отодвигала на второй план все иные содержательные аспекты и сюжеты.

Причины такого невнимания, на наш взгляд, хорошо объясняются словами советского историка А.И. Андрущенко, будто казаки с самого начала знали, «что под именем Петра III действует донской казак Е.И. Пугачев, но никто не придавал этому значения. Важны были политические цели».¹⁶⁶

С ним солидарны авторы чуть более ранней по времени коллективной монографии о Е. Пугачеве и его соратниках: «Казакам было безразлично, - писали они, - выступает ли перед ними подлинный император Петр Федорович или донской казак, принявший его имя. Важно было, что он становился знаменем в их борьбе за свои права и вольности, а кто он на самом деле – не все ли равно?»¹⁶⁷

¹⁶⁵ Идеальный тип – термин М. Вебера, обозначающий понятие, отсылающее к культурно-историческим объектам, интерпретированным в свете определенных ценностей. Он не является некоторым усредненным представлением об объектах данного типа или родовым обобщающим понятием. Идеальные типы – это лишь средство научного познания, предельные понятия, с которыми сравнивают социальную реальность, чтобы исследовать ее и выявить в ней какие-то существенные моменты (См., напр.: Гайденко П.П. Социология Макса Вебера // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 9–12; Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. 1: Кризис историзма. Томск, 2001. С. 64–69).

¹⁶⁶ Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С. 30–31.

¹⁶⁷ Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панеях В.М. Пугачев и его сподвижники. Л., 1965. С. 16.

Потому и историкам было «все равно», под какой «личиною» и почему выступал Е. Пугачев, возглавив одно из крупнейших народных восстаний в истории страны. В рамках расставленных гносеологических акцентов приоритетное внимание всегда уделялось политической и социально-экономической сторонам пугачевского бунта (в терминологии советских историков – «крестьянской войны». – Ю.О.). Ученым буквально по крупицам удалось по дням, а порой даже по часам восстановить хронологическую последовательность и канву событий, в подробностях реконструировать жизненный путь Е. Пугачева и некоторых его сподвижников, достаточно полно систематизировать лозунги и требования восставших и т.д. Прямо признаем, что для изучения пугачевского бунта сделано было много. Тем не менее, внутренняя природа самозванческой интриги осталась на периферии исследовательского интереса. Явление названного императора Петра III и массовое доверие к нему квалифицировались как нечто не слишком научно значимое, и, хотя с разных методологических и идеологических позиций, но стереотипно объяснялись «темнотой» и «невежеством» необразованного русского люда и других народов Российской империи.

Истоки столь упрощенных оценок восходят к временам самой Пугачевщины. Следственные материалы по делам рядовых повстанцев бесчисленно фиксируют вполне «приземленные» резоны их позитивной реакции на появившуюся «царскую» особу. Вот только два примера, взятые из множества показаний пленных пугачевцев, которые можно считать вполне характерными для соответствующих ситуаций. Так, на допросе приписной крестьянин казенного Вознесенского завода Х. Евсевьев объяснял, что «с толпою ..., не отставая, был ... и уить не старался», потому что почитал «того самозванца по простоте своей государем». Аналогичные аргументы выдвинули и экономические крестьяне села Сайгатки И. Коровин, А. Андреев и другие: «О смерти покойного государя Петра Федоровича, хотя они и знали, но как башкирцы уверяли их, что он жив и стоит с силою под Оренбургом, и притом стращали смертию, естли не будут верить, то они по глупости своей смотря на других, тому и поверили: "наше де дело тиомное; вить мы не знали, что он самозванец"».¹⁶⁸

Будет, однако, правильным, не впадая вслед за вершителями правосудия в излишнюю доверчивость, в большинстве подобных случаев предполагать типичные для того времени образцы социальной мимикрии, активизировавшейся в экстремальной обстановке. Нельзя винить находившихся на допросе людей за то, что они, желая избежать наказания, в поисках оправдательных аргументов подстраивались под ожидаемые от них шаблоны поведения, изображая простодушных и невежественных «людишек» («простых и мизирных»), обманутых жестокими злодеями.

¹⁶⁸ Пугачевщина. Т. 2: Из следственных материалов и официальной переписки. М.; Л., 1929. С. 336; Пугачевщина. Т. 3: Из архива Пугачева. М.; Л., 1931. С. 44.

Главное, что порой, благодаря такому отчаянному маневру, им действительно удавалось ввести в заблуждение представителей следствия, которые и сами были невысокого мнения о «подлых» сословиях. В официальных и личных бумагах власть предержащих неоднократно встречаются специфические эпитеты «несмысленной черни», «заблуждающейся», «погруженной в невежество» «и притом простота», констатируются «глупые и малодушные в черни души», требующие «исправления, чрез истребление мглы, духи помрачившей». Постоянно подчеркивалось их «ослепление», «духовное помрачение», «обольщающихся безумцев несовместною своею со здравым разсудком химерою» и т.д.¹⁶⁹

Дореволюционная историческая наука даже в лице своих лучших представителей стояла на тех же аксиологических позициях. Например, историк С.М. Соловьев, пытаясь понять причины и условия «для появления самозванцев и успеха их», обращал внимание «на состояние общества, на степень образования. Образование дает привычку критически относиться к каждому явлению, обсуждать его, тогда как человек необразованный, встретясь с необыкновенным, важным явлением, преклоняется пред ним, подчиняясь вполне первому впечатлению; ему скажут: вот царь! И его первое дело пасть пред ним на колени, не разсуждая, настоящий ли это царь; чем страннее, чудеснее разсказ, тем больше ему верилось».¹⁷⁰

Равным образом, известный собиратель фольклора и историк уральского казачества И.И. Железнов был уверен, что «причиной этого страшного происшествия были с одной стороны, именно со стороны Пугачева, хитрость, а со стороны казаков невежество, ослепление и ложное убеждение».¹⁷¹

Подобное, на наш взгляд, не очень плодотворное истолкование нередко бралось на вооружение и зарубежной историографией пугачевского бунта, объяснявшей позитивную реакцию социальных низов на появившегося очередного «амператора Петра Федоровича» их «наивным простодушием» и «невежеством»: «Царь олицетворял единство и социальную справедливость в форме, понятной неграмотной массе», поэтому, не выступая «против самодержавия как такового, крестьянство верило в

¹⁶⁹ Донесение генерал-майора П.С. Потемкина Екатерине II о результатах допроса Е.И. Пугачева на следствии в Симбирске от 8 октября 1774 г. // Вопросы истории. 1966. № 5. С. 118; Манифест Екатерины II о завершении следствия по делу Е.И. Пугачева и его соратников и о предании их суду Сената от 19 декабря 1774 г. // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 138; Материалы для истории Пугачевского бунта: Переписка императрицы Екатерины II с графом П.И. Паниным // Приложение к III-му тому Записок Имп. Академии наук. СПб., 1863. № 4. С. 16, 30–31, 33, 34; Материалы для истории Пугачевского бунта: Бумаги Кара и Бибикова // Приложение к I-му тому Записок Имп. Академии наук. СПб., 1862. № 4. С. 27 и мн. др.

¹⁷⁰ Соловьев С.М. Заметки о самозванцах в России // Русский архив. 1868. Вып. 2. Стб. 271–272.

¹⁷¹ Железнов И.И. Уральцы: очерки быта уральских казаков. Ч. 2. СПб., 1858. С. 350.

добротого царя и хотело облегчения своей участи. Простолюдины видели все ужасы крепостничества и полагали, что они просто не известны царю, ибо дворяне или скрывают от монарха правду или прибрали его к своим рукам. Иногда вступление на престол нового правителя приводило к народным волнениям, поскольку крестьяне пытались донести правду до царя раньше, чем "злые бояре" его окрутят. Именно этим объясняются популярность самозванцев и частота их появления».¹⁷²

В унисон со своими дореволюционными и зарубежными коллегами рассуждали советские историки, при этом придав проблеме идеологическое содержание. Примеры столь многочисленны, что приведем лишь малую толику из них. Об «ограниченности царистской идеологии, обора-чивавшейся против самих восставших» писали, например, авторы совместной статьи Е.И. Индова, А.А. Преображенский и Ю.А. Тихонов. «Ограниченность кругозора крестьянина» и «наличие царистских иллюзий в крестьянской среде» отмечал Л.В. Черепнин. «Наивный монархизм русского крестьянина» как «специфическую черту его идеологии», порожденную «его вековой отсталостью, забитостью, архаическими формами ведения хозяйства и патриархально-натуральным укладом жизни» констатировал В.В. Мавродин. О «многовековых монархических иллюзиях» крестьянских масс, «завороженных популярной легендой о "царе-избавителе"» сообщала И.М. Гвоздикова и т.д. Более того, даже «выдающиеся предводители восставшего народа» отличались, по мнению советских ученых, «исторически обусловленной ограниченностью их политического сознания». Поэтому, приходят они к окончательному выводу, «самозванство» «отражало присущий русскому крестьянину того времени наивный монархизм, его патриархальную веру в «хорошего царя», веру в то, что царь-то хорош, но плохи бояре да дворяне».¹⁷³

С такими объяснительными схемами сложно согласиться и не только потому, что «определение "наивный" придавало проблеме некую незначительность, легкомысленность – а стоит ли вообще она внимания исследователей?»¹⁷⁴

¹⁷² Александр Дж. Т. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. Уфа, 2011. С. 38; Александр Дж. Т. Российская власть и восстание под предводительством Емельяна Пугачева. Уфа, 2012. С. 52. См. также: Биллингтон Дж. Икона и топор: опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. С. 240–250 и др.

¹⁷³ Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 246; Черепнин Л.В. Об изучении крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. (к теории проблемы) // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 11; Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панях В.М. Пугачев и его сподвижники. Л., 1965. С. 3, 5, 11; Гвоздикова И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Уфа, 1998. С. 270, 272.

¹⁷⁴ Андреев И.Л. Испытание властью // Бремя власти. М., 2008. С. 406.

Имеющиеся документальные материалы также дают основания возражать против уничижительного маркирования традиционного сознания. Изучение источников показывает, что оно было, конечно, не таким, как у нас, но «наивным» могло казаться только рационально мыслящим и всесторонне образованным ученым историкам, «измеряющим» интеллектуальный уровень своих предков сработанным в новейшую эпоху «лекалом». Между тем, современники Е. Пугачева вовсе не были откровенными «простаками», готовыми безоглядно довериться любому беззастенчивому проходимцу, называющему себя сокровенным именем. Как справедливо отмечалось в литературе, «даже самые наивные относились к этому бородачу с явно недворянским выговором, подстриженному по-казачьи, одетому в "кафтан сермяжной, кушак верблюжей, ... рубашка крестьянская холстинная, у которой ворот вышит был шолком, наподобие как у верховых мужиков, на ногах коты и чулки шерстяные, белые", с недоверием».¹⁷⁵

Поэтому будущие соратники или противники Пугачева/Петра III, прежде чем принять соответствующее решение – «за» или «против», сначала стремились проверить его на идентичность. Только «измеритель» у них был свой, а не наш. Приведем для примера показания рядового яицкого казака Ф. Кузнецова (Маханова): «из Наурской крепости бежали с тем намерением, чтоб, уверясь об нем, буде в самом деле государь, то б, присовокупясь к нему, продолжать ему службу; а иноково, когда он окажется таким, как об нем публикации чинены, в таком случае, отстав от него, до времени жить в скрытном месте».¹⁷⁶

В масштабе традиционной ментальности глубоко показательны размышления двух яицких казаков, ставших в скором времени сподвижниками Е. Пугачева: «Ехавши дорогою он, Перфильев, с Герасимовым много разсуждали о том, каким бы это образом зделалось, что простой человек мог назваться государем, кажется, де, статся сему нельзя. Герасимов же с своей стороны говорил, что он покойного государя видал много раз, и буде сей называющейся подлинно государь, так он ево узнает. А как у нас на Яике прежде сего, еще тогда, когда о смерти государя Петра Третьяго опубликованы были указы, была народная молва, что, будто бы, государь не умер, а жив и неизвестно каким образом из-под ареста выкраден и освобожден. А потому и думали, что похоронен не он, а под видом ево какой-нибудь другой человек. То и о сем он, Перфильев, с Герасимовым довольно разсуждали: "Буде государь, так как прежде народная молва о сем была, подлинно не умер, то, конечно, что он, ибо ему надобно где-нибудь объявиться". А утвердись на сем мнении, наконец, с Герасимовым условились: если по приезде их к самозванцу Герасимов узнает в лицо, что он действительный государь и другие какие доказательства их о сем уверят, так никакого злого умысла против его не прини-

¹⁷⁵ Паскаль П. Пугачевский бунт. Уфа, 2010. С. 43.

¹⁷⁶ Пугачевщина. Т. 2. С. 172.

мать: "Как, де, можно нам свои руки поднять на государя, их главы помазанные? Вить, де, бог знает чью сторону держать: государя или государыни? Они между собою как хотят, так и делят, а нам нечего в их дела вступаться. Неравно, де, ево сторона возьмет, так мы в те поры безо всего пропадем, а лутче останемся у него служить"». ¹⁷⁷

В данных рассуждениях отчетливо заметен знакомый нам по прежним самозванцам мотив визуального сходства и узнавания по внешнему облику объявившегося «государя» со стороны видевших (или, якобы, видевших) его прежде людей. Причем, с точки зрения условий места и времени, состоявшийся между собеседниками и значимый для них диалог, вполне соответствовал духу традиционного опыта и житейской смекалки, вообще характерных для простолюдинов XVIII столетия. Неудивительно, что способ идентификации Пугачева/Петра III через телесный код неоднократно актуализировался также в ходе возникновения и развития восстания, когда свидетельства авторитетных лиц становились гарантом признания в нем «третьего императора». Например, отставной гвардейский унтер-офицер М. Голев не раз «при всех казаках говаривал» ему: «"А это ты забыл, как бывало, уча гвардию-та, да палкой в груди тыкал, коли мало ружьем не так што сделаешь?" ... Оной же Голев многих толпы ево людей уверял, што он - государь, и он ево знал». Одним словом, сообщения о том, что «служил самозванцу верно, почитая его за истиннаго государя, по уверению многих, бывших в толпе у злодея-самозванца, самовидцов покойнаго государя», представляются вполне типичными для мотивировки соответствующего выбора простонародья, умножая ряды восставших за правое дело. ¹⁷⁸

Причем, самозванец нередко сам сознательно шел на известный риск, акцентируя черты своего предполагаемого внешнего сходства с тем, за кого он себя выдавал, как это случилось, например, в истории с купцом А. Долгополовым, якобы, присланным к нему от цесаревича Павла Петровича. Перед большой группой собравшихся бунтовщиков приезжему был задан прямой вопрос: «Злодей спросил купца: «Што ж, дедушка? узнал ли ты меня?» – «Как не узнать, ваше величество?» отвечал купец ... А потом, оборотясь к нам, говорил: «Не сомневайтесь, господа казаки! он – подлинной государь Петр Федорович, я точно его знаю ... Злодей, показываясь обрадовавшимся, приказал подать по чарке вина, и, приняв наперед сам чарку, сказал: «Здравствуй, я, великой государь!»». ¹⁷⁹

Не менее запоминающийся эпизод произошел во время боев у крепости Оса, когда осажденные «выслали какого-та гвардейца отставнаго для опознания злодея, не государь ли он в самом деле ... Как же сей приведен

¹⁷⁷ Сподвижники Пугачева свидетельствуют // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 102–103.

¹⁷⁸ Протокол показаний Е.И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената от 15 ноября 1774 г. // Емельян Пугачев на следствии. Сб. док-тов и материалов. М., 1997. С. 218; Пугачевщина. Т. 2. С. 166, 328 и др.

¹⁷⁹ Пугачевщина. Т. 2. С. 147.

был, и сказано ему было, чтоб он узнавал из представленной ширенги государя, – то он, смотря порознь на каждого, наконец, уставил глаза свои прямо на злодея, смотрел пристально; почему злодей, прервав бывшее тогда молчание, сказал: "Што, старик? узнал ли ты меня?" ... "Смотри, дедушка, хорошенько! узнавай, коли помнишь!" Старик, глядя на него еще долго, сказал ему: "Мне де кажется, што вы походите на государя". Злодей сказал на сие: "Ну так смотри ж, дедушка! поди, скажи своим-та, штоб не противились мне, а то вить я всех вас предаю смерти". С чем старик и пошел в крепость ... А на другой день паки тот же старик прислан был из крепости узнавать злодея и, смотря на него, закричал громогласно: "Теперь я узнаю, што ты подлинно наш надежа-государь!" и потом поклонился. А злодей сказал: "Ну, старичок, когда ты меня узнал, так поди жа, уговори своих афицеров, штоб не проливали напрасно крови и встретили бы меня с честью". Старик возвращаясь в крепость и подходя блиско, кричал: "Господа афицеры! полно, не противтесь, подлинно государь наш Петр Федорович!" Почему бывшия в крепости, отворя ворота и вышед из крепости с хлебом и солью встречали злодея». ¹⁸⁰

В упомянутой чуть ранее ситуации А. Перфильева и его спутника П. Герасимова, как и планировалось ими изначально, дело также дошло до телесного узнавания, ход и результат которого едва ли не до мелочей напоминают аналогичную процедуру с самозванцем Ф. Богомоловым. Яицкий сотник А. Перфильев «спрашивал ево, Герасимова, узнал ли он государя-та и действительно ли ето он? Герасимов же на то отвечал: "Кажется, де, что он точно, я ево признаю, да вить, де, время-та давно прошло, человек переменялся. Теперь он стал уже постарее, а к тому же и в бороде ходит, так гораздо переменялся против прежняго"». ¹⁸¹

Вспомним, что у Ф. Богомолова в результате идентификации с сакральным образом появилась целая группа верных сподвижников. Так же произошло в случае с Е. Пугачевым. А. Перфильев стал ближайшим «любимцем и содейственником» повстанческого «императора», да и П. Герасимов служил ему верой и правдой вплоть до своей гибели в бою у Татищевой крепости. И подобных примеров в истории Пугачевщины можно найти немалое количество.

Впрочем, в процедуре публичного опознания, в действительности, была заложена «мина замедленного действия». Рано или поздно в отлаженном механизме мог произойти серьезный сбой, когда результаты визуального осмотра оказались бы отрицательными. Так, например, случилось под Царицыном, где произошла встреча «третьего императора» с донскими казаками. Хорошо знавшие его по прежним временам они в ходе переговоров прямо называли «самозванца Емельяном Иванычем», чем внесли

¹⁸⁰ Там же, с. 148.

¹⁸¹ Сподвижники Пугачева свидетельствуют ... С. 105.

смятение в умы бунтовщиков, «так и великое сумнение стало, что он самозванец и въподлинно полно ли царь ли».¹⁸²

Безусловно, с нашей точки зрения, внешность Е. Пугачева заметно отличалась от визуальных габаритов прототипа. В собирательном описании источников он выглядел так: «сам собою смугловат», «средняго роста» – «дву аршин четырех вершков с половиной», «весьма крепкого сложения», «широк в плечах», «но в животе тонок», «корпусный», выделялся «отменным станом», «от золотухи ниже правой и левой титек две ямки», «лицом кругловат» и «сухощав», «на лице имеет желтые конопатины», «от золотухи на левом виску шрам» – «круглый белый признак величиною с двукопеечник», «нос с небольшою на нем горбиною, конец его кверху загнулся, и кожа лупитца», «во рту верхнего спереди зуба нет», «глаза у него чрезвычайно быстры», «черные и большие», «прищуриванием одним глазом», «волосы, борода и усы черные» («темнорусые») «с сединою», «по-казацки» подстрижен, «борода была клином» «небольшая» («окладистая»), «окомелком», «волосы всклокоченные», «голос несколько сиповат», отличался «лежкостию походки, бодростию».¹⁸³

«Короче говоря, - как отмечалось в одной из монографий, - Пугачев совсем не походил на подлинного Петра III – голубоглазого блондина и упитанного увальня».¹⁸⁴

Понятно, что в рамках телесного кода традиционной культуры это было не самым главным: не зеркальное тождество с реальным обликом, а его семантическое отражение значили много больше для носителей традиционного сознания. В ход шли даже растиражированные народной мифологией слухи о том, как «его высокопревосходительство, господин генерал-аншеф и разных ординов ковалер, Александр Ильич Бибииков съехался з государем и, увидя точную ево персону, устранился и принял ис пуговицы крепкого зелья, и умер».¹⁸⁵

И, тем не менее, внешний вид «императора казаков» в символических ассоциациях современников, конечно, едва ли мог реанимировать

¹⁸² Пугачевщина. Т. 2. С. 168.

¹⁸³ Державин Г.Р. Записки. 1743–1812. М., 1860. С. 98; Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773–1775 гг. Сб. док-тов. Ростов-на-Дону, 1961. С. 39; Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793. Т. 3. СПб., 1872. Стб. 490; Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибиикова. М., 1865. С. 114–115; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. Сб. док-тов и материалов. Ижевск, 1974. С. 81–82; Курмачева М.Д. Города Урала и Поволжья в крестьянской войне 1773–1775 гг. М., 1991. С. 215–216; Пугачевщина. Т. 2. С. 106, 121–122, 242.

¹⁸⁴ Паскаль П. Указ. соч. С. 46. Надо признать, что описание внешности Петра III французским историком не совпадает со многими другими известными словесными и портретными репрезентативными изображениями этого государя – «тщедушного, нескладного, с пустым самодовольным взглядом».

¹⁸⁵ Пугачевщина. Т. 2. С. 347.

сакральные образы «подлинного» государя: «При первом взгляде на мнимаго царя я не верил глазам: я видел портреты истиннаго Петра III и, сравнивая черты того и другаго, нашел много несходства. Скоро я узнал в нем обманщика ...», - заметил один из наблюдательных и осведомленных пугачевцев.¹⁸⁶

С точки зрения телесности не последним фактором в возникавшем нередко недоверии самозванцу должно быть признано наличие у него бороды, что в глазах очевидцев не раз ставило под сомнение и саму обоснованность его высочайших претензий. На традиционную, но трансформировавшуюся под натиском модернизации, семантику бороды как культурного знака было указано в предыдущем параграфе на примере других лжецарей XVIII века. Неудивительно, что с соответствующей семиотической реакцией на нее мы сталкиваемся и в истории самозванческой интриги Е. Пугачева. Откровенные недоумения простолюдинов донесли до нас со страниц сохранившихся источников, например показаний яицкого казака К. Кочурова – преданного пугачевца: «Во все время его бытия в злодейской толпе, - сообщал плененный повстанец, - самозванца считал он, по словам других, за истиннаго царя, но то только некоторое сумнение ему наводило, что он ходил в бороде и в казачьем платье, ибо он слышал, что государи бороду бреют и носят платье немецкое; посоветовать же о том с другими он не посмел, потому что за малое сумнение о его подлинности вешали».¹⁸⁷

Понимая, насколько невыразительной в контексте монархических притязаний может восприниматься его внешность, ощутивший свое высокое призвание Е. Пугачев всячески пытался компенсировать природную невзрачность, изрядно приукрасить нехватку аристократичности в чертах лица и благородства в изгибах тела, например, с помощью роскошных, пышных одеяний. Наряды становились важным элементом в механизме конструирования образа «истинного» царя, т.к. одежда – это «сложноорганизованная культурная подсистема, идентифицирующая и маркирующая пол, возраст, социальное, этническое, религиозное положение человека, подчеркивающая его статус в обществе и его отношение к обществу». Показательно, что многие «культурно и социально значимые аспекты повседневной жизни характеризуются через код одежды». Как известно, одежда – это «продолжение тела человека, его вторая кожа», которая «нагружается множеством культурно и социально значимых смыслов».¹⁸⁸

Обратим внимание, что при встрече с казаками самозванец одет был весьма неказисто: «в то время был в самом простом казачьем платье», в «посконной рубаше и в крестьянском платье», «сапоги были худы»,

¹⁸⁶ Рассказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте [Горный писчик Верхоланцев] // Курмачева М.Д. Города Урала и Поволжья в крестьянской войне 1773–1775 гг. М., 1991. С. 215–216

¹⁸⁷ Пугачевщина. Т. 2. С. 124.

¹⁸⁸ Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб., 2011. С. 135, 145.

«рубашка на мне гроша не стоила» и т.д. И если на первых порах несвежесть и оборванность одежды (не имелось даже запасной рубахи) еще можно было как-то объяснить долгими странствиями и многими лишениями названного императора, то в дальнейшем надетые на нем рубище и лохмотья могли окончательно скомпрометировать «высочайший» имидж и разрушить все великое начинание. Требовалось срочно нарядить его соответствующим заявленному статусу образом. Откликаясь на поручение «надежи-государя», яицкий казак Д. Лысов говорил: «Хорошо, и я-де пришло вашему величеству и кафтан с шапкою полутче».¹⁸⁹

Старались, как могли, и другие сторонники «третьего императора». В результате совместных усилий поставленную задачу с успехом удалось решить. Теперь самозванец уже «отличался от прочих богатым казачьим, донским манером, платьем и убором лошадиным ... А когда он приехал с Яику, в первую или вторую поездку, то привез отсюда красную ленту, такую, какия он, Шигаев, будучи в Петербурге, на генералах видал, и ту ленту надевал он на себя под кафтан при нем, Шигаеве, раза с четыре». Чтобы принарядить «царя-батюшку» казаки привезли ему «бешмет коноватной, зипун зеленой суконной, шапку красную, кушак, а сапоги были куплены Мясниковым» Кроме того, на нем иногда была «парчевая бекеша, род казацкого троеклина, сапоги красные, шапка зделана из покровов церковных, пограбленных его приверженцами».¹⁹⁰

Одним словом, по верному суждению историка В.Я. Мауля, «нарядная, изукрашенная одежда становилась важным элементом в механизме идентификации Пугачева, в обосновании его претензий на царское имя».¹⁹¹

Однако одежда, более-менее подходящая заявленному образу и выделявшая его на фоне других, была лишь одним из многих необходимых атрибутов в процессе сакрального узнавания Пугачева/Петра III. Помним, что появлению «истинного» царя всегда предшествовала народная молва о его страданиях, гонениях, странствиях и т.д., без чего самозванцу не стоило даже пытаться заявлять о себе в высоком обличии.

Так было и в истории самозванчества Е. Пугачева. Из приведенных выше показаний А. Перфильева явствует, что уже с давних пор (с 1760-х

¹⁸⁹ Протокол показаний Е.И. Пугачева на допросе в Яицкой секретной комиссии 16 сентября 1774 г. // Емельян Пугачев на следствии. Сб. док-тов и материалов. М., 1997. С. 77; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 421. Л. 2 об.; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 124 об.; Пугачевщина. Т. 2. С. 195.

¹⁹⁰ Пугачевщина. Т. 2. С. 106; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 330; Рассказ, записанный со слов ... С. 216.

¹⁹¹ Мауль В.Я. Штрихи биографии Е.И. Пугачева в социокультурном контексте переходной эпохи: опыт нового прочтения // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной информации. Январь 2005. № 40: Социокультурные аспекты изучения русского бунта. Томск, 2005. С. 58; Мауль В.Я. Емельян Пугачев: восхождение личности в социокультурном контексте переходной эпохи // Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей. Ростов-на-Дону, 2006. Вып. 1. С. 246.

годов) на Яике ходили упорные слухи о Петре III и его чудесном спасении. Они неоднократно пересказывались казаками в кругу доверенных лиц, усиливались по мере получения новых известий об очередном ложном «третьем императоре», формируя позитивную психологическую установку – готовность к возможному его возвращению. Накануне появления здесь Е. Пугачева, в связи с недавней памятной историей самозванца Ф. Богомолова, слухи об императоре Петре Федоровиче набрали стремительные обороты, в том числе распространяясь среди яицких казаков. Об этом свидетельствуют, в частности, красноречивые признания престарелых братьев Щучкиных: «Назад тому года с три, была у них народная молва о проявившемся в Царицыне каком-та человеке, сказывающемся государем Петром Федоровичем; однако ж, она была неосновательна: одни называли ево самозванцом, а другия говорили, что не самозванец, а в подлинну государь Петр Федорович. Слышно было и то, будто он из-под караула из Царицына ушел. Они же, Щучкины, о сем хотя и сомневались, откуда бы государь взялся, однако ж, думали: может де и то статья, что он подлинно жив ... Что о смерти государя Петра Федоровича слышали, в том не запираютца, ибо де и о том ж было, что он также спасся, как и в Царицыне, странствовал по чужим землям довольное время».¹⁹²

Один из первых, познакомившихся с Е. Пугачевым яицких казаков, Д. Пьянов вспоминал, как в разговоре между ними были затронуты те же самые актуальные темы: «Здесь-де слышно было на Яике, што проявился было какой-та в Царицыне человек и называл себя государем Петром Федоровичем, да бог-де знает, после о нем и слуху нет, иные-де говорили, что он скрылся, а другие говорили, что ево тут засекали». Понимая, что благоприятные слухи требуется поставить на службу великому делу, «Емелька отвечал: "Это де правда, и тот есть подлинно царь Петр Федорович; и, хотя его в Царицыне поймали, однако ж, он ушел, а вместо его замучили другова". На то Пьянов говорил: "Как этому статца? вить Петр Федорович умер". А Емелька говорил: "Не правда, – он так же спасся и в Петербурге от смерти, как и в Царицыне"».¹⁹³

В контексте концептуализированных нами факторов успеха и верификации их на многих примерах, отмечалось, что ложным претендентам было свойственно использовать, как правило, уже имеющиеся в народе слухи ради задуманного ими грандиозного или не столь масштабного предприятия. Соответствующим образом, как мы видим, поступал и Е. Пугачев, которому «пришла мысль воспользоваться таким слухом в свою пользу для осуществления заветной его мечты».¹⁹⁴

¹⁹² Пугачевщина. Т. 2. С. 177, 178–179.

¹⁹³ Протокол показаний Е.И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 1 декабря 1774 г. // Емельян Пугачев на следствии. Сб. док-тов и материалов. М., 1997. С. 229; Пугачевщина. Т. 2. С. 116; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 34–34 об.

¹⁹⁴ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 156.

Однако в отличие от большинства других монархических самозванцев, только приспособлением к тиражируемой народной молвой чужой славе ограничиваться не стал. Воспринимая себя в высоком названии, он при встречах с людьми, в разговорах с ними намеками или прямыми словами намеренно способствовал активизации соответствующих слухов и пересудов, но ориентированных уже исключительно на собственную персону в качестве государя. В источниках неоднократно приводятся сведения о том, как самозванец «приказывал ... между тем и объявлять о себе кое-кому набедным людям», «надобно потребовать от войска яицкого человека-другова хороших людей, я бы де с ними поговорил, чтоб они повестили яицкому войску собиратся ко мне сюда», «хорошо, други мои, с богом поезжайте то жа, да смотрите повещайте в войске надежным людям» и т.д.¹⁹⁵

Причем Пугачев/Петр III старался внимательно отслеживать результаты своей «пропаганды», узнавать, насколько серьезное брожение умов ему удастся спровоцировать своими действиями и высказываниями, сам нередко заинтересованно спрашивал у казаков: «что, други мои, слышно у вас обо мне в войске яицком, хотят ли меня принять?»¹⁹⁶

И вот уже «та молва по Яику и была, что государь был у Пьянова в доме ... Мы же де, козаки войсковой стороны, все уже о том думали и дожидались весны; где ни сойдемся, говорили войсковые все: "Вот будет государь!" И как приедет, готовились ево принять».¹⁹⁷

По причине ареста и тюремного сидения в Казанском остроге Е. Пугачев вновь смог оказаться на Яике не весной, как планировалось («ждите де меня весною, я де к вам буду»), а только к осени 1773 г. Полугодовая задержка не сильно обрадовала казаков, тем более что после разгрома восстания 1772 года и обрушившихся на них тягот они переживали не лучшие времена. Потому-то долгожданное появление «императора Петра Федоровича» вызвало лавинообразный поток позитивных слухов и разговоров об «истинном» царе, которые оживленно обсуждались, но только в узком кругу верных людей с войсковой (непослушной) стороны. Так, посетив Яицкий городок, будущий пугачевский сотник Т. Мясников «спрашивал Чику и Кочурова по тайности так: что, братцы, слышали ль вы, на Таловой чудо проявляется? Слышали, отвечали они, но бог де знает, говорил Кочуров, полно правда ли, вить вот прошлаго года слых был, что он проявился было под Царицыне, ну да што было, только что народа та, сказывают, много в нем пропало».¹⁹⁸

В другой раз в дом к Т. Мясникову пришел «казак Степан Безштаннов, и посидя недолго, между разговор спросил его, Мясникова: што де ты не слыхал ли каких новинных вестей? На сие он отвечал, а вот де, брат,

¹⁹⁵ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 124 об., 126, 130 об. и др.

¹⁹⁶ Там же, Л. 129 об.–130.

¹⁹⁷ Пугачевщина. Т. 2. С. 129.

¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 119.

вести та какия я слышал, сказывают, что около нас проявляется государь Петр Федорович. Бесштаннов на сие сказал, да ето де я и сам слышал, да Бог де знает, правда ли полно ето, не слыхать где он теперь? На сие он, Мясников, сказал ему, етова я не знаю, но говорят, что подлинно он батюшка, а Бесштаннов сказал, хорошо, брат, ежели он подлинно, ну а ежели не он, а войско его примет, но другия принять не согласятся, так вить больно будет худо и будет между усобная брань; и так де, брат, наши дома от мятежей та вверх дном стали».¹⁹⁹

Все эти и многие другие примеры, несомненно, подтверждают потенциальную готовность яицких казаков к встрече с «царем-батюшкой», доказывают наличие психологической предрасположенности, которая сложилась в результате симбиозного действия комплекса объективных и субъективных факторов. Теперь самозванцу именно здесь с высокой долей вероятности можно было надеяться на успех («думал он, Емелька, что его на Яике, как казаки все находятца в возмущении, конечно примут»²⁰⁰) и пробовать являть миру свою «венценосную» особу, тем более что кое-какую память о себе Е. Пугачев оставил заранее, еще в первое свое пребывание в этих краях.

Подобно многочисленным предшественникам, от него требовалось действовать так, чтобы развеять имеющиеся сомнения в своей «подлинности», которые не без оснований высказывались окружающими: «Как же Идеркей сию речь окончил, то я, слыша прежде, что государь скончался, напоянул ему о сем и сказал: "Откуда взятся государю? Разве вы дьявола какова нашли?"», - вспоминал на допросе бывший секретарь повстанческой Военной коллегии яицкий казак Балтай Идеркеев.²⁰¹

Чтобы склонить потенциальных сторонников на свою сторону, самозванец должен был предъявить им соответствующие культурным императивам эпохи веские доказательства. Среди них одним из наиболее убедительных в XVIII веке считалось наличие «царских знаков» на теле. «Огромные массы людей, пропитанные мифологическим сознанием, - писал историк Е.В. Анисимов, - верили в "чудесные спасения", "царские знаки" и, недовольные своей жизнью, шли за самозванцем. История Пугачева показала, как можно с выгодой использовать эти народные настроения».²⁰²

Не соглашаясь с высказанным выше мнением по поводу «выгоды», отметим, что данный мифологический мотив действительно сыграл существенную роль в истории Пугачева/Петра III: «Простонародье редко просило иных доказательств царского происхождения самозванца, кроме

¹⁹⁹ Там же, Л. 124 об.-125.

²⁰⁰ Протокол показаний Е.И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 4–14 ноября 1774 г. // Емельян Пугачев на следствии. Сб. док-тов и материалов. М., 1997. С. 142.

²⁰¹ Сподвижники Пугачева свидетельствуют ... С. 108.

²⁰² Анисимов Е.В. Дыба и кнут ... С. 44.

осмотра, позволявшего убедиться в наличии на его теле "царских знаков", - резонно подчеркнула И. де Мадариага.²⁰³

Причем, важно заметить, что здесь обнаруживаются как общие, так и особенные моменты в сравнении с другими искателями высочайшего имени и/или титула.

Известно, что впервые «царские знаки» Е. Пугачев продемонстрировал хозяину постоянного двора (умета) отставному солдату С. Оболяеву по прозвищу Еремина Курица. Самозванный император на допросах дважды вспоминал об этом своем первом опыте, причем без заметных расхождений в изложении событий: «А на другой день просил я Еремину Курицу, чтоб велел истопить баню. Когда же она была готова, то пошли с ним вместе. А по выходе из бани Еремина Курица спросил меня: “Что-де это у тебя на груди за знаки?” На то я говорил: “Ето-де знаки государевы”. А как Еремина Курица, усумняся, говорил: “Что ты говоришь, какая государевы?” На то я ему подтвердил: “Я-де сам государь Петр Федорович”. Еремина Курица замолчал, и пошли из бани к нему в землянку, где я ему и стал еще говорить с уверением, что я – подлинно государь. А он, сему поверя, делал мне, яко царю, приличное учтивство».²⁰⁴

Во время большого допроса в Москве в ноябре месяце 1774 г. Е. Пугачев повторил эту историю, только конкретизировав, что инициатором похода в баню все-таки был С. Оболяев, а разговор о «знаках» произошел во время банных процедур, а не после них, а уж затем «он, Емелька, спросил Еремину Курицу: “Што ж, как ты думаешь, будут ли яицкие казаки согласны и примут ли меня?” И на сии слова Еремина Курица говорил: “А вот ко мне скоро будет казак Закладнов, так я ему поговорю, чтоб он прислал ко мне хорошева человека, ково я знаю”».²⁰⁵

Показания, данные С. Оболяевым, в принципе подтверждают вышесказанное, лишь уточняя отдельные нюансы. По его словам, первым о «знаках» заговорил не он, а сам Е. Пугачев: «а приметил ли ты на мне царские знаки? ... - Какие знаки? Я не только не видывал, но и не слыхивал, что за царские знаки такие. - Прямая ты курица! О царских знаках даже не слышал! Ведь каждый царь имеет на себе телесные знаки... - Что это, Пугачев, к чему ты это говоришь, спрашивал уметчик, - каким быть на тебе царским знакам? - Экой ты безумный, и догадаться даже не можешь к чему я говорю, ведь я не донской казак, как тебе сказан, а государь ваш Петр Федорович. Услышав такая слова, Оболяев испугался и «так как бы кожу на нем подрало», ведь у него гостит сам царь».²⁰⁶

Второй, и последний раз сюжет с «царскими знаками» всплыл во время знакомства делегации яицких казаков со своим будущим предводителем.

²⁰³ Мадариага И. де. Указ. соч. С. 385.

²⁰⁴ Протокол показаний Е.И. Пугачева на допросе в Яицкой секретной комиссии ... С. 71.

²⁰⁵ Протокол показаний Е.И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 4–14 ноября 1774 г. ... С. 159.

²⁰⁶ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 178.

От того, поверят ли они в его «императорскую» ипостась, зависел успех всего самозванческого начинания. Участники судьбоносной встречи впоследствии дали близкие по содержанию показания о том, как «свидетельство знаков самозванцовых происходило». По словам Т. Мясникова, казаки, собравшиеся на постоялом дворе С. Оболяева, сначала пообедали совместно с названным Петром III, после чего приступили к процедуре опознания: «Караваев спросил: "Цари де, я слышал, имеют на себе царские знаки. Так, буде ты – царь, то покажи нам их". А государь тотчас разрезал ножом у рубахи ворот, показал им на теле под титьками на обеих сторонах какия-та пятны и на виске пятно ж и сказал: "Вот де, смотрите, вить у вас таких знаков нет. Не сомневайтесь о етом, я есть подлинно государь Петр Третий!" Тогда ево, Мясникова, великой страх обуял, так что руки и ноги затряслись».²⁰⁷

Никаких принципиально новых сведений не вносят в данный рассказ показания самого Е. Пугачева на допросе в Москве: «А как сели, то Караваев говорил ему, Емельке: “Ты-де называешь себя государем, а у государей-де бывают на теле царские знаки”, то Емелька, встав з земли и разодрав у рубашки ворот, сказал: “На вот, кали вы не верите, што я – государь, так смотрите – вот вам царской знак”. И показал сперва под грудями, как выше сего он говорил, от бывших после болезней ран знаки, а потом такое ж пятно и на левом виске».²⁰⁸

В пугачевской версии с «царскими знаками», наряду с уже известными сюжетными ходами, заметны некоторые специфические нюансы, которые мало знакомы нам по эпизодам с другими российскими претендентами на высокое имя и/или статус. Обратим внимание, что прежде (до Е. Пугачева) потенциальные сторонники обычно не требовали от самозванцев предъявления сакральных отметин царского происхождения, как правило, инициатива исходила от самих лжецарей. Иное дело, события, развернувшиеся на Таловом умете недалеко от Яицкого городка ранней осенью 1773 г. Можно предположить, что к этому времени процесс формирования и трансформации народной монархической концепции в своих основных параметрах подошел к завершению. Отныне обе стороны прочно успели «выучить» уроки истории, а «правила игры» были окончательно и обстоятельно расписаны традицией, не допуская сколько-нибудь вольного их толкования.

Пугачевский пример отличается от всех предыдущих еще и тем, что в нем «царские знаки» были востребованы только в самом начале действия как необходимый элемент в системе первичной идентификации правителя. После же состоявшегося «узнавания» и последовавшего за ним признания

²⁰⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 121 об.; Протокол показаний сотника яицких казаков-повстанцев Т.Г. Мясникова на допросе в Оренбургской секретной комиссии 9 мая 1774 года // Вопросы истории. 1980. № 4. С. 98.

²⁰⁸ Протокол показаний Е.И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 4–14 ноября 1774 г. ... С. 161–162.

необходимость в их демонстрации отпадает. Ни в одном из известных нам источников, в которых отражена более поздняя канва событий восстания, мы с «царскими знаками» не сталкиваемся, никто о них не вспоминает и не рассказывает сторонникам или противникам с целью укрепить их веру в Пугачева/Петра III. В случаях же с другими самозванцами XVIII века широкое распространение среди населения слухов об особых отметинах на теле названных государей сопровождало каждый их шаг, от завязывания интриги и вплоть до момента разоблачения и пленения, оказываясь необходимым элементом в процессе перманентной идентификации.

Помимо сказанного, в двух рассмотренных эпизодах с «царскими знаками» на теле Е. Пугачева отражена различная каузальная последовательность фрагментов единой целостной картины встречи «государя» с народом. Так, моясь в бане, С. Оболяев еще не ведает, что его постоялец является «истинным» царем, он узнает об этом, только обнаружив у того на теле некие отметины, отчего и признает его за государя. Иная очередность событий наблюдается при знакомстве назвавшегося третьего императора с казачьими представителями. Прибывшие для опознания делегаты уже изначально осведомлены о предстоящем им свидании с персоной «монарха». Не без внутреннего трепета требуя от него предъявления «знаков», они, по сути дела, ставили вопрос о правомочности его высочайших притязаний, и сами боялись разочароваться в своих ожиданиях.

Изложенной трактовке событий несколько противоречат показания, что были даны Е. Пугачевым во время первого допроса в Яицком городке. В отличие от более поздней версии, здесь он, имея в виду телесные отметины, заявил, что «гербом и орлом российским отнюдь я тогда не называл, что сказано на меня, естли кто говорил, - напрасно». И хотя вся пересказанная им беседа с казаками в глазах дознавателей по содержанию также была крамольной, но, все же, выглядела чуть более безобидной для последственного: «Когда же пообедали ... и помолились богу, то Караваяев мне говорил: “Покажи-тка-де, государь, нам царския знаки, чтоб было вам чему верить, и не прогневайся, что я вас о сем спросил”. Почему я взял ножик и, разрезав до пупа ворот у рубашки, показывал им свои раны. А как они спросили: “От чего-де эти знаки?” На то я говорил: “Когда-де в Петербурге против меня возмутились, так ето гвардионцы кололи штыками”. Шигаев же, увидя у меня на левом виске пятно (от золотухи), спросил: “А ето-де что у вас?” На то я говорил: “Ето-де шрам у меня, потому что болело”».²⁰⁹

Возможно, в данном случае мы также имеем дело с выраженными элементами социальной мимикрии. Сразу после пленения Е. Пугачев, на что-то еще отчаянно надеясь, безуспешно пытался представить себя не в столь злодейском виде, переложить хотя бы некоторую часть вины на

²⁰⁹ Протокол показаний Е.И. Пугачева на допросе в Яицкой секретной комиссии ... С. 74.

своих сообщников. Но в ходе дальнейшего разбирательства следствию удалось воссоздать реальную картину произошедшей на уме С. Оболева демонстрации «царских знаков».

Итак, предъявив яицкой делегации «специальные отметины», Е. Пугачев сумел убедить их признать в нем императора Петра III. Промежуточная и очень важная задача была успешно решена. Далее начинали работать иные идентификационные механизмы, т.к. наметившийся успех следовало крепить и развивать. Причем, для обеих сторон не было секретов в том, как этого добиться, установленные традицией «ходы» были всем понятны и известны. Не должно удивлять, что вслед за высочайшим возглашением тут же следовали и соответствующие встречные вопрошания со стороны очевидцев. Например, при первом разговоре с Д. Пьяновым, находящийся в бегах Е. Пугачев, вдруг признался ему: «"Вот, слушай, Денис Степанович, хоть поведаешь ты казакам, хоть не поведаешь, как хочешь, только знай, что я – государь Петр Третий"». Любопытна ответная реакция простого казака на столь неожиданное заявление: «И оной Пьянов изумился, а потом, помолчав немного, спросил: "Ну, коли ты – государь, так Расскажи-шь мне, где ты странствовал?"»²¹⁰

Примечательно, что с таким точно же запросом обратились к Е. Пугачеву и те несколько яицких казаков, которые были непосредственными свидетелями предъявления «царских знаков». «А казаки говорили: "И нам слышно-де было, что государь скончался, однакож-де более проговаривали, что он жив, да взять-де не знали где. А теперь и видим, что ваше величество здесь. Да где же вы так долгое время были?"»²¹¹

Ответы Е. Пугачева звучат, как будто заранее были им тщательно продуманы и заботливо заготовлены. Они подтверждают, что он не только был прекрасно осведомлен о характере возможных требований к «венценосному» кандидату, но и хорошо представлял, какие по содержанию реплики могут быть сочтены слушателями наиболее подходящими случаю: «Причем самозванец говорил им к речи о боярах и такая слова: «Они де, ракальи, вымыслили обмануть народ, что я умер, и так, подделав похожую на меня из воску чучалу, похоронили под именем моим». Поэтому он «во время своего самозванства, часто рассказывал о странствовании своем», «говаривал, яко-бы он великия нужды претерпел от всемилостивейшей государыни (называя женою) и от бояр своих, которых часто он бранил и грозил отмщением и истреблением всех дворян».²¹²

²¹⁰ Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 4–14 ноября 1774 г. ... С. 147. В другой версии показаний слова, произнесенные Д. Пьяновым, по сути, не меняются: «И на то оной Пьянов ему, Емельке, сказал: "Да скажи же, пожалуй, как тебя бог сохранил, и где ж ты так долго странствовал?"».

²¹¹ Протокол показаний Е.И. Пугачева на допросе в Яицкой секретной комиссии ... С. 74.

²¹² Пугачевщина. Т. 2. С. 112–113, 161–162.

На примере многих самозванцев XVIII столетия мы убедились, что сюжеты странствий «истинного» царя в коллективной ментальности того времени обязательно коррелировали с мотивами сакральной географии, в соответствие с которой любое перемещение в пространстве воспринималось одновременно и как движение по нравственной шкале восхождения к святости или наоборот. Причем в традиционном сознании все известные территории и части света уже были маркированы тем или иным образом. В этой связи можно заметить, что повествования Е. Пугачева о своих вымышленных путешествиях выглядят намного обстоятельнее, а значит и убедительнее, чем у его многочисленных предшественников. В них, что называется, нет случайных топографических и географических обозначений, все названия приобретают особый ментальный колорит. При этом он никогда не путался в перечислении якобы посещенных объектов, заметным образом не менял мнимый маршрут от рассказа к рассказу, лишь иногда разнообразя его дополнительными штрихами и семантически значимыми подробностями.

Так, например, Д. Пьянову он поведал еще лапидарную историю: «И я-де ходил в Польше, в Цареграде, в Египте, а оттоль пришол к вам на Яик».²¹³

Несколько более содержательными выглядели путешествия названного императора по пути страданий и обретений в той версии, что он представил на суд яицких казаков Д. Караваева, М. Шигаева, И. Чики-Зарубина и Т. Мясникова после демонстрации им «особых знаков». Потихоньку вживаясь в новую и пока еще не привычную для себя «царскую» роль, Е. Пугачев по их просьбе живописал собственные легендарные странствия: «Был-де я в Киеве, в Польше, в Египте, в Иерусалиме и на реке Терке, а оттоль вышел на Дон, а с Дону-де приехал к вам. И слышу, что вы обижены, да и вся чернь обижена, так хочу за вас вступиться и удовольствовать. И хотя-де не время было мне явиться, однакоже, видно, так бог привел. А когда вы меня не примете, так пойду на Узень для жительства до времени». После чего сокрушенно добавил: «И где-то я не был! Был в Царицыне под караулом и в Казане, и изо всех мест меня бог вынес».²¹⁴

Насколько действенным фактором убеждения становились такие ожидаемые слушателями частые рассказы и обмолвки, свидетельствуют показания оренбургского казака Т. Подурова. Он честно признавался, что правительственным разоблачениям «никто из нашей толпы верить не хотел, потому что самозванец прежде онаго привел всех к легковерию рассказыванием своей истории» о боярских кознях и чудесном спасении: «и с тех де пор, - повествовал им Е. Пугачев, - я странствовал, - тому назад тринадцатой год; и был в Польше, в Цареграде, во Иерусалиме, у папы римскаго и на Дону, и много де в это время потерпел я нужды, был и голо-

²¹³ Протокол показаний Е.И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 1 декабря 1774 г. ... С. 230.

²¹⁴ Протокол показаний Е.И. Пугачева на допросе в Яицкой секретной комиссии ... С. 74, 75.

ден и холоден, да еще и высидел под именем донского казака Пугачева в Казане в тюрьме месяцев с восемь, но, спасибо де, караульной солдат меня выпустил, - его де и имя у меня записано, я де его за это, естли найду, не оставлю без награждения».²¹⁵

Имеющиеся данные не позволяют, конечно, выстроить хронологически последовательный ряд мифических воплощений Пугачева/Петра III в том или ином вербально обозначенном священном центре, но в любом случае они воспринимались как «путь к искуплению грехов и духовному совершенству». Среди посещенных земель он регулярно упоминал Египет, Иерусалим, Царьград, Рим, которые на символической карте мира образовывали своеобразный культурный хронотоп, где пространственные категории святых мест органично соединялись с темпоральным понятием вечно-го времени. И все они в ассоциативном мышлении изучаемой эпохи буквально или метафорически отождествлялись со светлым образом Востока, который в рамках бинарных оппозиций противостоял темному Западу. Их соотношение «определяет смысловую символику Востока – святость, праведность, справедливость, благополучие и изобилие, жизненность, изначальность и Западу – нечистота, неправедность, бедствие, смертность, завершенность. По представлениям русских, Восток был жилищем Бога, Запад – сатаны, поэтому на Восток следовало обращаться с молитвой».²¹⁶

Раскрывавшиеся перед замороженными слушателями из уст главного героя, т.е. от первого лица, мифологические картины «паломничества» названного государя, получали живой отклик в их сердцах и душах, пробуждая архетипические припоминания о святости и мудрости вселенной и великих тайнах мироздания. Это были насыщенные полисемантическими символами и подразумеваемыми смыслами сакральные локусы, как точки сгущения мистических сил и значений, что накладывало печать высокого предназначения на самого «третьего императора», и позволяло его последователям ощущать себя сопричастными сокровенному знанию. Так формировалась безусловная преданность повстанцев своему предводителю, которая опиралась на самую прочную, духовно-религиозную основу. «Поэтому первым его апостолам было не трудно убедить часть казаков, что Спаситель уже явился», - подметил историк П. Паскаль.²¹⁷

Популярность пугачевских рассказов о странствиях по святым землям эхом отдавалась в новых тиражируемых слухах и пересудах, расходившихся из уст в уста по значительной территории необъятной

²¹⁵ Пугачевщина. Т. 2. С. 188.

²¹⁶ Громова Е.Б. Модуль сакрального пространства // Категории и концепты славянской культуры. Труды отдела истории культуры. М., 2007. С. 301; Славянские древности. Т. 1. С. 445. Понятие «хронотоп», введенное в науку В.Н. Топоровым для обозначения пространственно-временного единства художественных текстов, давно уже с успехом используется для изучения «текстов» культуры.

²¹⁷ Паскаль П. Указ. соч. С. 44.

страны. Даже в далекой Сибири велись оживленные разговоры о том, как «Петра Федоровича благословил на царство папа римский и приказал слить большой колокол, чтобы звон был слышен по всей земле для собрания силы, а по тому звону народ збунтовался и скопляется к оному царю самоохотно».²¹⁸

Из достоверных же географических передвижений Пугачева/Петра III оставались еще Польша, Дон, Терек и по России «многие города». Среди них также нет случайных мест, их упоминание оживляло сложившиеся в массовом сознании позитивные ментальные стереотипы этих незапятнанных народным недоверием земель (противостоявших «внутренней России»), имевших репутацию вольных или староверческих, но, в любом случае, воспринимавшихся как вместилище оппозиционных по отношению к официальному Санкт-Петербургу сил и настроений. С их помощью формировались психологические установки, акцентирующие виртуальные возможности не небесного, а земного спасения.

Суггестивный совместный эффект образов сакральной и ментальной географии в сознании окружающих «присваивал» Е. Пугачеву несомненные мессианские черты спасителя, за которым неизбежно шли и должны были идти верные почитатели, образуя более и менее близкое окружение, а за ним – плотные ряды окончательно уверовавших. Как отмечал позднее И. Зарубин, «чтоб кто тогда сказал или усумнился, что Пугачев не государь, – он ни от кого не слыхал, и все охотно к нему прилепились», более того: «все так об нем были уверены, что он подлинно государь, и редкой невольник был в его толпу взят, по большей части сами прихаживали всякой день толпами».²¹⁹

Сплотившаяся вокруг Пугачева/Петра III ближайшая «группа поддержки» по всем основным критериям соответствовала императивам народного монархизма. В нее входили назначенные им обладатели знатных титулов – «граф Чернышев», «граф Воронцов» и др., носители высоких воинских званий – «фельдмаршал», «генерал-аншеф», «полковники» и «бригадиры». Имелась своя «придворная» гвардия, личная охрана, «государственные» учреждения, был свой «царский» дворец, собственная столица и мн. др. Согласно мнению исследователя А.М. Панченко, создавая «в оренбургских степях недолговечное свое царство, Пугачев переименовал несколько станиц и слобод. Берда была провозглашена Москвой. Переименования коснулись не только мест, но и людей. Было назначено четыре графа, и Чика Зарубин стал графом Чернышевым. Это весьма показательно, потому что графское достоинство в отличие от княжеского было на Руси не исконным, а жалованным, сравнительно недавним для пугачевских времен. "Граф Зарубин" звучит несколько не хуже, чем "граф

²¹⁸ Дмитриев-Мамонов А.И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири: исторический очерк по официальным документам. СПб., 1907. С. 128.

²¹⁹ Пугачевщина. Т. 2. С. 133–134, 136.

Чернышев", тем более что Чика и не выдавал себя за подлинного вельможу. **Пугачевских графов нелепо считать самозванцами** (выделено мной. – Ю.О.). Они – люди с двумя именами, "двоезванцы". Все это связано с "мифологическим отождествлением", т.е. с представлением о тождестве обозначения и обозначаемого. По старинной русской традиции считалось, что царь и бояре принадлежат к исключительным родам, что "родословность" и "честь" наследуются, а не жалуются. Бунтуя против царя и его окружения, народ как бы противопоставлял им равных противников – равных по имени, а значит и по существу».²²⁰

В целом разделяя взгляды авторитетного ученого, не согласимся с ним по поводу категоричности выделенной выше фразы. Она, в частности, неверна в отношении «сановного» имиджа пугачевского «графа Чернышева» – яицкого казака И. Зарубина.

Чтобы лучше понять причины ошибочности суждения А.М. Панченко, вспомним наиболее обстоятельное и развернутое определение термина «самозванец», данное историком О.Г. Усенко. Он выделяет несколько важных его параметров: «Во-первых, самозванец – это дееспособный индивид, который знающим его людям открыто (словесно или письменно) заявлял сам, или давал понять намеками, или убеждал их чужими устами, что он не тот, за кого его принимают, и выдавал себя за носителя иного, нежели в действительности, имени и/или статуса, а от людей, не знакомых с ним, скрывал свои истинные биографические данные или искажал их, играя новую роль (неважно – взятую вследствие заранее обдуманного плана или спонтанной реакции окружающих), – и все это он делал, прежде всего, ради того, чтобы лично пользоваться плодами своих усилий. Во-вторых, самозванец – это индивид, который, начав однажды играть новую социальную роль (даже если она была принята им под принуждением или в состоянии опьянения, аффекта, душевного расстройства), подкреплял соответствующие этой роли заявления (свои и/или чужие) целенаправленными действиями (если, конечно, он не был схвачен сразу после «объявления» о себе), выстраивал свое дальнейшее поведение так, чтобы оправдывать ожидания поверивших ему людей, пусть даже он общался с ними нерегулярно и тайно. При этом он либо вообще не отрекался от вновь принятой роли, либо делал это лишь под принуждением – со стороны окружающих или официальных властей. В-третьих, самозванец – это индивид, чьи заявления и притязания были признаны в целом недостоверными и необоснованными, причем признаны в качестве таковых как современниками, так и потомками (историками); это человек, который, даже убедив на время какую-то часть людей, в конце концов, был разоблачен как обманщик (неважно – при жизни или после его смерти). В-четвертых, чтобы слыть самозванцем, человек обязан воспринимать себя в новом качестве и/или так восприниматься другими не «в шутку», а «всерьез», не в

²²⁰ Панченко А.М. Указ. соч. С. 26.

игровой ситуации, а в обычной, повседневной жизни. В-пятых, человек может считаться самозванцем, если он претендует на статус, входящий в число привычных для данного общества или хотя бы в число известных и принципиально возможных, с точки зрения представителей данного социума, если он прилагает к себе эпитеты, не вызывающие недоумения или смеха у окружающих. Иначе говоря, самозванцем является только тот, кто стремится (хотя бы мысленно) вписаться в наличную социальную структуру, найти себе место в данном обществе».²²¹

Как представляется, все названные О.Г. Усенко маркеры вполне подходят к трактовке образа Зарубина/Чернышева, который сложился в условиях восстания. Причем речь идет преимущественно об этом самозванце, а не обо всех пугачевских «вельможах». Легко заметить, что в отличие от «графа Воронцова» (М. Шигаев), «графа Панина (А. Овчинников) или «графа Орлова (Ф. Чумаков) И. Зарубин регулярно именовал себя присвоенным ему титулом. Вот лишь несколько выдержек из многих документов, вышедших из походной канцелярии восставших, располагавшейся под Уфой в селе Чесноковка: «Указ его императорского величества, государя Петра Федоровича, дан от посланного от его величества графа Ивана Никифорова»; «Наставление ... От его высокографского сиятельства Ивана Никифоровича Чернышева»; «Билет от его высокографского сиятельства Ивана Никифоровича Чернышева»; «Приказ ... От высокочиновного графа Ивана Никифоровича Чернышева» и т.д.²²²

Причем, что показательно, первый из подобных документов датирован началом (не позднее 3-го) декабря 1773 г., а последний – 13-м марта 1774 г. Учитывая, что в плен он был взят в конце 20-х чисел марта, можно убедиться, что И. Зарубин сознательно пользовался «графским» титулом практически на всем протяжении своего участия в бунте, не отказываясь от него до самых последних дней пребывания на свободе.

К этим весомым аргументам надо добавить, что многочисленной армией повстанцев он также без особых сомнений признавался в столь высоком «ранге». Об этом свидетельствуют различные источники, в том числе даже личного происхождения. Так, казак-повстанец А.А. Еремкин 17 января 1774 г. писал атаману В.И. Торнову: «Известился я, что домишка наш, за отбытием родителя, разграблен ... Почему я у его высокографского сиятельства Ивана Никифоровича [просил] милостиваго защищения». В письме другого пугачевца П.Я. Поддубкова от 24 марта 1774 г. своему родственнику сообщалось: «Желаю вам многолетнего здравия и всякого благополучия, купно и с кумошкой моей навеки. Чрез сие вам доношу, что я, яко залетная пташка, нахожусь благополучно и по милости ево высокографского сиятельства Ивана Никифоровича определен, за отъездом

²²¹ Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России ... С. 300–301.

²²² Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг. М., 1975. С. 125, 128, 131, 138 и др.

будущаго при нем секретаря, на ево место». И подобных сообщений в документах восставших встречается достаточно большое количество.²²³

Можно предполагать в такой реакции со стороны пугачевцев яркий психологический феномен, который был проанализирован историком Н.Я. Эйдельманом: «Как известно, - писал он, - министры Пугачева принимали титулы "графа Чернышева" и "графа Воронцова": это отнюдь не означало, будто они себя считают Воронцовым или Чернышевым – фамилия сливается с термином, произносится и пишется как бы в одно слово: "Графчернышев", "Графворонцов". Однако, постоянно повторяя фамилию – должность, сам носитель ее, как и окружающие, все больше верит, что слово само по себе несет некоторую силу, магию».²²⁴

Кроме того, известно, что соответствующим способом И. Зарубин нередко именовался и в документах, вышедших из враждебного повстанцам лагеря. Например, в присланной «января от 29-го дня 1774 года к ея императорскому величеству от генерала (А.И.) Бибикова всеподданнейшей реляции показано: "Здесь для одного только любопытства осмеливаюсь приложить оригинальный приказ от вора злодея Ивашки Чернышева, так называемаго графа"».²²⁵

И если в сообщении командующего екатерининскими войсками еще можно при желании найти некие оттенки легкой иронии, то в намного более серьезной тональности выдержано «Донесение Сарапульского духовного правления в Вятскую консисторию об отходе удмуртов от христианской веры от 24 февраля 1774 г.». В нем И. Зарубин неоднократно фигурирует как «чащеупоминаемый граф Чернышев», «граф Чернышев»; в другом документе – «граф Никифор, Васильев сын, Червышев». Соответствующие примеры можно легко численно умножить.²²⁶

Никакой легкомысленности в именовании «титула» выдающегося пугачевского сподвижника не обнаруживается в одном современном иностранном сочинении, жанр которого в переводе на русский язык вроде бы допускал подобную возможность. В коротком рассказе «Поймание Пугачева», помещенном в сборнике «Анекдотов о бунтовщике и самозванце Емельке Пугачеве», упоминаются вполне достоверные сведения о том, как «Михельсон разбил бунтовщика при Уфе, освободил сей, пришедший в крайность, город, и взял в плен одного злодея, который назвал себя Графом Чернышевым».²²⁷

²²³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 421. Л. 7; Документы Ставки Е.И. Пугачева ... С. 369. «Графом Чернышевым» именовали его и ближайшие сподвижники Е. Пугачева. См., напр.: Пугачевщина. Т. 2. С. 108.

²²⁴ Эйдельман Н.Я. Твой восемнадцатый век; Прекрасен наш союз. М., 1991. С. 72.

²²⁵ Пугачевские листы [Листки из записной книжки «Русской старины»] // Русская старина. 1875. Т. 13. № 6. С. 272.

²²⁶ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. Сб. док-тов и материалов ... С. 141, 142, 291.

²²⁷ Анекдоты о бунтовщике и самозванце Емельке Пугачеве. М., 1809. С. 76. Этот сборник представляет собой краткий пересказ, опубликованного в 1775 году за границей анонимного сочинения «Ложный Петр III, или жизнь и приключения бунтовщика Емельяна Пугачева».

Все приведенные выше и многие другие сведения, на наш взгляд, убедительно свидетельствуют, что вовсе не «нелепо» считать И. Зарубина вполне реальным самозванцем, действовавшим во время и в связи с пугачевским бунтом. Только это был тип не монархического, а вельможного самозванца, причем не именного, а, так сказать, фамильного характера, поскольку именем он всегда назывался своим собственным – Иван Никифорович, а не Захар Григорьевич Чернышев.

Необходимо добавить в окружение Пугачева/Петра III еще одного монархического самозванца статусного типа, точнее – самозванку. Речь идет о 17-летней яицкой красавице У. Кузнецовой, волею судеб и обстоятельств ставшей женой названного императора. Не будем подробно останавливаться на перипетиях ее биографии, так как они уже получили полноценное отражение в историографии, но, несомненно, что ее имя также должно пополнить собой реестр ложных царей и их родственников.²²⁸

Причем, бракосочетание с простой казачкой стало одной из явных промашек «надежи-государя», в конце концов, приведших многих к разочарованию в его высоких достоинствах: «Когда же Пугачев обвенчался, то в народе зделалось сумнение, что Пугачев не государь, и многия между собою говорили, как де етому статца, чтоб царь мог женитца на казачке, а потому многия начали из толпы его расходится, и усердие в толпе к ево особе истреблялось». Некоторые из бывших сподвижников, подобно И. Почиталину, на допросе прямо заявляли, что «Пугачова ныне государем я не признаю потому больше, что женился на казачке».²²⁹

Впрочем, похоже, что повстанческий вождь до конца так и не понял, в чем именно заключалась его ошибка: когда «Пугачов объявил в Берде всем своим любимцам секретно, что женился, то первыя ево советники позадумались, а он их спросил: чему вы так много оскорбились, вить на Яике мне старики присоветовали». Затруднение, с которым столкнулся новоявленный жених, пожалуй, стоит признать, действительно, трудно разрешимым и даже безвыходным. Ошибочным оказалось бы любое решение: не слушать мнения авторитетных стариков было нельзя, а принятие его обернулось массовым разочарованием в «Петре III», охватившим даже самых близких ему людей. Что ж, амбивалентный характер традиционной культуры порой, на самом деле, мог завести в тупик даже очень сильные умы.²³⁰

²²⁸ См., напр.: Мауль В.Я. Емельян Пугачев и его жены (к вопросу о гендерной проблематике русского бунта) // Клио. [СПб.]. 2012. № 11. С. 99–102; Мауль В.Я. «Если б я был султан...» (Гендерный аспект пугачевского бунта) // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008. С. 580–582; Мауль В.Я. Как яицкая казачка стала «великой государыней» (гендерные страницы политической истории Пугачевского бунта) // Казачья государственность: исторические, правовые и культурные аспекты. Краснодар, 2011. С. 29–36; Мауль В.Я. Пир и обжорство на свадьбе самозванцев (по материалам Пугачевского бунта) // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб, 2011. С. 203–212.

²²⁹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 199–199 об., 208.

²³⁰ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 200.

В целом же «блистательную свиту» Пугачева/Петра III с точки зрения простолюдинов вполне можно признать достойной принятого им на себя сакрального титула. Повстанческому предводителю удачнее всех других самозванцев XVIII века удалось воплотить в жизнь неписанные правила народного монархического сознания – «истинный» царь всегда оказывался окруженным соответствующими его статусу «вельможными придворными», вызывавшими трепет у рядовых свидетелей происходящего: «Да можно ль де нам, простым и мизирным, совет иметь с такими людьми, каков был Толкачев и ему подобныя: они де люди-та большия», - рассуждали обычные яицкие казаки.²³¹

По сообщению судьи повстанческой Военной коллегии И. Творогова, «наперстниками у него [Пугачева] были: Шигаев, яицкой казак Яким Давилин и Иван Почиталин, которые почти безъисходно были всегда при Пугачеве; также нередко к нему хаживали называемыя полковниками: Дмитрий Лысов, Тимофей Подуров, атаман Андрей Овчинников». Причем, - как не преминул уточнить автор показаний, - М. Шигаев, «будучи любимее всех злодею, имел преимущество пред всеми нами и делал то, что хотел».²³²

Персональный список «приближенных» можно, конечно, несколько расширить, но не это самое главное. Среди них, как и полагалось в «высшем свете», неоднократно вспыхивали внутренние разногласия, плелись разного рода «придворные» интриги, царило взаимное недоверие, строились изощренные козни и т.п. Ревностной борьбе предводителей восстания за место возле «государя» мог бы позавидовать и сам сановный Петербург. Яркая картина межличностных трений известна нам, например, благодаря рассказу илецкого казака М. Горшкова о том, как «на масленице пришед к нему в квартиру самозванцовой толпы сотник яицкой казак Тимофей Мясников, и будучи несколько пьян зазвал его к себе в квартиру, где подчивал пивом и как тут с ним понапились, а он уже и гораздо зделался пьян, тогда зашла у них не упомнит к чему речь о атамане Овчинникове. Мясников зачал его бранить сказывая, смотри де пожалуй, прежде сего Овчинникова и чорт не знал а ныне в какую большую милость вошел государеву и зделался над нами командиром, так что и слова уже не дает нам выговорить и ни за што нас не почитает, а ведь мы Государя та нашли, и мы его возвели, а в те де поры етаких овчинниковых и в глазах не было, а ныне де он, то есть самозванец, изволит жаловать больше ево и других подобных ему незнаемо за што, а нас оставляет».²³³

Об обостренной подозрительности Пугачева/Петра III к членам своего «двора» свидетельствовал М. Шигаев: «Как же случалось, что иногда прикажет он што-нибудь зделать, а тот, кому он приказывает, или другой кто со

²³¹ Пугачевщина. Т. 2. С. 178.

²³² Там же, с. 144.

²³³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 421. Л. 1.

стороны, станет ему поперечить и скажет, что "не лутче ли бы так, надежа-государь", - то он за сие весьма серживался и с запальчивостью приказывал исполнить тотчас то, што он приказал; а как лишь тот, которому он приказывает исполнить, выдет от него, то он, не уверяясь, сам пойдет за ним вслед и надзирает тихонько, точно ли он исполнит. И, ежели кто исполнит, так хорошо; а как скоро не исполнит, то тотчас обнадежит висилицею, естли вперед так зделает; некоторых же и самым делом вешал».²³⁴

Насколько скор на расправу был вождь бунтовщиков даже в отношении ближайших, но непокорных сподвижников, говорит судьба яицкого казака Д. Лысова, бывшего полковником в войске Е. Пугачева. Высокое положение среди повстанцев ему нисколько не помогло, «самозванец, как разумножил уже свою над ними власть, то поступал и с ними строго и наказывал всех по своей воле: ибо яицакого казака Дмитрея Лысова, которой такъже знал, что самозванец – козак Емельян Пугачев, еще при начале прославления Пугачева государем, и усерден в том ему был, но Пугачев ево повесил». Причиной сей «лютости» стали серьезные разногласия между ними вследствие жалоб окрестных крестьян, что «каманды Лысова казаки ... помещиков, на которых от крестьян и жалоб не было, несмотря на крестьянские прозьбы, чтоб оных не убивать, вешали, пожитки помещичьи и их грабили, да и самых крестьян сажали в воду», а притом и «казаки многие на него Лысова, в побоях безвинно приносили жалобу». Затем, наметившееся недопонимание переросло в открытый конфликт: «когда самозванец ездил со многими другими, все верхами, в Каргалу, откуда назад ехали все пьяные, и Дмитрей Лысов, наехав на самозванца, ударил ево копьем и проколол на нем кафтан, так что и до тела достал», за что и был казнен.²³⁵

Для характеристики отношений внутри локального сообщества вожаков показательна их корпоративная солидарность, замкнутость в силу близости к «царю», которую они старались монополизировать, не допуская в свой избранный круг никого из посторонних лиц. Широкою известность среди современников и легендарную окраску среди потомков получила трагическая судьба Т. Харловой, ставшей ненадолго не только возлюбленной женщиной, но и близким другом Е. Пугачева, чем и вызвала ревность «высокопоставленных» бунтовщиков. Впоследствии он не без горечи вспоминал об ее гибели: «Из сего лагиря взятую в Татищевой женщину и з братом послал я з берденским казаком к нему на квартиру. А как сие увидели яицкие казаки, то выехали под дорогу и убили ее и з братом до смерти за то действительно, что я ее любил. Как о чем мне было сказано после, и я об ней сожалел».²³⁶

²³⁴ Пугачевщина. Т. 2. С. 195–196.

²³⁵ Протокол показаний Е.И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 4–14 ноября 1774 г. ... С. 188; Пугачевщина. Т. 2. С. 135, 127. «Ценность» показаний И. Зарубина о якобы изначальной осведомленности в том, что их вождь – самозванец, рассмотрена нами в первой главе монографии.

²³⁶ Протокол показаний Е.И. Пугачева на допросе в Яицкой секретной комиссии ... С. 86.

Причины такого своевольтва приближенных, несмотря на возможную угрозу наказания («содержал нас в великом страхе»), хорошо передают слова атамана А. Овчинникова, сказанные им Е. Пугачеву по другому, но подобному случаю: «"Мы-де не хотим на свете жить, чтоб ты наших злодеев, кои нас разоряли, с собою возил, ин-де мы тебе служить не будем". И он, Емелька, услышав этикие слова, как оной Овчинников – первой человек во всей его толпе, замолчал».²³⁷

Иначе говоря, пример повстанческого «императора Петра III» в очередной раз подтвердил справедливость известной мудрости о том, что «короля делает свита». Потому-то позднее, на допросе, он и выговаривал «смелыми словами», что «не столько виновен, как яицкие казаки», да и «в смертных казнях ... отводит главную причину на яицких казаков, как на первых своих друзей, ибо против их представлений противиться он никак не мог, и они до сего великаго зла ево отводили своими разными до-водами».²³⁸

Действительно, взаимоотношения, как между пугачевской «придворной знатью», так и у них с «третьим императором», были достаточно непростыми, но их порой конфликтная острота отражала не что иное, как стремление казачьих вожаков занять место поближе к «царю», и заслужить себе какое-нибудь «награждение». В любом случае позиция каждого из них в борьбе за «царскую милость» долгое время базировалась на безусловной преданности своему предводителю.

Напомним, что в системе культурной идентификации это было обязательным условием, даже ближайшие сторонники самозванца должны были верить в его «истинность». Как мы видели прежде, такая убежденность подпитывалась многими стимулами, среди которых, помимо прочего, значительное место отводилось фактору «книжной премудрости» ложного претендента, его умению читать и писать – он же царь. Эти мотивы резко очертили ряд важных сюжетных линий развития самозванческой интриги Е. Пугачева, когда казаки пребывали в уверенности, что «государь Петр Федорович и по-русски, и по-немецки достаточен был в грамоте».²³⁹

Таким традиционным императивам монархического сознания нельзя было не соответствовать, но, хорошо известно, что «император казаков» данными навыками наделен не был. Зато обладал иными достоинствами, позволявшими ему долгое время поддерживать в своих сподвижниках заблуждение в наличие мнимых, но необходимых, умений: «И сему подобныя делал им уверения», - рассказывал Е. Пугачев, потому «они и уверены, что я грамоте умею, для того сказывал прежде, что на многих языках говорю».²⁴⁰

²³⁷ Протокол показаний Е.И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 4–14 ноября 1774 г. ... С. 204.

²³⁸ Рапорт капитан-поручика С.И. Маврина генерал-майору П.С. Потемкину о доставлении пленного Е.И. Пугачева в Яицкий городок и о его предварительном словесном допросе от 15 сентября 1774 г. // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 131.

²³⁹ Пугачевщина. Т. 2. С. 151.

²⁴⁰ Протокол показаний Е.И. Пугачева на допросе в Яицкой секретной комиссии ... С. 74, 77.

Приведем выборочно несколько типичных примеров, показывающих эффективность его поведенческих манипуляций, ориентированных на соответствующую реакцию окружающих. Так, И. Зарубин утверждал, что «злодей писал прямым писмом, ибо видел то он сам». Другой названный пугачевский «граф» – М. Шигаев также «видал, что он на подаваемые ему письма глазами смотрел и после другим читать отдаывал, а равно видал он и то, что самозванец иногда чертил пером по бумаге, но так ли просто марал или писал что, – он, Шигаев, не знает». Даже, находившийся у письменных дел, автор первого пугачевского манифеста И. Почиталин пребывал в уверенности, будто видел, как писал «сам Пугачев к губернатору письмо, но на каком языке – я не знаю; только слышал от Пугачева, что на иностранном языке, чему многия в толпе ево, хотя и не знали, что писано, удивлялись». Будущий разоблачитель «императора» И. Творогов также признавался в своей неосведомленности, «што злодей грамоте не умеет, ибо он пред всеми нами показывался знающим тем, что писывал в глазах наших какия-то крючки, иногда мелко, а иногда крупно, и сказывал, што ето пишет по-немецки; также, если когда подашь ему в руки што-нибудь написанное, то, смотря на оное, шевелил губами и подавал вид, што он читает; почему и не смел никто из нас опробовать его знание написанием другова, нежели он приказывал, бояся виселицы».²⁴¹

Не останавливаясь на более подробной аргументации, отметим, что данный, достаточно известный аспект пугачевской истории еще раз доказывает ошибочность тезиса академика А.М. Панченко, рассмотренного нами в соответствующем разделе предыдущего параграфа. Главным образом, это видно по тому, насколько «отрезвило» некоторых его сторонников, в конце концов, обнаруженное ими невежество своего лидера: «Теперь я доподлинно уверился, што он (то-есть злодей) не знает грамоте, и верно, не государь он, а самозванец».²⁴²

Приходится еще раз признать за очевидное, что грамотность – важный фактор успеха самозванцев, мобилирующий их сторонников на поддержку, и, наоборот. По крайней мере, так выглядит ситуация по материалам XVIII столетия.

Свободное владение навыками чтения и письма, тем более, на иностранном языке, в глазах, как правило, необразованных простолюдинов рассматривалось ими как некое непростое умение, не каждому доступное. Предоставляемые многократно «доказательства» до поры до времени особым образом выделяли фигуру «подлинного» государя «Петра III» на фоне массы его поклонников, питая их незыблемую уверенность в нем.

Кроме того, как и многочисленным предшественникам, носителями традиционного сознания Е. Пугачеву не раз приписывались различные

²⁴¹ Пугачевщина. Т. 2. С. 133, 106, 111, 151–152 и др.

²⁴² Там же, с. 151.

чудодейственные достоинства, демонстрация которых укрепляла в убеждении, что их предводитель – «подлинно батюшка». Одни из таких примеров лучше известны из научной литературы, о других сообщениях источников практически не упоминалось никогда, но в любом случае они всегда атрибутировали свойства «царя» через признаки мистических и волшебных способностей и даже магических талантов. О последнем даре весьма красноречиво свидетельствуют, например, показания Т. Подурова. На допросе он с недоумением признавался, как в определенный момент перестал понимать происходящее: «счол я его [Пугачева] тогда совершенным обманщиком и помышлял, было, от него отстать. Но сего исполнить, не знаю – по какой причине, не в состоянии был, ибо, не знаю, как будто что меня удерживало и наводило страх отстать от него; словом сказать, привязан я был к нему так, как бы невидимую силою или, просто сказать, волшебством; но от чего со мною сие последовало, – я не знаю».²⁴³

Сведения о мистической неуязвимости «надежи-государя», которая также питала безусловное доверие сторонников к самозванцу, привел Т. Мясников, рассказывавший, что все бунтовщики «были поощряемы ево смелостию и проворством, ибо когда случалось на приступах к городу Оренбургу или на сражениях каких против воинских команд, то всегда был сам наперед, нимало не опасаясь стрельбы ни из пушек, ни из ружей. А как некоторыя из ево доброжелателей уговаривали ево иногда, чтоб он поберег свой живот, то он на то говаривал: "Пушка де царя не убьет! Где де ево видано, чтоб пушка царя убила?"»²⁴⁴

В пугачевском фольклоре сохранились сведения и об иных его чудесах, подтверждавших общую уверенность в его сверхъестественных способностях. Вот показательный пример: «Пугачев очень не любил поповское отродье. Когда появлялся в каком-нибудь селе, он сразу начинал расспросы: как поживают здесь священнослужители, не обижают ли они паству. Попов, на которых народ жаловался, вешал без всяких промедлений. В Елабуге был, говорят, и такой случай. При посещении здешнего собора на паперти Пугачев увидел одного слепого и посоветовал ему: - Отойди от собора, зрячим станешь. Так и сделал слепой. Сошел с паперти, ступил на землю и в тот же миг – прозрел!»²⁴⁵

На основе этого и многих других примеров понятно, что в контексте мифологического мышления Е. Пугачев для современников не простой был человек. Это подтверждается, в частности, переработкой в фольклорных преданиях важных для массового сознания эпохи эсхатологических переживаний. До нас дошли рассказы, в которых «не только Стенька Разин, но и Гришка Отрепьев, Ванька Каин и Емелька Пугачев до сего дня

²⁴³ Там же, с. 189.

²⁴⁴ Протокол показаний сотника яицких казаков-повстанцев ... С. 100.

²⁴⁵ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. Сб. док-тов и материалов ... С. 308.

живы и скрываются в змеиной пещере на том острове, где живут полулюди, или сидят заключенные в Жигулевских горах», они ждут конца света, т.к. «мать сыра земля не захотела принять» их костей.²⁴⁶

Исследователи в целом обоснованно полагают, что в этом сюжете объединены классические сакральные мотивы, «связанные с легендой о царе-избавителе (пребывание в пещере), мессианическая функция вершения страшного суда и определение героя как Антихриста». Здесь акцентируется мифологическая идея неоконченной смерти, которая «могла повторяться на протяжении биографии одного лица». Избавитель, в данном случае в лице С. Разина, «заклучался в гору, уходил, исчезал, об его близящемся возвращении предупреждали «сынки», он возвращался под именем Пугачева, возобновляя очищение земли, расправу и суд».²⁴⁷

Точно также и сам Пугачев/Петр III не умирал окончательно, неоднократно «возвращаясь» под разными именованиями, как мы это видели, допустим, на примере самозванца М. Ханина, известно и о многих других подобных посмертных его «воплощениях». Неслучайно, после казни Е. Пугачева и до конца XVIII века в России появилось еще 12 самозванных Петров III, действовавших с переменным успехом, но неизменно вызывавших широкое распространение слухов о «спасшемся» в очередной раз «третьем императоре». Так было, например, в сентябре 1775 г., когда группа бывших пугачевцев сбежала с алтайских рудников, «узнав» о том, что «в Москве казнили кого-то из яицких казаков, а Пугачев-Петр III жив, одна партия его войска стоит под Оренбургом, куда и собирались идти в случае успеха участники побега». Да и в конце 1770-х годов «мещанин из г. Тюмени И. Соколов разглашал на Златоустовском заводе, что Петр III жив, ведет успешные бои с правительственными войсками». В 1786 году в народе распространялись слухи, будто «третий император» жив и скрывается в Тобольской губернии, о чем командир Сибирского корпуса генерал-майор Н.Г. Огарев с тревогой писал в Санкт-Петербург. Не затихали подобные толки и в дальнейшем.²⁴⁸

В народном сознании повстанческий предводитель, выступивший под именем Петра III, насколько этому безоговорочно верили, ассоциировался с грозным судьей, наказывающим изменников (грешников) и одаривающим своею милостью богоугодных праведников. Получается, - подчеркнул исто-

²⁴⁶ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3-х т. М., 1995. Т. 2. С. 230.

²⁴⁷ Плюханова М.Б. Указ. соч. С. 192, 195–196.

²⁴⁸ Жеравина А.Н. Отзвуки крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева на Алтае // Феодализм в России. Юб. чтен. пам. Л.В. Черепнина. М., 1985. С. 214; Мауль В.Я. Имя-Образ императора Петра III в механизме культурной идентификации переходной эпохи (по материалам Пугачевского бунта) // Проблемы истории культуры. Нижневартовск, 2005. Вып. 2. С. 184; Побережников И.В. Зауральский самозванец // Вопросы истории. 1986. № 11. С. 183.

рик И.Л. Андреев, - что «"лютовал" Пугачев не только по грубости натуры ... В грозном, карающем государе хорошо проглядываются особенности московского православия, в котором, как известно, в большом почете был Ветхий Завет. Ягве в своем гневе предстает как Бог, не знающий никаких границ ... От него могут страдать, но его не смеют осуждать».²⁴⁹

По крайней мере, именно так воспринимал свою миссию сам вождь бунтовщиков, непосредственно или через верных «детушек» накрепко запечатлевая в душах «верноподданных» свой сакральный имидж и статус: «Точно верьте: в начале бог, а потом на земли я сам, властительный ваш государь»; «Глава армии, светлый государь дву светов, я, великий и величайший повелитель всех Российских земель, сторон и жилищ, надо всеми тварьми и самодержец и сильнейшей своей руке, я есмь»; «А ныне ж я для вас всех един ис потеренных объявился и всю землю своими ногами исходил и для дарования вам милосердия от создателя создан» и т.д. – таково характерное содержание многих пугачевских манифестов и указов.²⁵⁰

В обращении пугачевского полковника И. Грязнова к жителям Челябинска от 8 января 1774 г. Пугачев/Петр III прямо называется «господь наш Иисус Христос», и нет никаких сомнений, что подобный сакральный образ обеспечивал ему незыблемый авторитет в глазах преданных последователей.²⁵¹

Пребывая в сакральном качестве и находясь в обстановке благоговейного почитания и беспрекословного поклонения, Е. Пугачев неизбежно и сам «заражался» мистическими потоками, а потому, как и окружающие, также мог искренне полагать, будто жестокие казни «изменников» – это прямая обязанность «подлинного» монарха (т.е. его самого), что через них он легитимирует себя и все свое великое движение за восстановление поруганной вселенской справедливости. Именно этими обстоятельствами, на наш взгляд, объясняются суровые угрозы в отношении всех непокорных его «царскому величеству» «слуг», неоднократно раздававшиеся изустно или со страниц повстанческих грамот: «А ежели моему указу противиться будите, то вскорости восчувствуити на себя праведный мой гнев, и власти всевышняго создателя нашего избегнуть не можете. Никто вас истинным нашия руки защитит не может»; «И буде кто против меня будет противник и невероятен, таковым не будет от меня милости: голова рублена и пажить ограблена». «А естли кто, сверх сего моего, до всего народа чинимаго милосердия, останется в своем недоразумении, тот уже напоследок восприимет от меня великое истязание и ничем себя не защитит»; «А в противности по-

²⁴⁹ Андреев И.Л. Анатомия самозванства ... С. 114.

²⁵⁰ Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений ... С. 26, 41, 36 и др. См. также: Пугачевщина. Т. 1: Из архива Пугачева (манифесты, указы и переписка). М.; Л., 1926. С. 28, 54, 36 и др.

²⁵¹ Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений ... С. 271; Пугачевщина. Т. 1. С. 74.

ступка всех, от первого до последнего, в состоянии мы рубить и вешать, дабы никто к искушению дьявольскому себя не предавал» и т.д.²⁵²

Декларируемый в именных документах Пугачева/Петра III «праведный гнев» – это и есть «царская гроза», подкрепленная претензией на сакральный статус. Соответственно, чье-либо несогласие с «помазанником божьим» закономерно должно было трактоваться как «искушение дьявольское», заслуживающее самого сурового наказания. Неслучайно, что одними угрозами, в отличие от абсолютного большинства других монархических самозванцев, Е. Пугачев не ограничивался, но с помощью своих товарищей активно воплощал их в жизнь. На всем протяжении восстания пугачевская армия оставляла за собой десятки и сотни казненных «строптивцев», не желавших покоряться воле «великого государя». И в этой кровавой жестокости не надо искать какие-то личные мотивы, в ней коренилась та традиционная логика народной правды, которая была не понятна власти имущим, и приводила в ужас впечатлительную Екатерину II: «Ни уже что неслыханной суровостью своей изверг Пугачев своей шайке самой не опротивится? - вопрошала она своего сановного респондента. - Ибо и простой народ ... нельзя чтобы не чувствовал неистовство такового поступка и омерзение к производителю онаго».²⁵³

В искреннем недоумении императрицы обнаруживаются следы той гигантской пропасти двух культур («высокой» и «низкой»), непреодолимость которой стала очевидным фактом именно в XVIII столетии. Любительнице просвещенного чтения было невдомек, что иное («гуманное») поведение оказалось бы губительным для самого «третьего императора» персонально, как и обрекло бы на провал все его начинание. Вести себя иначе он не имел ни права, ни возможности. Именно и только безжалостная «гроза» признавалась единственно способной с помощью «праведного меча» искоренить в России боярскую измену, и вознести до небес его и без того немалый авторитет, окончательно обеспечить органичное закрепление за ним взятого «взаймы» чужого имени. Как уже отмечалось прежде, в коллективном сознании общественных низов того времени не было сомнений, что вслед за истреблением «противников и злодеев-дворян, всякой может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет».²⁵⁴

Такое каузальное понимание ситуации обуславливалось особенностями социальной психологии простонародья, уже изученными в историо-

²⁵² Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений ... С. 31, 28, 35, 32 и др.; Пугачевщина. Т. 1. С. 34, 31, 35 и др.

²⁵³ Переписка Екатерины II-й с Московским главнокомандующим, князем М.Н. Волконским. Письмо от 1 декабря 1773 г. // Оснадцатый век. Исторический сборник. М., 1868. Кн. 1. С. 102.

²⁵⁴ Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений ... С. 48; Пугачевщина. Т. 1. С. 41.

графии на примере владельческих крепостных крестьян. Для них было характерным сознание своей зависимости от конкретного, «своего» господина, в случае исчезновения которого, по мнению крестьян, кончалась и личная зависимость. Подобное «представление и послужило питательной почвой для острейшей формы личной мести – убийства помещика. Эта форма, оставаясь индивидуальной по своей природе, даже если в убийстве участвовала группа, вместе с тем по своим последствиям выступала в сознании крестьян как освобождение коллектива».²⁵⁵

Понятно, что «тишина и спокойная жизнь» представлялись различным участникам пугачевского бунта по-разному. Для одних важным было то, что «Яицкому городку быть вместо Москвы или Петербурга, а яицким казакам над всеми иметь первенство». Для вторых немалую роль играло намерение «всем старую веру держать, платье носить русское» и разрешение «бород не брить». Третьи утешались обещаниями, что «не будут иметь дворяна людей, все отберутся государю», а «подушные денги будут собираемы только по семидесяти копеек з души, как и при прежних государях было», или вообще «подушных денег чрез 7 лет не спрашивать и от заводов освободить», что «дана будет лгота от рекрутских поборов и от всех податей». Сам Пугачев/Петр III предполагал сначала государыню постричь «в монастырь, а боярам всем отплачу их хлеб и соль», а затем, «учредив все порядочно», пойти «воевать в иные государства, – я де, ведаешь, служивой человек, мне де на одном месте не усидеть; пойдём де мы воевать по всем государствам, и то де мне удаётся» и т.п.²⁵⁶

А в результате произошло то, что произошло и возмутило все российское дворянство, когда «во многих жительствовах уездные обыватели, слепо веря по зловымышленным упомянутому злодею и бунтовщику обольщением, главнейшие: в даче льготы в податях и в небране рекрут, а помещичьим людям и крестьянам – воли; льстяся сею надеждою и так безрассудно присоединились в скверное того злодея скопище».²⁵⁷

В такой ажиотированной психологической обстановке никакая правительственная контрпропаганда не могла бы внести серьезные сомнения в умы тысяч преданных адептов «истинного» императора Пугачева/Петра III, поколебать их решимость идти вместе до конца. Потому даже прилюдное разоблачение и публичная изуверская казнь не положили конец популярности этого имени в народной среде, которое и

²⁵⁵ Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 12.

²⁵⁶ Протокол показаний Е.И. Пугачева на допросе в Яицкой секретной комиссии ... С. 76–77; Пугачевщина. Т. 2. С. 188, 135, 347, 323; Дмитриев-Мамонов А.И. Указ. соч. С. 128; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. Сб. док-тов и материалов ... С. 112.

²⁵⁷ Крестьянская война под водительством Е.И. Пугачева в Марийском крае. Док-ты и материалы. Йошкар-Ола, 1989. С. 157.

после гибели самого яркого самозванца XVIII столетия продолжало вызывать горячий отклик у простого населения.

Выводы по II главе:

Изучение деятельности российских лжемонархов XVIII столетия показало, что самозванцам навязывалась жесткая схема поведения, хранившаяся в памяти носителей традиционного сознания: 1) появление лжемонархов коррелировало с соответствующими монархическими слухами; 2) в XVIII столетии особое значение придавалось наличию «царских знаков» на теле, которые самозванцы должны были демонстрировать для убеждения потенциальных сторонников в своей «истинности»; 3) названным претендентам надлежало воплощать в жизнь эсхатологический миф об «истинном» царе-избавителе; 4) «настоящий» монарх в массовых представлениях должен был уметь читать и писать, либо хотя бы пытаться позиционировать себя человеком грамотным; 5) в соответствии с императивами народного монархизма самозванцы должны были создавать вокруг себя «придворную свиту» и провозглашать предписанную традицией перспективную «программу» действий, суть которой заключалась в истреблении виновников народных бед.

Одной из форм народного протеста в XVIII веке стали «непригожие речи» (являвшиеся способом саморефлексии народного сознания социальных низов в условиях распада привычных структур повседневности), которые непосредственно связаны с феноменом российских самозванцев в качестве его предпосылки. Анализ «непригожих речей» показал, что содержащаяся в них критика касалась личности того или иного конкретного правителя, а не монарха как политического института и не монархии как формы правления.

Осуществленный в работе компаративный анализ источников дал основание сделать вывод, что образ Пугачева/Петра III можно считать своего рода «идеальным типом» российского монархического самозванца применительно к XVIII столетию, так как поведенческие стратегии «императора казаков» были реализованы полнее и ближе к тому образцу «истинного» царя, что хранился в народной памяти.

Заключение

В заключение подведем итоги научного исследования и сформулируем ключевые выводы, полученные в результате проведенной работы.

Поскольку объективный образ прошлого всегда складывается из множества субъективных смыслов, придаваемых ему современниками событий, очевидно, что их мышление детерминируется особенностями своей культуры. Поэтому рассматривая самозванческие интриги в содержательном контексте истории России XVIII столетия, мы рассчитывали на воссоздание более адекватной картины феномена монархических самозванцев, рассмотренной через ее отражение в восприятии самих лжемонархов, их мнимых родственников, а также их сторонников или противников.

Изучение проблемы показало, что во избежание разногласий между учеными необходимо исключить из понятийного аппарата науки иногда встречающиеся неудачные термины «самозванщина» и тем более «самозванничество». Всесторонний анализ убедил в том, что феномен самозванцев вполне корректно идентифицируется и интерпретируется через понятия «самозванство» и «самозванчество», но между ними следует проводить четкое разграничение. Мы пришли к выводу, что первый из них относится к области индивидуальной психологии самозванцев, в то время как второй – к социальной психологии, хотя и то и другое было исторически обусловлено культурной средой своего времени.

В связи с этим, нами были предложены и затем аргументированы следующие трактовки: *самозванство* – это необоснованные и непризнанные никем притязания кого-либо на чужое имя и/или статус, а *самозванчество* – это появление у самозванца сторонников, которые признали за ним право на это имя и/или статус. На многих примерах из истории конкретных лжемонархов XVIII столетия и мнимых членов их семей удалось доказать, что предложенные дефиниции вполне эффективно работают на российских материалах и позволяют дифференцировать хотя и родственные, но не тождественные явления отечественного прошлого.

Благодаря применению упорядоченного понятийного аппарата, было доказано существование такого любопытного, но оспариваемого в науке явления, как самозванчество без самозванца, которое в той или иной форме встречалось и в XVII, и в XVIII, и даже в XIX веке.

Привлекая доступные источники информации, удалось уточнить общее количество самозванцев в России XVIII столетия, претендовавших на имя и/или статус монархов или членов их семей. Вопреки наиболее полным подсчетам историка О.Г. Усенко, оказалось, что таковых насчитывалось 115 человек, сведения о которых были обобщены нами в виде приложения к монографии. Таким образом, выяснились и наиболее популярные прототипы самозванных претендентов на высокое имя или

звание. Вне конкуренции оказался император Петр III, имя которого «брали займы» 23 человека. Второе место со значительным отставанием занял царевич Алексей Петрович – 7 присвоений, 5 раз самозванцы назывались именем Петра II Алексеевича, известно четыре мнимых Петра Петровича, но от разных отцов – Петра I и Петра II соответственно, и далее по нисходящей.

Исследование показало, что в отличие от самозванцев «бунташного века», в XVIII столетии ложные претенденты практически никогда не брали себе мифические имена не существовавших монархов или их родственников. Если вымысел все же имел место, то касался он не имен, а статусов и званий, обозначавших принадлежность к царской семье: «богоизбранный жених царевны Софии Алексеевны», «жених государыни Елизаветы Петровны», «государь, муж императрицы Елизаветы», «государь император, жених Екатерины II», «богоизбранный жених императрицы Екатерины II», «муж императрицы Екатерины II» и т.п. Причем, заметно, что большинство подобных вымыслов было с гендерным оттенком, что, очевидно, связано с длительным женским царством.

В противовес высказанному в исторической литературе мнению, на материалах XVIII столетия было неоднократно выявлено, что самозванство могло возникнуть не по инициативе самого самозванца, а в результате чьего-либо намеренного подговора, когда человека убеждали выдать себя за какую-либо высочайшую особу. Однако случалось, что в последствии он мог не получить поддержки даже со стороны подговорщиков, хотя и продолжал называться не своим именем. Таковы, например, случаи с самозванцами И. Андреевым, И. Опочининым, в определенной степени – В. Буниным.

Проведенный анализ источников убедил в неоправданности категоричного суждения, будто бы российские самозванцы – это всегда всего лишь простые марионетки в политической игре различных социальных кругов, откровенные мошенники и авантюристы. Безусловно, среди них были корыстные обманщики, искавшие только личную выгоду, но, как показало наше исследование, многие искренне верили в печать своего высокого предназначения, и их вера опиралась на устоявшиеся в веках особенности традиционной «картины мира». Вслед за некоторыми современными историками нам удалось привести дополнительные обоснования, доказывающие имманентную связь феномена российских самозванцев с царистской психологией народных масс в целом, в том смысле, что восприятие власти и ее носителей является одним из важнейших и древних культурных архетипов. На основании новых материалов можно констатировать, что представления о природе власти, вождях и монархах отражают общий склад культуры в ее прошлом и настоящем, а также и умонастроения людей данной конкретной эпохи. Это значит, что понять феномен российских монархических самозванцев можно лишь через систему значений и смыслов, которыми руководствовались в своих действиях люди,

принадлежавшие к этой культурной традиции. Следовательно, поведение самозванцев, их сторонников или противников всегда было обусловлено культурными стереотипами, сформировавшимися в зависимости от установок, существовавших в традиционном обществе.

Однако разграничение самозванцев лишь в зависимости от наличия или отсутствия у них сподвижников и сторонников не позволило увидеть все специфические нюансы внутри каждой из этих категорий, так как, например, сторонниками могли обзаводиться и вельможные, а не монархические самозванцы. Среди самых ярких примеров назовем Ф. Каменщикова и Я. Стефановича, хотя последний из них выступил в этой роли не в XVIII веке, а несколькими десятилетиями позже, но относится к тому же типологическому ряду. Кроме того, известны и другие менее масштабные примеры вельможного самозванчества в истории России XVIII столетия. Впрочем, им всем для удачной реализации своих намерений, как правило, также требовалось виртуальное наличие ауры царского имени.

Но даже между «успешными» монархическими самозванцами обнаружилось существенное расхождение по широкому спектру историко-культурных параметров: количеству у них сторонников, продолжительности поддержки и т.д., а главное – по полноте и специфике воплощения заявленных высочайших притязаний. Для нас стало очевидным, что между, скажем, «царевичем Алексеем Петровичем» – А. Крекшиным и ему подобными и, допустим, Пугачевым/Петром III существуют серьезные отличия, хотя все эти случаи относятся к самозванчеству.

Осознание данного обстоятельства потребовало поиска дополнительных критериев дифференциации самозванцев. На основе сравнительного анализа предложенных в науке классификаций были не только определены их достоинства и недостатки, но и показано, что на материалах XVIII столетия некоторые типологии не работают вообще, другие – требуют существенных корректив, а третьи – вполне приемлемы, хотя и не без недостатков. Наиболее удачной и цельной типологией мы признали ту, которую предложил историк О.Г. Усенко, но с точки зрения цели и задач нашей работы она излишне сложна, т.к. включает те разновидности самозванцев (например, религиозного толка), которые остались за пределами внимания нашего исследования.

На основе тщательного изучения вопроса о типологии самозванцев были внесены некоторые важные уточнения и дополнения, в частности, выделен тип фамильного, а не именного самозванца. Таков, например, пугачевский «граф Чернышев» – И. Зарубин. Удалось также статистически показать и дать адекватное истолкование тому обстоятельству, что большинство самозванцев и их сторонников были выходцами из социальных низов.

Имея в виду разнообразие выделенных в науке типов, – «верхних» и «нижних» самозванцев, «авантюристов», «пропагандистов», «бунтарей»,

«марионеток», «реформаторов», «блаженных» и многих других, – на документальной основе сделан вывод, что эти различия имеют ключевое значение с точки зрения психологии конкретных самозванцев. Однако во всех случаях объявления лжецарей и их «родственников» доверие или недоверие к ним обуславливались специфическими доминантами традиционного общества.

Изучение специальной литературы, прилагаемое к анализу наших источников, позволило выявить и проанализировать объективные и субъективные детерминанты успеха российских монархических самозванцев в виде жесткой схемы кодов (архетипов) культуры, хранившихся в памяти носителей традиционного сознания. Была выдвинута апробированная затем на основе источников гипотеза о тесной зависимости поведенческих стратегий российских самозванцев от предписаний народного монархизма, которая стала путеводной нитью в исследовании причин того загадочного обстоятельства, почему не все 115 монархических самозванцев XVIII столетия получили хотя бы единичную поддержку, а только около 36 человек из них. Тот факт, что возглашения большинства лжемонархов или их мнимых родственников так и остались без ответа, уже сам по себе является убедительным аргументом против того тезиса, что носители традиционного сознания были «простаками», доверявшими любому проходимцу, назвавшемуся царским именем.

С нашей точки зрения, поддержка или недоверие простолюдинов зависели, с одной стороны, от объективных обстоятельств их жизни, а с другой – от личности самих самозванцев, неординарные способности которых (харизма) становились весомым фактором, склонявшим чашу весов в их пользу. Но даже объективно существовавшим социальным, политическим и хозяйственным лишениям, чтобы превратиться в действенные катализаторы народного протеста, в субъективном своем преломлении в сознании простонародья требовалось быть осмысленными в привычных стандартах традиционного мышления.

Из анализа источников хорошо заметно, что самозванцам предъявлялись конкретные требования, признаковые характеристики которых оценивались и семиотизировались через традиционные архаичные механизмы, с целью их идентификации на основе имевшихся в «копилке» народного опыта «типовых» образцов для сравнения. Поэтому у названных царей/царевичей и их «родственников» имелось не очень много полноценных возможностей для импровизации. Предписаниями традиционного сознания им фактически навязывалась достаточно жесткая, не допускавшая двусмысленных трактовок поведенческая стратегия.

Можно сделать вывод, что активизация всех этих факторов в XVIII веке провоцировалась ускоренной модернизацией страны, осуществлявшейся в виде «революции сверху», которая ломала привычную для простонародья традиционную повседневность, вызывала тревожные

переживания и требовала адекватного осмысления. Специфическое понимание социальными низами происходивших в стране перемен отразилось в «непригожих речах», произносившихся по поводу отдельных лиц и их действий. Причем, звучавшая критика, переходя от недовольства придворными вельможами («боярами») до осмысления правящего монарха как «неправедного», четко вписывалась в пространство народного монархического сознания. Весомую роль в усугублении подобных подозрений и настроений в XVIII веке сыграла чередой женщин на царском троне, принципиально изменившая характер и содержание произносимых «непристойных» слов, ставших намного более приземленными. Иначе говоря, «непригожие речи» можно считать приемлемой и понятной для простолюдиной формой саморефлексии народного сознания в условиях распада привычной повседневности. Своими «непригожими речами» социальные низы сигнализировали о явных, по их мнению, неполадках традиционной системы.

Поскольку «неправедным» царям народное сознание искало приемлемые для себя альтернативы, не удивительно, что в «непригожих речах» неоднократно противопоставлялись царь-«антихрист» Петр I и благоверный царевич Алексей Петрович, «самозванка на троне» Екатерина II и император Петр III, женщины-правительницы и властители мужского пола, немцы по происхождению и их русские антиподы и т.д. Показательно, что названные оппозиции носили не статический характер, а динамически трансформировались в зависимости от объективных и субъективных факторов менявшейся российской действительности. В результате образ одного и того же монарха мог с течением времени обрастать более позитивными, нежели прежде, ментальными коннотациями. Причем анализ «непригожих речей» показывает, что в них мы встречаемся не с аксиологическим развенчанием монарха как политического института (насколько его понимали социальные низы) и не монархии как формы правления, идущей от бога, а личности конкретного правителя, действия которого вызывали всенародное осуждение. Но данное обстоятельство не только не дезавуировало привычного традиционного миропонимания царя как ставленника божия на земле, напротив, органично вписывалось в него и готовило подходящие условия для зарождения и осуществления самозванческих интриг.

Таким образом, «непригожие речи» подготавливали психологическую восприимчивость социальных низов к появлению «истинных» царей, а, следовательно, оказывались в прямой зависимости с феноменом самозванцев в качестве его весомой предпосылки. Об этом, в частности, свидетельствует выявленная нами и проанализированная на основе источников обратная корреляция между количеством дел по «непригожим речам» о царях-государях и численностью появлявшихся претендентов на имя и/или статус монархов, либо кого-то из их «родни».

Обратившись к истории конкретных монархических самозванцев XVIII столетия, мы смогли убедиться, что большинство из тех, кто имел хотя бы непродолжительный успех у окружающих, добивались этого, благодаря стремлению добросовестно исполнять роль, «текст» которой был «написан» культурной традицией. На примерах лжемонархов или их мнимых родственников были рассмотрены особенности реализации ими всех тех сюжетных ходов, что были закреплены в народной монархической «картине мира» носителей традиционного сознания.

Осуществленный в работе содержательный и компаративный анализ источников позволил установить, что среди всех ложных претендентов на корону или родство с ними наиболее последовательными были действия донского казака Е. Пугачева, принявшего на себя имя императора Петра Федоровича. Это утверждение касается практически каждого компонента монархической схемы, начиная от хождения и распространения слухов с царистской окраской и далее через телесный код, «царские» знаки, сакральные странствия и т.п. Поведенческие стратегии «императора казаков» были реализованы полнее и ближе к тому образцу «истинного» царя, что хранился в народной памяти, хотя, конечно, и он неоднократно допускал ошибки, принимал неверные решения, компрометируя себя в глазах окружающих. Впрочем, некоторые совершенные им промахи были обусловлены амбивалентным характером культурных установок традиционного сознания, когда любой сделанный выбор был бы ошибочным. На основе имеющихся данных сделан вывод, что образ Пугачева/Петра III можно считать своего рода «идеальным типом» российского монархического самозванца применительно к XVIII столетию.

Таким образом, большое количество ложных искателей царского престола свидетельствовало о протестном потенциале народных монархических представлений. Превращение этих возможностей в действительность было обусловлено комплексом объективных и субъективных обстоятельств, наличием или отсутствием в XVIII веке конкретных социально-исторических ситуаций и конъюнктур, благоприятствовавших расцвету феномена самозванцев.

Библиография

ИСТОЧНИКИ

Архивные источники

1. ГАРФ. – Ф. 112 (Особое Присутствие Правительствующего Сената). – Описание 1. – Дело 473. – Л. 95–96.
2. ГАРФ. – Ф. 112 (Особое Присутствие Правительствующего Сената). – Описание 1. – Дело 474. – Л. 150–151 об., 195–195 об., 261–264, 309–311.
3. ГАРФ. – Ф. 112 (Особое Присутствие Правительствующего Сената). – Описание 1. – Дело 476. – Л. 243–244 об., 547–552, 580–583, 584–585 об., 586–590 об.
4. ГАРФ. – Ф. 112 (Особое Присутствие Правительствующего Сената). – Описание 1. – Дело 477. – Л. 1–62, 69–107.
5. РГАДА. – Ф. 6 «Уголовные дела по государственным преступлениям». – Описание 1. – Дело 405 : О казаке Федоре Каменщикове, производившем возмущение в Оренбургской губернии и уверявшем, что Петр III жив. – Л. 1–49.
6. РГАДА. – Ф. 6 «Уголовные дела по государственным преступлениям». – Описание 1. – Дело 421 : Показание о Пугачеве секретаря пугачевской военной коллегии Максима Горшкова и переписка его и других лиц с пугачевским атаманом Василием Торновым. – Л. 1–14.
7. РГАДА. – Ф. 6 «Уголовные дела по государственным преступлениям». – Описание 1. – Дело 506 : Показания, отобранные генерал-майором Павлом Потемкиным, от Емельяна Пугачева, первой жены его Софьи Дмитриевой, второй жены Устиньи Петровой и первоначальных сообщников самозванца. – Л. 106–116, 117–136, 379–384, 387–387 об., 390–391 об., 441–446 об.
8. РГАДА. – Ф. 6 «Уголовные дела по государственным преступлениям». – Описание 1. – Дело 512 : Дело о пугачевском «бунте», производившем в тайной экспедиции в Москве под ведением князя Михаила Никитича Волконского. – Л. 256–257.
9. РГАДА. – Ф. 7 «Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция». – Описание 1 : «Дела Преображенского приказа и Тайной канцелярии». 1712–1762. – Дело 998 : О капитане-поручике Григорье Темирязеве, рассказывавшем об отношениях Петра Первого, императриц Екатерины I, Анны и Елизаветы к камергеру Монсу, Бирону, Шубину и Разумовскому. – Л. 1–174.
10. РГАДА. – Ф. 7 «Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция». – Описание 1 : «Дела Преображенского приказа и Тайной канцелярии». 1712–1762. – Дело 1401 : О экипаж-мейстере Александре Ляпунове, осужденном за непристойные разговоры касательно императрицы

- Елизаветы, и о жене его Марье Ляпуновой, обвиненной в связи с канцеляристом Тайной канцелярии Степаном Шешковским. – Л. 1–153.
11. РГАДА. – Ф. 7 «Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция». – Описание 1 : «Дела Преображенского приказа и Тайной канцелярии». 1712–1762. – Дело 1408 : О лицах, осужденных за бранные выражения или непристойные упоминания об Императрице Елизавете. – Ч. 11.
 12. РГАДА. – Ф. 7 «Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция». – Описание 1 : «Дела Преображенского приказа и Тайной канцелярии». 1712–1762. – Дело 2070 : Дело об извете священника Семена Васильева на сына своего пономаря Козьму Васильева в дерзких речах о кончине Петра III. – Л. 1–12.
 13. РГАДА. – Ф. 7 «Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция». – Описание 2 : «Дела Тайной экспедиции». 1762–1817. – Дело 2047 : Списки и ведомости о лицах, осужденных в Тайной экспедиции. – Ч. 1. – Л. 168 об.
 14. РГАДА. – Ф. 371 «Преображенский и Семеновский приказы». – Описание 1. – Ч. 1 : Секретные дела Преображенского приказа. 1689–1729. – Дело 30. – Л. 1–12.
 15. РГАДА. – Ф. 371 «Преображенский и Семеновский приказы». – Описание 1. – Ч. 1 : Секретные дела Преображенского приказа. 1689–1729. Дело 491. – Л. 1–13.
 16. РГАДА. – Ф. 371 «Преображенский и Семеновский приказы». – Описание 1. – Ч. 1 : Секретные дела Преображенского приказа. 1689–1729. – Дело 788. – Л. 1–100.

Опубликованные источники

1. Архив Государственного совета. – Т. 1 : Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796 гг.). – СПб. : В Типографии Второго Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1869. – 1036 с.
2. Бибиков, А. И. Письма А. И. Бибикова к А. М. Лунину / Сообщ. М. П. Полуденский // Русский архив. – 1866. – Вып. 3. – Стб. 377–388.
3. Бибиков, А. И. Письмо А. И. Бибикова к кн. М. Н. Волконскому [от 26 марта 1774 г.] // Русский архив. – 1867. – Вып. 4. – Стб. 500–506.
4. Буссов, К. Московская хроника / К. Буссов // Смута в Московском государстве : Россия начала XVII столетия в записках современников. – М. : Современник, 1989. – С. 238–403.
5. В правительствующий сенат от Оренбургской губернской канцелярии рапорт // Памятники новой русской истории : Сборник исторических статей и материалов. – Т. 3. – СПб. : Типография Майкова, 1873. – С. 385–396.
6. Документы Ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг. / Под ред. Р. В. Овчинникова. – М. : Наука, 1975. – 523 с.

7. Документы о следствии над Е. И. Пугачевым в Яицком городке // Вопросы истории. – 1966. № 3. – С. 124–138; № 4. – С. 111–126.
8. Документы о следствии над Е. И. Пугачевым в Симбирске // Вопросы истории. – 1966. – № 5. – С. 107–121.
9. Документы о следствии над Е. И. Пугачевым в Москве // Вопросы истории. – 1966. – № 7. – С. 92–109.
10. Документы о судебном процессе по делу Е. И. Пугачева в Москве // Вопросы истории. – 1966. – № 9. – С. 137–149.
11. Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773–1775 гг. Сборник документов / Под ред. А. П. Пронштейна. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростов. ун-та, 1961. – 232 с.
12. Доношение дьячка Василия Федорова на отставного капрала и Волоколамского помещика, Василия Кобылина, в брани царского величества, государя Петра I^{го} // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). – 1860. – Кн. 2. Смесь. – С. 21–25.
13. Екатерина II. [Письма к П. С. Потемкину. 1774] // Русская старина. – 1875. – Т. 13. – № 5. – С. 115–125.
14. Емельян Пугачев на следствии. Сб. док-тов и материалов / Под ред. Р. В. Овчинникова. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 463 с.
15. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793. – Т. 3. – СПб. : Печатня В. И. Головина, 1872. – 1244 стб.
16. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова. – М. : Университетская типография, 1865. – 147 с.
17. Крафт, Г.-В. Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санкт-Петербурге в январе месяце 1740 года Ледяного дома и всех находившихся в нем домовых вещей и уборов / Г.-В. Крафт. – СПб. : Имп. Академия наук, 1741. – 36 с.
18. Крестьянская война под водительством Е. И. Пугачева в Марийском крае. Док-ты и материалы / Сост. А. Г. Иванов. – Йошкар-Ола : Марийское книжное изд-во, 1989. – 184 с.
19. Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. Сб. док-тов и материалов / Сост. А. А. Александров. – Ижевск : Удмуртский НИИ истории, экономики, литературы и языка при СМ УАССР, 1974. – 361 с.
20. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док-тов / Сост. Е. А. Швецова. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 2. Ч. 1. – 666 с.
21. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док-тов / Сост. Е. А. Швецова. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 2. Ч. 2. – 244 с.
22. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док-тов / Сост. Е. А. Швецова. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 3. – 492 с.
23. Манштейн, К. Г. Записки о России / К. Г. Манштейн. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 440 с.
24. Материалы для истории пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова /

- Публикация Я. К. Грота // Приложение к 1-му тому Записок Императорской Академии Наук. – 1862. – № 4. – С. 1–65.
25. Материалы для истории пугачевского бунта. Переписка Екатерины с графом П. И. Паниным / Публикация Я. К. Грота // Приложение к 3-му тому Записок Императорской Академии Наук. – 1863. – № 4. – С. 1–37.
 26. Материалы для истории пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева / Публикация Я. К. Грота // Приложение к XXV-му тому Записок Императорской Академии Наук. – 1862. – № 4. – СПб., 1875. – С. 1–144.
 27. Мнимый сын Голштинского принца (Из дел тайной экспедиции) // Памятники новой русской истории : Сборник исторических статей и материалов. – Т. 3. – СПб. : Типография Майкова, 1873. – С. 315–322.
 28. О извозчике 1-го гренадерского батальона (Низоваго корпуса) Евстифие Артемьеве, назвавшемся царевичем Алексеем Петровичем / Сообщ. М. Н. Прокопович // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). – 1897. – Кн. 1. Смесь. – С. 9–14.
 29. О Кременчугском купце Тимофее Курдилове // Оснадацый век. Исторический сборник. – М. : Типография Т. Рись, 1868. – Кн. 1. – С. 398–402.
 30. Переписка Екатерины II-й с Московским главнокомандующим, князем М. Н. Волконским. Письмо от 1 декабря 1773 г. // Оснадацый век. Исторический сборник. – М. : Типография Т. Рись, 1868. – Кн. 1. – С. 52–162.
 31. Петр Великий : Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. – Париж-Москва-Нью-Йорк : ТОО ВНЕШСИГМА, 1993. – 446 с.
 32. Письма императрицы Екатерины II к А. И. Бибикову во время пугачевского бунта (1774) // Русский архив. – 1866. – Вып. 3. – Стб. 388–398.
 33. Письма Екатерины Второй барону Гримму // Русский архив. – 1878. – Кн. 3. – С. 5–240.
 34. Повесть временных лет. – СПб. : Наука, 1996. – 669 с.
 35. Подметное письмо государю императору Петру Первому // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). – 1860. – Кн. 2. Смесь. – С. 27–30.
 36. Протокол показаний секретаря повстанческой Военной коллегии яицкого казака Балтая Идеркеева на допросе в Оренбургской секретной комиссии. Июль 1774 г. // Сподвижники Пугачева свидетельствуют // Вопросы истории. – 1973. – № 8. – С. 108–110.
 37. Протокол показаний сотника яицких казаков-повстанцев Т. Г. Мясникова на допросе в Оренбургской секретной комиссии 9 мая 1774 года // Вопросы истории. – 1980. – № 4. – С. 97–103.
 38. Протокол показаний яицкого казака, полковника повстанческого войска А. П. Перфильева на допросе в Яицкой отделенной секретной комиссии 12 сентября 1774 г. // Сподвижники Пугачева свидетельствуют // Вопросы истории. – 1973. – № 8. – С. 101–107.

39. П. С. Потемкин во время Пугачевщины (Материалы для истории Пугачевского бунта) / Публикация Я. К. Грота // Русская старина. – 1870. – Т. 2. – С. 397–414.
40. Пугачевщина (письма графа П. И. Панина к брату его Никите Ивановичу) // Русский архив. – 1876. – Т. II. – С. 7–44.
41. Пугачевщина / Под общ. ред. М. Н. Покровского. – Т. 1 : Из архива Пугачева (манифесты, указы и переписка). – М.; Л. : Гос. изд-во, 1926. – 288 с.
42. Пугачевщина / Под общ. ред. М. Н. Покровского. – Т. 2 : Из следственных материалов и официальной переписки. – М.; Л. : Гос. изд-во, 1929. – 496 с.
43. Пугачевщина / Под общ. ред. М. Н. Покровского. – Т. 3 : Из архива Пугачева. – М.; Л. : Гос. изд-во, 1931. – 527 с.
44. Сказание Мефодия, патриарха Царяграда о Адаме и о потопе, и о разделении язык, и о Михаиле царе, и о антихристе, и о втором пришествии христове, егда придет судити живым и мертвым // Тихонравов, Н. С. Памятники отреченной русской литературы / Н. С. Тихонравов. – СПб. : В Университетской типографии, 1863. – Т. 2. – С. 248–268.
45. Сообщение касательно подробностей мятежа недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. – Л. : Наука. Ленингр. отд-е, 1968. – С. 106–126
46. Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны 1741–1761 гг. // Русская старина. – 1875. – Т. 12. – С. 523–539.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянов, В. В. Традиция как преемственность и служение / В. В. Аверьянов // Человек. – 2000. – № 2. – С. 38–51.
2. Александер, Дж. Т. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. / Дж. Т. Александер. – Уфа : ИП Галиуллин Д. А., 2011. – 164 с.
3. Александер, Дж. Т. Российская власть и восстание под предводительством Емельяна Пугачева / Дж. Т. Александер. – Уфа : ИП Галиуллин Д. А., 2012. – 240 с.
4. Андреев, И. Л. Анатомия самозванства / И. Л. Андреев // Наука и жизнь. – 1999. – № 10. – С. 110–117.
5. Андреев, И. Л. Искушение властью / И. Л. Андреев // Бремя власти. – М. : Дрофа, 2008. – С. 383–460.
6. Андреев, И. Л. Самозванство и самозванцы на Руси / И. Л. Андреев // Знание-сила. – 1995. – № 8. – С. 46–56.
7. Андрущенко, А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири / А. И. Андрущенко. – М. : Наука, 1969. – 360 с.
8. Анисимов, Е. В. Афродита у власти : Царствование Елизаветы Петровны / Е. В. Анисимов. – М. : АСТ, Астрель, 2010. – 605 с.

9. Анисимов, Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке / Е. В. Анисимов. – М. : Новое литературное обозрение, 1999. – 720 с.
10. Анисимов, Е. В. Россия в середине XVIII в. : Борьба за наследие Петра / Е. В. Анисимов. – М. : Мысль, 1986. – 239 с.
11. Анисимов, Е. В. Русская пытка : Политический сыск в России XVIII века / Е. В. Анисимов. – СПб. : Норинт, 2004. – 464 с.
12. Антонов, Д. И. Смута в культуре средневековой Руси : Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века / Д. И. Антонов. – М. : Изд-во РГГУ, 2009. – 424 с.
13. Арканникова, М. С. Самозванство как объект социально-политологического анализа / М. С. Арканникова // Философские науки. – 2009. – № 12. – С. 27–44.
14. Арканникова, М. С. Самозванчество как проявление кризиса легитимности власти в России : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Арканникова Марина Сергеевна. – СПб., 2005. – 24 с.
15. Арканникова, М. С. Самозванчество как проявление кризиса легитимности власти в России : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Арканникова Марина Сергеевна. – СПб., 2005. – 220 с.
16. Арсеньев, А. В. «Непристойные речи» (Из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии, XVIII в.) / А. В. Арсеньев // Исторический вестник. – 1897. – Т. LXIX. – С. 59–80; 375–398.
17. Арсеньев, А. В. Старинные дела об оскорблении величества (Очерки из нравов XVIII века). 1701–1797 гг. / А. В. Арсеньев // Исторический вестник. – 1881. – Т. 4. Март. – С. 578–601; Апрель. – С. 822–838.
18. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М. : Современный писатель, 1995. – Т. 2. – 400 с.
19. Бажова, А. П. К вопросу о самозванстве кануна Крестьянской войны 1773–1775 гг. / А. П. Бажова // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков : проблемы, поиски, решения. – М. : Наука, 1974. – С. 390–399.
20. Барсуков, А. П. Рассказы из русской истории XVIII века по архивным документам / А. П. Барсуков. – СПб. : Типография тов-ва «Общественная польза», 1885. – 284 с.
21. Белявский, М. Т. Некоторые итоги изучения идеологии участников крестьянской войны 1773–1775 гг. в России / М. Т. Белявский // Вестник Московского ун-та. Сер. 8 : История. – 1978. – № 3. – С. 34–46.
22. Бердяев, Н. А. Судьба России : Опыты по психологии войны и национальности // Бердяев, Н. А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922 / Н. А. Бердяев. – М. : Астрель, 2007. – С. 17–206.
23. Биллингтон, Дж. Икона и топор : опыт истолкования истории русской культуры / Дж. Биллингтон. – М. : Рудомино, 2001. – 880 с.

24. Блок, М. Короли-чудотворцы : Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / М. Блок. – М. : Языки славянской культуры, 1998. – 712 с.
25. Брикнер, А. Г. История Екатерины Второй / А. Г. Брикнер. – СПб. : Типография А. С. Суворина, 1885. – 853 с.
26. Буганов, В. И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. / В. И. Буганов. – М. : Наука, 1976. – 223 с.
27. Буганов, В. И. Пугачев / В. И. Буганов. – М. : Молодая гвардия, 1984. – 383 с.
28. Буйда, Ю. В. Алхимия самозванства / Ю. В. Буйда // Страна и мир. – 1992. – № 1. – С. 152–154.
29. Буйда, Ю. В. Власть всея Руси / Ю. В. Буйда // Октябрь. – 2005. – № 4. – С. 126–153.
30. Булыгин, И. А. Социально-экономическое развитие России в XVIII веке / И. А. Булыгин // История Европы. – М. : Наука, 1994. – Т. 4. – С. 272–294.
31. Васецкий, Н. А. Самозванцы как явление русской жизни / Н. А. Васецкий // Наука в России. – 1995. – № 3. – С. 57–63.
32. Веретенников, В. И. История Тайной канцелярии Петровского времени / В. И. Веретенников. – Харьков : Типография «Печатное дело», 1910. – 307 с.
33. Волкова, И. В. Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVII–XX вв. / И. В. Волкова, И. В. Курукин // Вопросы истории. – 1995. – № 5-6. – С. 40–61.
34. Гвоздиков, И. М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева / И. М. Гвоздиков. – Уфа : Китап, 1998. – 512 с.
35. Гинзбург, К. Широты, рабы и Библия : опыт микроистории / К. Гинзбург // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 1 (65). – С. 18–34.
36. Главные пособники Пугачева : очерки и рассказы // Русская старина. – 1876. – Т. 16. – С. 479–510; С. 607–626.
37. Голикова, Н. Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа / Н. Б. Голикова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 337 с.
38. Гуревич, А. Я. Марк Блок и «Апология истории» / А. Я. Гуревич // Блок, М. Апология истории / М. Блок. – М. : Наука, 1986. – С. 182–231.
39. Гурьянова, Н. С. Монарх и общество : к вопросу о народном варианте монархизма / Н. С. Гурьянова // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 126–148.
40. Гурьянова, Н. С. Старообрядческие сочинения о Петре I – Антихристе / Н. С. Гурьянова // Сибирское источниковедение и археография. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1980. – С. 136–153.

41. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – СПб.; М. : Изд-е М.О. Вольфа, 1882. – Т. 4.
42. Данилевский, И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков / И. Н. Данилевский. – М. : Аспект пресс, 1998. – 399 с.
43. Даркевич, В. П. Народная культура средневековья : светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. / В. П. Даркевич. – М. : Наука, 1988. – 344 с.
44. Дмитриев-Мамонов, А. И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири : исторический очерк по официальным документам / А. И. Дмитриев-Мамонов. – СПб. : Типография Монтвида, 1907. – 258 с.
45. Долгих, Е. В. Личность монарха в восприятии сановника николаевского времени (М. А. Корф) / Е. В. Долгих // Российская ментальность : методы и проблемы изучения. – М. : ИРИ РАН, 1999. – С. 134–159.
46. Домников, С. Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество / С. Д. Домников. – М. : Алетейа, 2002. – 672 с.
47. Дробленкова, Н. Ф. Сказание о Вавилоне / Н. Ф. Дробленкова // ТОДРЛ. – Л. : Наука, 1988. – Т. 41. – С. 124–127.
48. Дубинин, Б. В. Слухи как социально-психологический феномен / Б. В. Дубинин, А. В. Толстых // Вопросы психологии. – 1993. – № 3. – С. 77–81.
49. Дубровин, Н. Ф. Пугачев и его сообщники : эпизод из истории царствования Императрицы Екатерины II / Н. Ф. Дубинин. – СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1884. – Т. 1. – 411 с.; Т. 2. – 424 с.; Т. 3. – 415 с.
50. Есипов, Г. В. Люди старого века : Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии / Г. В. Есипов. – СПб. : Типография А. С. Суворина, 1880. – 444 с.
51. Есипов, Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии / Г. В. Есипов. – СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1861. – Т. 1. – 658 с.
52. Есипов, Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии / Г. В. Есипов. – СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1863. – Т. 2. – 277 с.
53. Есипов, Г. В. Тяжелая память прошлого : Рассказы из дел Тайной Канцелярии и других архивов / Г. В. Есипов. – СПб. : Издание А. С. Суворина, 1885. – 387 с.
54. Жданов, И. Н. Русский былевой эпос / И. Н. Жданов. – СПб. : Издание Л. Ф. Пантелеева, 1895. – 631 с.
55. Железнов, И. И. Уральцы : очерки быта уральских казаков / И. И. Железнов. – СПб. : Типогр. Александра Семена, 1858. – Ч. 1. – 377 с.; Ч. 2. – 375 с.

56. Жеравина, А. Н. Отзвуки крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева на Алтае / А. Н. Жеравина // Феодализм в России. Юб. чтен. пам. Л. В. Черепнина. – М. : Ин-т истории РАН, 1985. – С. 212–215.
57. Живов, В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры / В. М. Живов. – М. : Языки русской культуры, 2002. – 760 с.
58. Живов, В. М. Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) / В. М. Живов, Б. А. Успенский // Успенский, Б. А. Избранные труды. – Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 205–337.
59. Зицер, Э. Царство Преображения : Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого / Э. Зицер. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – 240 с.
60. Ингерфлом, К. Между мифом и логосом : действие 1. Рождение политической репрезентации власти в России / К. Ингерфлом // Homo Historicus : К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного. – М. : Наука, 2003. – Кн. 2. – С. 65–96.
61. Ингерфлом, К. Политическая история России : этнологическое измерение / К. Ингерфлом // Политическая история на пороге XXI века : традиции и новации. – М. : ИВИ РАН, 1995. – С. 141–150.
62. Ингерфлом, К. Самозванство и коллективные представления о власти в русской истории (XVII–XX вв.) / К. Ингерфлом // Реализм исторического мышления : Проблемы отечественной истории периода феодализма. – М. : МГИАИ, 1991. – С. 99–100.
63. Индова, Е. И. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России / Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков : проблемы, поиски, решения. – М. : Наука, 1974. – С. 239–269.
64. История ментальностей, историческая антропология : Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М. : Изд-во РГГУ, 1996. – 255 с.
65. Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники российской истории : Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М. : Изд-во РГГУ, 1998. – 702 с.
66. Кабытов, П. С. Русское крестьянство : этапы духовного освобождения / П. С. Кабытов, В. А. Козлов, Б. Г. Литвак. – М. : Мысль, 1988. – 237 с.
67. Каменский, А. Б. Реформы и их жертвы / А. Б. Каменский // Реформы и реформаторы. – М. : Дрофа, 2007. – С. 587–665.
68. Каменский, А. Б. Российская империя в XVIII веке : традиции и модернизация / А. Б. Каменский. – М. : Новое литературное обозрение, 1999. – 328 с.
69. Каратыгин, П. П. Язык мой – враг мой (Три рассказа из следственных дел Тайной канцелярии) / П. П. Каратыгин // Исторический вестник. – 1897. – Т. LXIX. – С. 768–787; Т. LXX. – С. 200–215.

70. Клибанов, А. И. Народная социальная утопия в России : период феодализма / А. И. Клибанов. – М. : Наука, 1977. – 336 с.
71. Кобрин, В. Б. Смутное время – утраченные возможности / В. Б. Кобрин // История Отечества : люди, идеи, решения (Очерки истории России IX – начала XX в.). – М. : Политиздат, 1991. – С. 163–185.
72. Коды повседневности в славянской культуре : еда и одежда. – СПб. : Алетей, 2011. – 560 с.
73. Козляков, В. Н. Лжедмитрий I / В. Н. Козляков. – М. : Молодая гвардия, 2009. – 255 с.
74. Костомаров, Н. И. Лже-Симеон / Н. И. Костомаров // Исторический вестник. – 1880. – № 1. – С. 1–25.
75. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1870. – 288 с.
76. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/donskoe-kazachestvo-v-khode-osushchestvleniya-reform-vtoroi-poloviny-xix-veka#ixzz36bFDD5ZY>
77. Курмачева, М. Д. Города Урала и Поволжья в крестьянской войне 1773–1775 гг. / М. Д. Курмачева. – М. : Наука, 1991. – 232 с.
78. Курукин, И. В. Повседневная жизнь Тайной канцелярии / И. В. Курукин, Е. А. Никулина. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 639 с.
79. Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории / А. С. Лаппо-Данилевский. – М. : Территория будущего, 2006. – 623 с.
80. Лашкевич, С. И. Историческое замечание о смертной казни самозванца Александра Семикова, выдававшего себя за царевича Алексея Петровича / С. И. Лашкевич // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). – 1860. – Кн. 1. – С. 141–146.
81. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб. : Макет, 1995. – 316 с.
82. Левин, И. Религиозные культуры у православных славян : случай религиозного врачевания // Левин, И. Двоеверие и народная религия в истории России / И. Левин. – М. : Индрик, 2004. – С. 122–140.
83. Ле Гофф, Ж. Другое Средневековье : Время, труд и культура Запада / Ж. Ле Гофф. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 328 с.
84. Ленин, В. И. Социализм и религия // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 12. – С. 142–147.
85. Лимонов, Ю. А. Пугачев и его сподвижники / Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин, В. М. Панях. – Л. : Наука. Ленингр. отд-е, 1965. – 141 с.
86. Литвинцева, Г. Ю. Западноевропейское влияние на светскую жизнь русского дворянства в петровскую и екатерининскую эпохи / Г. Ю. Литвинцева // Екатерина Великая : эпоха российской истории. – СПб. : Изд-во СПбНЦ, 1996. – С. 192–194.
87. Лихачев, Д. С. Смех в Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные работы / Д. С. Лихачев. – Л. : Художественная литература, 1987. – Т. 2. – С. 343–417.

88. Логинова, А. С. Отражение самозванчества в русской публицистике первой трети XVII века / А. С. Логинова // Россия и Запад : Проблемы истории и культуры. Сб. научн. трудов. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2003. – С. 26–34.
89. Логинова, А. С. Провинциальные «лжецаревичи» Смутного времени и отражение самозванчества в русской общественной мысли первой трети XVII века : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Логинова Алена Сергеевна. – Тюмень, 2004. – 24 с.
90. Лотман, Ю. М. Миф – имя – культура / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Успенский Б. А. Избранные труды. – Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 433–459.
91. Лотман, Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. – Т. 1 : Статьи по семиотике и топологии культуры / Юрий Михайлович Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – 480 с.
92. Лотман, Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. – Т. 3 : Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки / Юрий Михайлович Лотман. – Таллинн : Александра, 1993. – 480 с.
93. Лесин, В. И. Мятежная Россия / В. И. Лесин. – М. : Вагриус, 2000. – 415 с.
94. Лукин, П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века / П. В. Лукин. – М. : Наука, 2000. – 294 с.
95. Мавродин, В. В. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1725–1773 гг.) // Мавродин, В. В. Рождение новой России / В. В. Мавродин. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – С. 210–393.
96. Мавродин, В. В. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева / В. В. Мавродин. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. – Т. 1. – 587 с.
97. Мавродин, В. В. По поводу характера и исторического значения крестьянских войн в России / В. В. Мавродин // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков : проблемы, поиски, решения. – М. : Наука, 1974. – С. 35–51.
98. Мадариага, И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой / И. де Мадариага. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 976 с.
99. Максимов, С. В. Сибирь и каторга / С. В. Максимов. – СПб. : Изд-е В. И. Губинского, 1900. – 492 с.
100. Марасинова, Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки) / Е. Н. Марасинова. – М. : РОССПЭН, 1999. – 302 с.
101. Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. 2-е изд. – М. : Политиздат, 1955. – Т. 1. – С. 414–429.

102. Мауль, В. Я. Архетипы русского бунта XVIII столетия / В. Я. Мауль // Русский бунт. – М. : Дрофа, 2007. – С. 255–446.
103. Мауль, В. Я. Емельян Пугачев : восхождение личности в социокультурном контексте переходной эпохи / В. Я. Мауль // Казачество России : прошлое и настоящее : Сборник научных статей. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. – Вып. 1. – С. 237–251.
104. Мауль, В. Я. Емельян Пугачев и его жены (к вопросу о гендерной проблематике русского бунта) / В. Я. Мауль // Клио. [СПб.]. – 2012. – № 11. – С. 99–102.
105. Мауль, В. Я. «Если б я был султан...» (Гендерный аспект пугачевского бунта) / В. Я. Мауль // Россия и мир : панорама исторического развития. – Екатеринбург : Волот, 2008. – С. 577–582.
106. Мауль, В. Я. Имя императора Петра III в социокультурной истории русского самозванчества (опыт аксиологической рефлексии) / В. Я. Мауль // Тюменский исторический сборник. – Вып. VIII. – Тюмень : Вектор Бук, 2005. – С. 75–88.
107. Мауль, В. Я. Имя-Образ императора Петра III в механизме культурной идентификации переходной эпохи (по материалам Пугачевского бунта) / В. Я. Мауль // Проблемы истории культуры. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2005. – Вып. 2. – С. 178–187.
108. Мауль, В. Я. Как яицкая казачка стала «великой государыней» (гендерные страницы политической истории Пугачевского бунта) / В. Я. Мауль // Казачья государственность : исторические, правовые и культурные аспекты. – Краснодар : ЮИМ, 2011. – С. 29–36.
109. Мауль, В. Я. Лжедмитрий I : телесный код как культурный маркер самозванца / В. Я. Мауль // Мининские чтения : Сб. научн. трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. – Нижний Новгород : Кварц, 2011. – С. 19–40.
110. Мауль, В. Я. Основы исторических знаний : учеб. пособие / В. Я. Мауль. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2010. – 140 с.
111. Мауль, В. Я. Первый самозванец и «третий император» : pro et contra (к вопросу о возможности сравнительного анализа) / В. Я. Мауль // Мининские чтения : Сб. научн. трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. – Нижний Новгород : Кварц, 2012. – С. 46–58.
112. Мауль, В. Я. Пугачевская версия «игры в царя» / В. Я. Мауль // Историк и художник. – М. : Знак, 2005. – Вып. 2. – С. 181–194.
113. Мауль, В. Я. Пугачевский бунт в зеркале народной смеховой культуры / В. Я. Мауль // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. – Вып. 11. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 275–292.
114. Мауль, В. Я. Русский бунт в социокультурном измерении / В. Я. Мауль. – Саарбрюккен : Lambert Academic Publishing, 2012. – 442 с.
115. Мауль, В. Я. Русский бунт как защитный механизм традиционной культуры в переходный период / В. Я. Мауль // Фундаментальные проблемы

- культурологии. – Т. 6 : Культурное наследие: от прошлого - к будущему. – М. ; СПб. : Новый хронограф, Эйдос, 2009. – С. 192–202.
116. Мауль, В. Я. Русский бунт как форма культурной идентификации переходной эпохи / В. Я. Мауль // Вестник Томского государственного университета. – 2005. – Вып. 289. – С. 144–157.
117. Мауль, В. Я. Сакрализованное пространство традиционной культуры в переходный период как месторазвитие русского бунта / В. Я. Мауль // Уваровские чтения-VI : Граница и пограничье в истории и культуре. – Муром : Муромск. ист.-худож. музей, 2006. – С. 52–58.
118. Мауль, В. Я. Самозванные цари и царевичи в социокультурной ретроспективе русского бунта (до Пугачевского восстания) / В. Я. Мауль // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной информации. – № 40 : Социокультурные аспекты изучения русского бунта. – Томск, 2005. – С. 5–43.
119. Мауль, В. Я. Тело Лжедмитрия I в контексте русской и западной культурных традиций / В. Я. Мауль // Петербургские славянские и балканские исследования. – 2012. – № 2 (12). – С. 107–120.
120. Мауль, В. Я. Харизма и бунт : психологическая природа народных движений в России XVII–XVIII веков / В. Я. Мауль. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. – 218 с.
121. Мауль, В. Я. Штрихи биографии Е. И. Пугачева в социокультурном контексте переходной эпохи : опыт нового прочтения / В. Я. Мауль // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной информации. – Январь 2005. – № 40 : Социокультурные аспекты изучения русского бунта. – Томск, 2005. – С. 44–63.
122. Медик, Х. Микроистория / Х. Медик // Thesis. – 1994. – Вып. 4. – С. 193–202.
123. Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории : теория, историография и практика конкретных исследований. – М. : ИВИ РАН, 2004. – 170 с.
124. Методологический синтез : прошлое, настоящее, возможные перспективы. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. – 204 с.
125. Мининков, Н. А. Методология истории : пособие для начинающего исследователя / Н. А. Мининков. – Ростов-на-Дону : Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. – 252 с.
126. Могильницкий, Б. Г. Введение в методологию истории : Учеб. пособие / Б. Г. Могильницкий. – М. : Высшая школа, 1989. – 175 с.
127. Могильницкий, Б. Г. История исторической мысли XX века : Курс лекций. – Вып. 1 : Кризис историзма / Б. Г. Могильницкий. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – 206 с.
128. Могильницкий, Б. Г. История исторической мысли XX века : Курс лекций. – Вып. II : Становление «новой исторической науки» / Б. Г. Могильницкий. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. – 178 с.

129. Могильницкий, Б. Г. История исторической мысли XX века : Курс лекций. – Вып. III : Историографическая революция / Б. Г. Могильницкий. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. – 554 с.
130. Молева, Н. М. Тайная канцелярия Российской империи / Н. М. Молева. – М. : Олимп, Эксмо, 2007. – 320 с.
131. Мордовцев, Д. Л. Самозванцы и понизовская вольница / Д. Л. Мордовцев. – СПб. : Издание Н.Ф. Мертца, 1901. – 278 с.
132. Мыльников, А. С. Испытание чудом : «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы / А. С. Мыльников. – Л. : Наука. Ленингр. отд-е, 1991. – 265 с.
133. Мыльников, А. С. Петр III : Повествование в документах и версиях / А. С. Мыльников. – М. : Молодая гвардия, 2002. – 511 с.
134. Мыльников, А. С. Самозванчество в контексте Просвещенного абсолютизма (о модификации просветительской идеологии в народной культуре) / А. С. Мыльников // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. – М. : Наука, 1995. – С. 24–35.
135. Об итогах и проблемах семиотических исследований // Ученые записки Тартуского университета : Труды по знаковым системам. – 1987. – № 20. – С. 3–17.
136. Обухова, Ю. А. Народный монархизм и Пугачевский бунт (по материалам сибирского региона) / В. Я. Мауль, Ю. А. Обухова // Омский научный вестник. Серия : Общество. История. Современность. – 2013. – № 1 (115). – С. 6–8.
137. Обухова, Ю. А. «Непригожие речи» послепетровской эпохи в гендерном интерьере культуры / Ю. А. Обухова // Клио: журнал для ученых. – 2013. – № 1 (73). – С. 96–100.
138. Обухова, Ю. А. Российское самозванчество XVII–XVIII веков в историографическом контексте: опыт компаративного анализа / Ю. А. Обухова // Казанская наука. – 2012. – № 11. – С. 53–58.
139. Обухова, Ю. А. Типология российских самозванцев как историографическая проблема (достоинства и недостатки) / Ю. А. Обухова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 4 (25). – С. 179–185.
140. Обухова, Ю. А. Изучение типологии самозванцев в исторической науке: опыт компаративного анализа / Ю. А. Обухова // Теоретические и методологические проблемы современных наук : материалы VI Междунар. науч.-практ. заоч. конф. (Новосибирск, 5 дек. 2012 г.). – Новосибирск, 2012. – С. 175–180.
141. Обухова, Ю. А. «Корыстные обманщики» народа (спорные вопросы историографии российских самозванцев) / Ю. А. Обухова // Перспективы гуманитарных исследований в 21 веке : материалы I междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 1 дек. 2012 г.). – Москва, 2012. – С. 99–102.
142. Обухова, Ю. А. Историческая география Дона и ментальная география российского самозванчества (постановка проблемы) /

- Ю. А. Обухова // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXV Междунар. науч. конф. (Москва, 31 янв. – 2 февр. 2013 г.): в 2 ч. – Москва, 2013. – Ч. II. – С. 453–456.
143. Обухова, Ю. А. Российское самозванчество как культурный архетип (историографические заметки) / Ю. А. Обухова // Global science communication: International scientific journal. – 2012. – № 5 (18). – С. 4–8.
144. Обухова, Ю. А. «Самозванство» и «самозванчество» (к вопросу о понятиях и дефинициях) / Ю. А. Обухова // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории : материалы VII междунар. заоч. науч.-практ. конф. (19 нояб. 2012 г.). – Москва, 2012. – С. 40–44.
145. Обухова, Ю. А. Самозванство как проблема современного социогуманитарного знания / Ю. А. Обухова // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия : материалы IX Междунар. науч. конф. (Нижевартовск, 23–24 нояб. 2012 г.). – Нижевартовск, 2013. – С. 102–104.
146. Обухова, Ю. А. «Царь-антихрист» и «царевич-избавитель» в непригожих речах XVIII века как социокультурная предпосылка появления самозванцев / Ю. А. Обухова // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Нижевартовск, 8 февр. 2013 г.). – Нижевартовск, 2013. – Ч. II. – С. 159–161.
147. Обухова, Ю. А. «На устах молитва, а в сердце злоба» : «злодей» Меншиков в непригожих речах о Петре I / Ю. А. Обухова // Меншиковские чтения – 2013. Приложение к научному альманаху «Меншиковские чтения» Меншиковские чтения – 2013 : Материалы чтений : Березово (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), 22–24 ноября 2013 г. / отв. ред. П. А. Кротов, науч. ред. М. М. Дадыкина. – СПб. : Издательство «XVIII век», 2014. – Вып. 9. – 174 с. : ил.
148. Овчинников, Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками (Источниковедческое исследование) / Р. В. Овчинников. – М. : ИРИ РАН, 1995. – 272 с.
149. О самозванцах, являвшихся при Екатерине II в Воронежской губернии [Приложения] // Ковалевский, Е. П. Граф Блудов и его время (царствование императора Александра I^{го}) [Текст] // Ковалевский, Е. П. Собрание сочинений / Е. П. Ковалевский. – СПб. : В типографии И. И. Глазунова, 1871. – Т. 1. – С. 198–199.
150. Павленко, Н. И. Страсти у трона : история дворцовых переворотов / Н. И. Павленко. – М. : Изд-во журнала «Родина», 1996. – 320 с.
151. Панченко, А. М. Русская культура в канун Петровских реформ // Панченко, А. М. Русская история и культура : Работы разных лет / А. М. Панченко. – СПб. : Юна, 1999. – С. 6–260.
152. Панченко, А. М. Иван Грозный и Петр Великий : Концепции первого монарха / А. М. Панченко, Б. А. Успенский // Из истории русской

- культуры. – Т. II. Кн. 1 : Киевская и Московская Русь. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – С. 457–478.
153. Паскаль, П. Пугачевский бунт / П. Паскаль. – Уфа : Издательство ИП Галиуллин Д. А., 2010. – 184 с.
154. Перри, М. Проблемы публикации источников по истории России в переводе на английский язык : по поводу книги Роберта Смита о закреплении русского крестьянства / М. Перри // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии : Матер. XXIV Междун. научн. конф. в честь 80-летия С. М. Каштанова (Москва, 2–3 февраля 2012 г.). – М. : Изд-во РГГУ, 2012. – С. 426–429.
155. Перри, М. Самозванцы XVII века и вопрос о легитимности правящего царя / М. Перри // Самозванцы и самозванчество в Московии. – Будапешт : RUSSICA PANNONICANA, 2010. – С. 66–88.
156. Перри, М. Символика «царских знаков» российских самозванцев XVII–XIX веков / М. Перри // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. – М. : ФГУК Московский Кремль, 2009. – С. 123–125.
157. Плюханова, М. Б. О некоторых чертах личностного самосознания в России XVII в. / М. Б. Плюханова // Художественный язык средневековья. – М. : Наука, 1982. – С. 184–199.
158. Побережников, И. В. «Добрые цари» на Урале / И. В. Побережников // Родина. – 1995. – № 2. – С. 73–74.
159. Побережников, И. В. Зауральский самозванец / И. В. Побережников // Вопросы истории. – 1986. – № 11. – С. 182–185.
160. Побережников, И. В. Крестьянское правосознание и волнения на Урале в середине XVIII в. / И. В. Побережников // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. – Свердловск : Изд-во УрО АН СССР, 1991. – С. 119–126.
161. Побережников, И. В. Народная монархическая концепция на Урале (XVIII – первая половина XIX в.) / И. В. Побережников // Уральский исторический вестник. – 1994. – № 1. – С. 31–40.
162. Побережников, И. В. Непристойные речи про царей-государей / И. В. Побережников // Родина. – 2006. – № 3. – С. 26.
163. Побережников, И. В. Слухи в социальной истории : типология и функции (по материалам восточных регионов России XVIII–XIX вв.) / И. В. Побережников. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1995. – 58 с.
164. Пособники и сторонники Пугачева. Очерки и рассказы // Русская старина. – 1876. – Т. 17. – С. 53–74.
165. Пронштейн, А. П. Земля Донская в XVIII в. / А. П. Пронштейн. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростов. ун-та, 1961. – 375 с.
166. Психология. Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М. : Политиздат, 1990. – 494 с.

167. Репина, Л. П. История исторического знания : пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – М. : Дрофа, 2004. – 288 с.
168. Свак, Д. Несколько методологических и историографических замечаний о «самозванчестве» / Д. Свак // Самозванцы и самозванчество в Москве. – Будапешт : RUSSICA PANNONICANA, 2010. – С. 38–65.
169. Семевский, М. И. Слово и дело! 1700–1725 // Семевский, М. И. Очерки и рассказы из русской истории XVIII в. / М. И. Семевский. – СПб. : Типография В. С. Балашева, 1884. – С. 1–339.
170. Сень, Д. В. Воображаемая география и имперский дискурс : практики Российской империи в Крыму и на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в. / Д. В. Сень // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 3. – С. 146–160.
171. Сень, Д. В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII – начало XVIII в.) / Д. В. Сень. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2009. – 280 с.
172. Сивков, К. В. Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII в. / К. В. Сивков // Исторические записки. – 1946. – Т. 19. – С. 63–101.
173. Сивков, К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. / К. В. Сивков // Исторические записки. – 1950. – Т. 31. – С. 88–135.
174. Скрипиль, М. О. Сказание о Вавилоне граде / М. О. Скрипиль // ТОДРЛ. – М.; Л. : Наука, 1953. – Т. 9. – С. 119–144.
175. Скрынников, Р. Г. Смута в России в начале XVII в. : Иван Болотников / Р. Г. Скрынников. – Л. : Наука. Ленингр. отд-е, 1988. – 256 с.
176. Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 12 (Льстец – Молвотворство). – СПб. : Наука., 2001. – 253 с.
177. Смирнов, И. И. Крестьянские войны и их место в истории России / И. И. Смирнов // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков : проблемы, поиски, решения. – М. : Наука, 1974. – С. 26–34.
178. Соловьев, В. М. Актуальные вопросы в народном движении (Полемические заметки о крестьянских войнах в России) / В. М. Соловьев // История СССР. – 1991. – № 3. – С. 130–145.
179. Соловьев, С. М. Заметки о самозванцах в России / С. М. Соловьев // Русский архив. – 1868. – Вып. 2. – Стб. 265–281.
180. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен // Соловьев, С. М. Сочинения в 18 книгах / С. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1994. – Кн. 14. – 640 с.
181. Телесный код в славянских культурах. – М. : ИслРАН, 2005. – 272 с.
182. Тельберг, Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века / Г. Г. Тельберг. – М. : Типография Московского ун-та, 1912. – 351 с.

183. Тихомиров, М. Н. Самозванщина / М. Н. Тихомиров // Наука и жизнь. – 1969. – № 1. – С. 116–121.
184. Трахтенберг, Л. А. Функции пародических празднеств петровской эпохи / Л. А. Трахтенберг // Бремя развлечений : Otium в Европе. XVIII–XX вв. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – С. 91–106.
185. Трефилов, Е. Н. Представления о царской власти участников народных бунтов петровского времени : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Трефилов Евгений Николаевич. – М., 2010. – 222 с.
186. Троицкий, С. М. Самозванцы в России в XVII–XVIII вв. / С. М. Троицкий // Вопросы истории. – 1969. – № 3. – С. 134–146.
187. Тульчинский, Г. Л. Испытание именем, или Свобода и самозванство / Г. Л. Тульчинский. – СПб. : Петрополь, 1994. – 70 с.
188. Тюменцев, И. О. Казачество и самозванцы в 1606–1612 гг. / И. О. Тюменцев // Казачество России : прошлое и настоящее. – Вып. 1. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. – С. 52–75.
189. Тюменцев, И. О. Рождение самозванчества в России в начале XVII века / И. О. Тюменцев // Самозванцы и самозванчество в Московии. – Будапешт : RUSSICA PANNONICANA, 2010. – С. 100–130.
190. Тюменцев, И. О. Смута в России в начале XVII столетия : движение Лжедмитрия II / И. О. Тюменцев. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. – 600 с.
191. Уортман, Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1 : От Петра Великого до смерти Николая I / Р. С. Уортман. – М. : ОГИ, 2002. – 608 с.
192. Усенко, О. Г. «Государь» или «государев атаман»? (о мифическом статусе П. Е. Хрипунова) / О. Г. Усенко // Социальная и экономическая история Тверского края. – Тверь : Изд-во Тверск. ун-та, 2009. – С. 139–149.
193. Усенко, О. Г. Еще царь Петр, и еще ... : Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I / О. Г. Усенко // Родина. – 2009. – № 2. – С. 78–80.
194. Усенко, О. Г. Иван, испугавший Анну : Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I / О. Г. Усенко // Родина. – 2008. – № 11. – С. 55–57.
195. Усенко, О. Г. Из Киева с любовью : Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I / О. Г. Усенко // Родина. – 2009. – № 1. – С. 38–39.
196. Усенко, О. Г. Изучение российского монархического самозванчества : «ловушки», проблемы, перспективы / О. Г. Усенко // Самозванцы и самозванчество в Московии. – Будапешт : RUSSICA PANNONICANA, 2010. – С. 9–37.
197. Усенко, О. Г. Как стать султаном и царем одновременно : Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I / О. Г. Усенко // Родина. – 2007. – № 5. – С. 53–57.
198. Усенко, О. Г. Когда бродяга вровень гренадеру ... : Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I / О. Г. Усенко // Родина. – 2007. – № 9. – С. 42–45.

199. Усенко, О. Г. Когда монархи маршируют : Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I / О. Г. Усенко // Родина. – 2008. – № 4. – С. 45–49.
200. Усенко, О. Г. Кто такой «самозванец»? / О. Г. Усенко // Вестник славянских культур. – 2002. – № 5-6. – С. 39–51.
201. Усенко, О. Г. Матушкины самозванцы : Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I / О. Г. Усенко // Родина. – 2010. – № 2. – С. 113–116.
202. Усенко, О. Г. Милый друг царевны Софьи : Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I / О. Г. Усенко // Родина. – 2007. – № 2. – С. 36–37.
203. Усенко, О. Г. Монархическое самозванчество в России XVII–XVIII веков как социокультурное пограничье / О. Г. Усенко // Уваровские чтения-VI : Граница и пограничье в истории и культуре. – Муром : Муромск. ист.-худож. музей, 2006. – С. 59–65.
204. Усенко, О. Г. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. (Опыт системно-статистического анализа) / О. Г. Усенко // Россия в XVIII столетии. – Вып. 2. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 290–353.
205. Усенко, О. Г. «Назвался сам собою с пьянства...» : Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I / О. Г. Усенко // Родина. – 2007. – № 10. – С. 48–50.
206. Усенко, О. Г. Новые данные о монархическом самозванчестве в России второй половины XVIII века / О. Г. Усенко // Мининские чтения : Материалы науч. конф. : Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского (29–30 октября 2004 г.). – Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского университета, 2005. – С. 74–97.
207. Усенко, О. Г. Об отношении народных масс к царю Алексею Михайловичу / О. Г. Усенко // Царь и царство в русском общественном сознании. – М. : Изд-во ИРИ РАН, 1999. – С. 70–93.
208. Усенко, О. Г. Петровская родня из Нижнего : Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I / О. Г. Усенко // Родина. – 2007. – № 7. – С. 62–67.
209. Усенко, О. Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков / О. Г. Усенко. – Тверь : Изд-во Тверск. ун-та, 1994. – Ч. 1. – 78 с.; 1995. – Ч. 2. – 66 с.; 1997. – Ч. 3. – 92 с.
210. Усенко, О. Г. Самозванчество на Руси : норма или патология? / О. Г. Усенко // Родина. – 1995. – № 1. – С. 53–57; № 2. – С. 69–72.
211. Усенко, О. Г. Типология самозванцев монархического толка в России второй половины XVIII века / О. Г. Усенко // История России сквозь призму борьбы за власть. – СПб. : Нестор, 2004. – С. 13–16.
212. Усенко, О. Г. Три царевича Алексея : Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I / О. Г. Усенко // Родина. – 2007. – № 11. – С. 119–126.
213. Усенко, О. Г. Хронология и география монархического самозванства в Российской империи второй половины XVIII в. / О. Г. Усенко // Герои и антигерои в исторической судьбе России. – СПб. : Нестор, 2004. – С. 47–50.

214. Усенко, О. Г. Царский братец из Лефортова полка : Галерея лже-монархов от Смуты до Павла I / О. Г. Усенко // Родина. – 2007. – № 3. – С. 52–56.
215. Успенский, Б. А. *Historia sub specie semioticae* // Успенский Б. А. Избранные труды. – Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры / Б. А. Успенский. – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 71–82.
216. Успенский, Б. А. Царь и патриарх : харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление) / Б. А. Успенский. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 680 с.
217. Успенский, Б. А. Царь и самозванец : самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б. А. Избранные труды. – Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры / Б. А. Успенский. – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 142–183.
218. Фаизова, И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии / И. В. Фаизова. – М. : Наука, 1999. – 222 с.
219. Федотов, Г. П. Святые Древней Руси / Г. П. Федотов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. – 384 с.
220. Чистов, К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд) / К. В. Чистов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 539 с.
221. Чистякова, Е. В. Степан Разин и его соратники / Е. В. Чистякова, В. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1988. – 224 с.
222. Щебальский, П. К. Начало и характер Пугачевщины / П. К. Щебальский. – М. : В Универ. типографии, 1865. – 113 с.
223. Эйдельман, Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России : Конец XVIII – начало XIX столетия / Н. Я. Эйдельман. – М. : Мысль, 1982. – 368 с.
224. Эйдельман, Н. Я. Лже... / Н. Я. Эйдельман // Наука и жизнь. – 1980. – № 7. – С. 112–118.
225. Эйдельман, Н. Я. «Революция сверху» в России / Н. Я. Эйдельман. – М. : Книга, 1989. – 176 с.
226. Эйдельман, Н. Я. Твой восемнадцатый век; Прекрасен наш союз / Н. Я. Эйдельман. – М. : Мысль, 1991. – 397 с.
227. Юдин, А. В. Русская народная духовная культура / А. В. Юдин. – М. : Высшая школа, 1999. – 331 с.
228. Юдин, П. Л. К истории Пугачевщины / П. Л. Юдин // Русский архив. – 1896. – Кн. II. – № 6. – С. 5–46; 161–184.
229. Perrie, M. Pretenders in the Name of the Tsar : Cossack «Tsareviches» in Seventeenth Century Russia / M. Perrie // Von Moskau nach St. Petersburg : Das russische Reich im 17 Jahrhundert. – Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2000. – P. 243–256.
230. Perrie, M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia : The False Tsars of the Time of Troubles / M. Perrie. – Cambridge : University Press, 1995. – 270 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Российские монархические самозванцы 1701–1800 гг.

1701 г.

1. [Родионов] Иван Родионов сын – «царь Иван V Алексеевич».

1702 г.

2. Китаев (Китов, он же Никифоров), Петр Иванов сын – «богоизбранный жених царевны Софии Алексеевны».

3. Попов Иов – «царь Иван Алексеевич» (брат Петра I Алексеевича).

1706 г.

4. Поликарпов Григорий Михайлов сын – «царь Иван, брат царя Алексея Михайловича».

1709 г.

5. Семионов Григорий – «турский царь (салтан) и Белый царь»

1710–1735 гг.

6. Ваносов Хаска (в крещении Михайлов Иван) – «государь» (повелитель «самоедов»).

1712 г.

7. Крекшин Андрей Иванов сын – «царевич Алексей, сын императора Петра I».

1717/18 г.

8. Девора – «царевна Наталья Алексеевна, сестра императора Петра I».

1722 г.

9. [Родионов] Алексей Родионов сын – «царевич Алексей, сын императора Петра I».

1723 г.

10. [Алексеев] Михаил Алексеев – «царский брат» (Петра I), «грузинский царь», «генерал Преображенского полка».

1724 г.

11. [Артемьев] Евстифей Артемьев сын – «царевич Алексей, сын императора Петра I».

1725 г.

12. Семиков Александр – «царевич Алексей, сын императора Петра I».

1731 г.

13. Холщевников Андрей Иванов сын – «царевич Алексей, сын императора Петра I», «Петр Алексеевич Копейкин» (Петр II?).

1732 г.

14. Труженик Тимофей – «царевич Алексей Петрович».

15. Стародубцев Ларион – «царевич Петр Петрович».

16. Петраков Петр – «царь».

1733 г.

17. Обудин Андрей Гаврилов сын – «царь и царевич».

18. Владыкин Сергей Алексеев сын – «бог и царь», «император Петр III, сын Петра II».

1734 г.

19. Дюков Филипп – «богоизбранный царь».

1735 г.

20. Костюнин Алексей Филиппов сын – «жених государыни» (Анны Иоанновны).

1737 г.

21. [Иванов] Петр Иванов сын – «император Петр II Алексеевич».

22. Иеракс – «будущий император, жених цесаревны Елизаветы Петровны».

23. Миницкий Иван Петров сын – «царевич Алексей Петрович».

24. Калдаев Аверкий (Аверьян) – «богоизбранный царь Петр Петрович».

1739 г.

25. [Кондратьев] Иван Кондратьев – «пророк», «царь Иван», он же «Петр I».

1740 г.

26. Волков Леонтий – «богоизбранный царь Михаил», «архангел».

27. Смагин Василий Степанов сын – «царевич Александр, сын Петра I и Евдокии Лопухиной».

28. Татаринов Яков Михайлов сын – «царь Михаил» (архангел?), «российский царь».

29. Мячков Сергей Никонов сын – «генералиссимус, царевич, наследник Тевриского государства», «император, государь Петр Михайлов».

30. [Васильева] Марья Васильева дочь – «государыня царица, жена царя Александра».

1741 г.

31. [Прокофьев] Петр Прокофьев сын – «российский царь Петр, жених цесаревны Елизаветы Петровны».

32. Волков Алексей Семенов сын – «племянник царевны Софьи Алексеевны», «внук Иоанна Крестителя».

1742 г.

33. Дириков Иван – «царевич, сын императора Петра I».

34. Гридин Петр – «император».

35. Крылов Иван – «жених государыни» (Елизаветы Петровны).

1743 г.

36. [Новиков] Мирон Новиков сын – «царь и князь Российской империи».

1746 г.

37. Дмитриев Нефед Сидоров сын – «царь, земной бог».

38. Денисов Моисей – «государь и регент».
39. Никитин Дмитрий Андреев сын – «император, сын Петра I».
1747 г.
40. [Васильев] Михаил Васильев сын – «царевич Петр Петрович, сын императора Петра I».
41. Дружинин Григорий Иванов сын – «богоизбранный царь».
42. Иванов Федор – «сын Ивана V».
1750 г.
43. Красильников Егор Кириллов сын – «царь», «патриарх», «архангел».
1752 г.
44. [Петров] Пимен Петров сын – «первый император и царь» (Петр I).
45. Дьячков (он же Купцов), Гаврила Андреев (Андреянов) сын – «царь Петр».
46. Корела Максим – «жених государыни Елизаветы Петровны».
1753 г.
47. [Михайлов] Дмитрий Михайлов сын – «царь, государь».
1754 г.
48. Ширяев Захар Кириллов сын – «государь, муж императрицы Елизаветы».
49. [Аникиев] Иван Аникиев сын – «царь».
1756 г.
50. [годы точно не известны, между 1730 и 1750 гг.] Чевычелов Артамон – «император».
51. Рандачич Михаил – «Первый император» (Петр I).
1760-е годы (точная дата не известна)
52. Матвеев Иван Михайлов сын – Иван VI (Иван Антонович).
1761 г.
53. Корякин Елизар Васильев сын – «царь Михаил» (архангел?), «российский государь».
54. Семилеткин Иев Евдокимов сын – «император Петр II Алексеевич» (в 1765 г. – «побочный сын царицы Евдокии Федоровны, первой жены Петра I»)
1762 г.
55. Гаудекер Теофил – «племянник императора Петра I Алексеевича».
1763 г.
56. Асланбеков Антон Григорьев сын – «император Петр III Федорович», «земной бог».
1764 г.
57. [Сергеев] Василий Сергеев сын – «государь император, жених Екатерины II»; «святой, пророк, святитель, преподобной отец и апостол превыше Господа Саваофа».

58. [Иванов] Михаил Иванов сын [псевдоним?] – «император Петр III Федорович».

59. [Леонтьев] Василий Леонтьев сын – «император Петр III Федорович» (предположительно).

60. Дубровкин Влас – «государь, царь и император Власий (Евласий) I», «земной бог»; «Царь Небесный, Бог-Отец».

61. Колченко (Калченко), Николай Иванов сын – «император Петр III Федорович».

1765 г.

62. [Васильев] Григорий Васильев сын – «император Петр II Алексеевич».

63. Кремнев Гаврила Акимов сын – «император Петр III Федорович».

64. Чернышев Петр Федоров сын – «император Петр III Федорович».

1766 г.

65. Гришин Федот – «богоизбранный царь и пророк».

1767 г.

66. Фридрих Вильгельм Карлов сын Мейбом – «сын императора Петра I Алексеевича» (от Екатерины I) или его «внук» (сын царевича Алексея Петровича); «апостол Павел, пророк»; «Христос».

1768 г.

67. Заварзина Авдотья (Евдокия) Васильева дочь – «Государыня» [императрица Екатерина II Алексеевна?].

68. Опочинин (Опачинин, Апачинин) Ипполит Александров сын – «наследник российского престола, сын императрицы Елизаветы Петровны и английского короля».

69. Шнидер Мартин (Мартын) – «богоизбранный жених императрицы Екатерины II».

1769 г.

70. Краснощекова (Краснощокова) Анисья Иванова дочь – «сестра императора Петра III Федоровича, бывшая фрейлина при дворе императрицы Екатерины II».

1772 г.

71. Богомоллов Федот Иванов сын; псевдоним - Казин – «император Петр III Федорович».

72. Пугачев Емельян Иванов сын – «император Петр III Федорович».

1773 г.

73. Кретов Николай Яковлевич – «император Петр III Федорович».

1774 г.

74. [Васильев] Клим Васильев сын – «император Петр III Федорович, внук императора Петра I Алексеевича от императрицы Екатерины Алексеевны или Анны Иоанновны».

75. Кузнецова Устинья Петрова дочь – «императрица Устинья Петровна», жена «императора Петра III – Е.И. Пугачева».

76. Мосякин Иев Макаров сын – «император Петр III Федорович».
77. [Андреев] Иван Андреев сын – «император Петр III Федорович, сын принца Голштинского».
78. [Имя не установлено] – «княжна Тараканова», «дочь Елизаветы Петровны и А.П. Разумовского», «сестра императрицы».
- 1775 г.**
79. Забелин Иван Кириллов сын – «император Иван Васильевич» [царь Иван IV Грозный?].
80. Баташевский Николай Карлов сын – «царь Санкт-Николай (Ефраим), правитель России и Пруссии, укрепитель небесной силы», «ангел, Святой Дух, второй по Христе Сын Божий».
81. Фоменко Иван Кириллов сын – «Государь», «генерал».
82. Макаров Иов – «император Петр III».
- 1776 г.**
83. Бинг Юкас (Иосиас) Леопольд – «цесаревич Павел Петрович, наследник российского и датского престолов».
84. Дмитриев Николай Антипов сын – «сын герцога Голштинского» [император Петр III Федорович?].
85. Сытин Александр Кириллов сын; в монашестве (с 23 декабря 1781 г.) Амвросий – «муж императрицы Екатерины II».
- 1777 г.**
86. [Никифоров] Иван Никифоров сын – «император Петр III Федорович».
- 1778 г.**
87. Корсакова (в девичестве Рагозинская) Александра Васильева дочь – «Александр Великий» [царь Александр Македонский?]; 1779 г., март – 11: «дочь императрицы Елизаветы от А.Г. Разумовского».
88. Ханин Максим Анисимов сын – «император Петр III Федорович», «большой боярин».
- 1779 г.**
89. Савёлов Герасим Васильев сын – «царь», «государь» [император Петр III Федорович?].
90. [Петров] Петр Петров сын – «царь Петр» [император Петр III Федорович?].
- 1780 г.**
91. Галушка Прокоп Иванов сын – «Первый император» [Петр I Алексеевич?].
92. [около 1780 г.] Степанов Николай – «сын Екатерины II».
93. Акулина Иванова дочь – «императрица Елизавета Петровна».
- 1781 г.**
94. Смоленцов (Смолейцов) Василий Ильин сын – «царь», «государь», «пророк, святой, первозданной Адам, премудрый философ».

1782 г.

95. Амвросий, бывший игумен [мирское имя неизвестно] – «царевич, наследник российского престола, сын императрицы Елизаветы Петровны и эрцгерцога Фридриха Прусского»; «патриарх, посвященный от самого Христа».

96. Сорокин (Шляпников) Николай – «царь, наследник российского престола цесаревич Павел Петрович», «земной бог».

97. Попович Дмитрий Григорьев сын – «император Петр III Федорович».

1783 г.

98. Зайцев (Заяц) Григорий Акимов сын; в монашестве (с 14 августа 1802 г.) – Герасим – «наследник российского престола цесаревич Павел Петрович».

1785 г.

99. Шурыгин Осип – «царский сын» [сын императрицы Екатерины II].

100. Пакарин Иван – «наследник престола, жених дочери императрицы Екатерины II».

101. Ушаков (Ушков) Федор Васильев сын – «государь царь Феодор»; «царь Михаил» [архангел?].

1786 г.

102. Сенютин Никита Андреев сын – «император Петр III Федорович», «Санкт-Петербургский Петр».

103. Хрипунов Петр – «Петр III».

1787 г.

104. Дьяконов Алексей Ефимов сын – «муж императрицы Екатерины II».

105. Бунин Василий Лаврентьев сын – «император Петр III Федорович».

106. Тюменева (в девичестве Кашкарова) Марья Петрова дочь – «двоюродная сестра императора Петра III Федоровича» [В.Л. Бунина].

1788 г.

107. Курдилов Тимофей – «принц Иоанн Антонович».

1789 г.

108. Нестеренко (Таран, Таранов) Петр Степанов сын – «император Петр III Федорович».

1790 г.

109. Замыцкий Петр Григорьев сын – «побочный сын императора Петра I Алексеевича»; «апостол».

1796 г.

110. [Владимиров] Ксенофонт Владимиров сын – «сын голландского короля»; «сын императора Петра III Федоровича».

111. Петериков Семен Анисимов сын – «император Петр III Федорович».

112. Середенко (Середенкова, Серета) (по мужу Харченко) Прасковья Григорьевна дочь – «цесаревна и великая княжна Елена Павловна».

1797 г.

113. Борняков Кирилл Иванович сын – «цесаревич и великий князь Александр Павлович, наследник престола».

1798 г.

114. Сочнев Борис – «цесаревич и великий князь Александр Павлович, наследник престола».

1800 г.

115. Родде Иван Иванович сын – «царь, сын императора Петра I Алексеевича, наследник престола».

Сводная таблица составлена с использованием имеющихся в науке данных и изученных нами источников:

1. Российские лжемонархи 1701–1761 гг. // Усенко О. Г. Неизвестные нижегородские лжемонархи // Мининские чтения 2006. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. – С. 214–219.

2. Усенко, О. Г. Новые данные о монархическом самозванчестве в России второй половины XVIII века // Мининские чтения 2004. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. – С. 84–89.

3. Арканникова, М. С. Приложение 1: Примерный перечень самозванных претендентов на царское имя и (или) титул начала XVII – начала XXI столетий в России // Арканникова М. С. Самозванчество как проявление кризиса легитимности власти в России: Дис. на соиск. уч. степ. канд. полит. наук. – СПб., 2005. – С. 198–219.

4. Мауль, В. Я. Как яицкая казачка стала «великой государыней» (гендерные страницы политической истории Пугачевского бунта) // Казачья государственность: исторические, правовые и культурные аспекты. – Краснодар: ЮИМ, 2011. – С. 29–36.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Источниковедение и историография	5
Глава I. Теоретико-познавательные традиции и перспективы изучения российских самозванцев	21
§ 1. Понятийный инструментарий исследования: «самозванство» и «самозванчество»	21
§ 2. Социальная сущность и типология российских самозванцев: традиции и перспективы изучения	42
§ 3. Детерминанты успеха российских монархических самозванцев: выявление и анализ стимулирующих факторов	60
Глава II. Исторические факторы возникновения и развития феномена российских монархических самозванцев	80
§ 1. «Непригожие речи» как предпосылка для появления российских монархических самозванцев	80
§ 2. Реализация императивов народного монархизма российскими самозванцами XVIII столетия	105
§ 3. «Император» Пугачев/Петр III как «идеальный тип» российского монархического самозванца XVIII века	133
Заключение	167
Библиография	173
Приложение	193

Научное издание

Обухова Ю. А.

**ФЕНОМЕН МОНАРХИЧЕСКИХ САМОЗВАНЦЕВ В КОНТЕКСТЕ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ XVIII СТОЛЕТИЯ)**

В авторской редакции

Подписано в печать 18.08.2016. Формат 60x90 1/16. Печ. л. 12,6
Тираж 100 экз. Заказ № 553

Библиотечно-издательский комплекс
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет»
625000 г. Тюмень, ул. Володарского, 38

Типография Библиотечно-издательского комплекса
625039 г. Тюмень, ул. Киевская, 52